

Сопоставительные Исследования 2005



**Воронеж
2005**

**Воронежский государственный университет
Факультет романо-германской филологии
Кафедра английского языка**

**Сопоставительные
Исследования
2005**

Научное издание

**Воронеж
2005**

Сопоставительные исследования 2005 – Воронеж: Истоки, 2005. – 220 с.

Предлагаемый межвузовский сборник научных трудов является вторым в серии ежегодных публикаций, посвященных проблемам сопоставительных исследований. Сборник подготовлен на кафедре английского языка факультета романо-германской филологии ВГУ. Материалы, включенные в сборник, выполнены в русле исследований теоретико-лингвистической школы кафедры общего языкознания и стилистики ВГУ.

Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, научных работников.

Редакционная коллегия:

проф. А.П. Бабушкин, проф. В.Б. Гольдберг, проф. И.А. Стернин,
проф. М.А. Стернина, проф. В.М. Топорова, к.фил.н. Н.М. Шишкина

Научный редактор – М.А. Стернина

Компьютерная верстка, оригинал-макет – М.А. Стернина

© Коллектив авторов, 2005
© Издательство «Истоки», 2005

ISBN

Раздел 1.

Теоретические проблемы сопоставительных исследований

И.А. Стернин
Воронеж

Сопоставление языков и обучение языку

Идея о важности сопоставительного описания языков для обучения одному из них носителей другого не нова и неоднократно высказывалась и лингвистами, и методистами. О важности сопоставления языков для преподавания пишут все диссертанты, чьи работы посвящены сопоставительной проблематике – и это рассматривается как важная сторона практического применения результатов исследования.

Об этом же пишут теоретики сопоставительных исследований. Как подчеркивал В.М.Мокиенко, при подготовке к занятиям преподаватель обязательно должен иметь в виду родной язык учащихся – имплицитное использование этих знаний является залогом борьбы с интерференцией и путем к использованию случаев положительного трансфера (Мокиенко, с.57).

В.М. Мокиенко также указывает, что преподавателю нужно дифференцированно использовать сопоставление. На начальном этапе использование сопоставления с родным языком учащихся является категорической необходимостью – учащимся приходится все время обращаться к двуязычным словарям и грамматическим аналогиям, но здесь цели сопоставления прагматичны, заужены. На продвинутом же этапе учащиеся уже получают представление об общесистемных различиях и сходствах родного и изучаемого языков. Необходимо сопоставление и при усвоении профессиональной речи, так как здесь обнаруживается много ложных соответствий (Мокиенко, с.56).

На начальном этапе, по мнению В.М. Мокиенко, эффективнее семасиологическое направление сопоставления - от формы к значению, что дает возможность усвоить специфику изучаемого языка в ее функциональных потенциях. На продвинутом этапе более эффективно сопоставление от значения к форме - ономасиологическое направление (Мокиенко, с.58).

Необходимо учитывать и степень родства языков. При сопоставлении неродственных языков акцент делается на различное семантическое членение, лакуны, то есть, основное внимание уделяется плану содержания. При сопоставлении родственных языков основное внимание уделяется плану выражения, так как основные категории совпадают (Мокиенко, с.57).

Особое значение приобретает учет сопоставительных данных при обучении языку с целью активного владения, так как именно в этом случае расхождения между языками обнаруживаются в речи учащихся в виде ошибок (Гудавичюс, с.158).

Однако до сих пор сопоставление с родным языком учащихся так и не стало в отечественной лингводидактике методическим принципом.

С нашей точки зрения, причин тут несколько. Первая – слабое владение преподавателями-русистами родными языками студентов-иностранцев, которых они обучают. Не случайно именно в методике преподавания русского языка как иностранного принцип опоры на родной язык учащегося встречал самое серьезное сопротивление (например, в методических разработках Института русского языка им. А.С. Пушкина, которые в противовес упорно выдвигали и до сих пор продолжают выдвигать т.н. принцип системности как альтернативный путь обучения). Любопытно, что в действительности принцип системности никак не противоречит принципу учета родного языка обучающегося.

Вторая причина – в отсутствии разработанных приемов использования сопоставления в практике преподавания, в отсутствии пособий, словарей, в которых тот или иной язык был бы описан на основе сопоставления с другим языком.

В третьих, до сих пор присутствует недостаточно четкое разграничение сопоставительного и контрастивного подходов к языкам – второй подход предназначен для практического описания одного языка на фоне другого, в то время как первый носит в большей мере теоретико-лингвистический характер (см. Стернин).

Контрастивная лингвистика имеет важнейшее значение для лингводидактики, обучения иностранным языкам, поскольку она фактически создает лингвистическую базу для такого обучения, позволяет сформировать в сознании учащегося значения слов изучаемого языка в том объеме и компонентном составе, в котором они представлены в сознании носителей данного языка как родного.

К достижению этой цели должны в идеале быть направлены усилия как преподавателя, так и учащегося, усилия лингводидактики в целом.

В связи с этим важно подчеркнуть, что обучение лексике студента-иностранца в принципе должно базироваться на лингводидактическом описании лексических единиц, то есть таком их лингвистическом описании, которое может быть использовано в лингводидактических целях.

Контрастивный анализ лексики имеет своей целью именно лингводидактическое описание исследуемого материала, так как предполагает такое описание, при котором выявляются и описываются все несовпадающие компоненты единиц изучаемого языка и соответствующих им единиц родного языка учащихся, а также включает адекватное представление результатов этого описания в удобном для практики преподавания виде.

Важно подчеркнуть, что отдельные результаты контрастивного описания лексики могут быть внедрены в практику преподавания сразу же после их получения. К примеру, дифференциальные толкования отдельных единиц или групп лексики могут приводиться в виде списков, непосредственно включаться в учебники и учебные пособия при изучении отдельных тем, в учебные материалы для подготовки к занятиям по отдельным темам.

Для обучения лексике использование результатов ее контрастивного описания является необходимостью.

Практическое использование результатов контрастивного описания лексики относится к недостаточно разработанным проблемам лингводидактики. Как справедливо отмечает А.И.Фефилов, двуязычные словари «ориентированы прежде всего на перевод, но мало пригодны для развития навыков и умений устной и письменной речи на иностранном языке. Это всего лишь своеобразные справочники значений слов» (Фефилов, с.68).

А.И. Фефилов предполагает отразить результаты сопоставительных исследований лексики в учебном словаре, названным им понятийно-центрическим, в котором фиксировалась бы «эквивалентность целых знаков» (там же, с. 68).

Ученый приводит образец словарной статьи такого словаря со словом **sagen**, где все значения глагола обобщены, сведены к четырем лексикографическим конструктам - «некоторым инвариантам, выведенным лексикографом в целях классификации значений у словосочетаний» (там же, с. 69) и приведены немецкие словосочетания с близкими им по значению русскими словосочетаниями (там же, с.70).

Признавая целесообразность фиксации эквивалентных словосочетаний в целях обучения языку, мы, однако, полагаем, что в предлагаемом А.И. Фефиловым словаре «семантическая реальность» несколько искажается. В сознании носителей немецкого языка вряд ли есть такие значения глагола **sagen** как: «выделение способа, манеры говорения, звучания»; «ориентация на объект речи, предмет говорения»; «выделения речевой реакции на побуждение»; «выделение способа побуждения адресата» (Фефилов, с.70).

Подобные дефиниции могут поставить учащегося в тупик, поскольку и в русском языке значений в такой формулировке обнаружить нельзя. Значения в учебном словаре, как представляется, должны формулироваться исходя из семантической реальности, понятно для рядового носителя языка, включать реально осознаваемые носителями языка семантические компоненты. Отметим также, что в варианте словаря А.И.Фефилова не выделена национальная специфика значений. Однако А.И. Фефиловым совершенно правильно поставлен вопрос о необходимости разработки учебных словарей особого типа.

Результаты контрастивного анализа дают в руки преподавателя список единиц и их семантических различий, способных вызвать интерференцию. Приведем пример.

При введении в немецкой аудитории глагола **изучать** преподаватель должен учесть, что в немецком языке данный глагол имеет соответствие **studieren**, которое имеет два значения: 1) изучать что-либо, 2) учиться в вузе или среднем специальном учебном заведении. Первое значение эквивалентно русскому, а второе часто вызывает интерференционные ошибки типа: *Я изучаю в университете; В этом университете изучались многие великие русские писатели* и т.д.

В связи с этим необходимо сразу же дать русское соответствие для второго значения слова **studieren**, таким соответствием будет глагол **учиться**. При

этом преподаватель вновь должен обратить внимание на то, что слову **учиться**, кроме **studieren**, в немецком языке соответствует еще и глагол **lernen** «учиться в школе». Необходимо обратить внимание учащихся на этот факт, пояснив, что в русском языке существует один глагол с более широким значением, в то время как в немецком – два, с более конкретными. Необходимо также учесть, что в русском языке есть «ложный друг» переводчика – глагол **штудировать**, который имеет узкое значение «тщательно, прилежно изучать» и является малоупотребительным. Указывать на «ложных друзей» переводчика необходимо, чтобы предотвратить возможную интерференцию; контрастивная работа в этом плане проделана в словаре К. Готлиба, который с успехом может быть использован для этих целей («Немецко-русский и русско-немецкий словарь ложных друзей переводчика»). Кстати, это единственное пока контрастивное описание русской и немецкой лексики, получившее лексикографическое отражение.

С учетом сказанного можно следующим образом представить себе дифференциальную семантизацию глагола *изучать*:

ИЗУЧАТЬ – усваивать в процессе изучения; то же, что **studieren**.

Не путать: **штудировать** – тщательно, прилежно изучать (разг., малоупотр.) – ср. **studieren**.

УЧИТЬСЯ – получать знания в каком-либо учебном заведении.

Ср.: **lernen** – учиться в школе
studieren – учиться в вузе или среднем специальном учебном заведении.

Таким образом, выявлена контрастивная микрогруппа и осуществлена дифференциальная семантизация входящих в ее состав лексических единиц. Установлена эквивалентность единиц (**изучать** – **studieren**), проведена дифференциальная семантизация пар слов, обладающих национальной спецификой семантики (**штудировать** – **studieren**, **учиться** – **lernen**, **учиться** – **studieren**).

Учащийся в результате усваивает некоторый фрагмент системы русского языка с учетом семантических дифференциаций, что обеспечивает адекватное понимание значений русских слов в их национальной специфике и предотвращает возможную интерференцию и случаи ошибочного употребления.

Конечно, и русские, и немецкие глаголы, рассмотренные в составе контрастивной микрогруппы, имеют и другие значения, но в практике преподавания педагог в процессе дифференциальной семантизации ограничивается теми значениями, которые нужны в соответствии с изучаемой темой – например, глаголы приобретения знания, как в приведенном выше примере. Если цель занятия иная, то список членов контрастивной группы может возрасти или измениться, но принцип рассмотрения и преподнесения материала учащимся останется тем же.

Необходимо также подчеркнуть, что особую дидактическую значимость приобретает тщательная контрастивная семантизация векторных соответствий вводимой единицы русского языка, так как учащиеся испытывают гораздо большие затруднения в понимании и употреблении видовых лексических

единиц при наличии одного обобщающего слова в родном языке, чем наоборот – при соответствии видовым словам родовой единицы в изучаемом языке. В первом случае необходима тщательная работа по обучению учащихся видовой номинации в опоре на дифференциальные семантические признаки видовых единиц.

В принципе преподаватель должен располагать учебным контрастивным словарем лексики изучаемого учащимися языка. Такой словарь, как нам представляется, может относиться к разряду толковых или к разряду переводных словарей; разумеется, им будут пользоваться не только преподаватели, но и учащиеся. Данный словарь будет лексикографическим результатом контрастивного описания лексики (см. Стернин).

В целом предметом обучения языку являются национальные языковые средства и национальный механизм вербализации мыслительного содержания. Язык является *национальным* средством выражения мысли, поэтому обучение учащихся вербализации мысли на изучаемом языке требует постижения ими иных средств и иного механизма вербализации, нежели тот, к которому они привыкли с детства, пользуясь родным языком. В связи с этим первостепенное значение приобретает изучение ими языка как *национально-своеобразной* системы.

На разных этапах освоения учащимися системы того или иного национального языка использование контрастивных описаний единиц и элементов этой системы на фоне их родного языка является важным условием формирования в их сознании адекватной системы изучаемого языка в ее полноте и национальном своеобразии.

Литература

1. Гудавичюс. А.И. Сопоставительная семасиология русского и литовского языков. Вильнюс, 1985.
2. Мокиенко В.М. Сопоставление в теории и практике преподавания русского языка как иностранного //РЯзР. –1987.- № 5.
3. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Воронеж: «Истоки», 2004.
4. Фефилов А.И. Основы конфронтативного анализа лексики немецкого и русского языков. Куйбышев, 1985.

А.П. Бабушкин
Воронеж

К вопросу о сопоставительной семиотике

История отношения имени и предмета, несущего данное имя, уходит своими корнями в глубокую древность. Еще во времена Платона и Аристотеля развернулась дискуссия между «натуралистами» и «конвенционалистами». «Конвенционалисты» (от лат. conventio – договор, соглашение) считали, что имя – конвенционально, то есть, создано по уговору. Сегодня большинство лингвистов придерживаются той точки зрения, что связи между словарным обозначением и самой вещью не существует. Эта традиция восходит к одному из известнейших постулатов швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра,

утверждавшего идею произвольности языкового знака. Однако в целях нашей работы следует вспомнить и противоположную точку зрения, выдвинутую «натуралистами»: в словах закрепляются характеристики, свойственные предметам окружающего мира. Эта позиция была заявлена древнегреческими философами в дошедшем до наших дней литературно-философском трактате «Кратил».

В диалоге «Кратил» Платон спорит с Гермоденом по поводу истории происхождения имен. Их спор, в котором позднее принял участие учитель Платона – Сократ, был нацелен на раскрытие, выражаясь современным языком, отношений между означающим и означаемым – связаны ли имена вещей с их природной сущью.

Многие примеры, по мнению Сократа, служат доказательством обусловленности имени свойствами самого предмета. Хотя названия вещам дают люди (и в этом смысле они законодатели), их имена отнюдь не произвольны. Так звук «г», как это представляется Сократу, является прекрасным средством выражения движения и порыва. Сократ приводит множество иллюстраций, демонстрирующих, как этот звук «живописует» природные явления (как будто он буквально списан с натуры). Прежде всего, подражает порыву имя «река», происходящее от слова «течь» (rein) и «стремнина» (roē), затем слово «трепет» (tromas), «пробегать» (trechen). В этот же список включаются такие глаголы, как «дробить» (croyein), «крушить» (trayein), «рвать» (ereiken), «рыть» (thryptein), «вертеть» (gymbein). Все они выразительны благодаря звуку «г».

«Я думаю, – рассуждает Сократ, – законодатель видел, что во время произнесения этого звука язык совсем не остается в покое и сильнейшим образом сотрясается. Поэтому, мне кажется, он и воспользовался им для выражения соответствующего действия». В «Кратиле» приводятся многие другие примеры, цель которых – показать, что отражательной характеристикой обладают не только звуки, но и целые слова, составляемые из этих звуков (Платон, с. 472).

Исследователь текста «Платон» А.Ф. Лосев объяснял взгляды Платона и его единомышленников реакцией на бытовавшее в ту эпоху мнение, что предмет может быть поименован кем попало и как попало. Однако именами нельзя пользоваться, как кому заблагорассудится. Если имеется субъективное именование определенного предмета, то должна существовать объективная причина для этого. Платон пытался выявить тем самым степени проявления в человеческом субъекте объективно существующего мира (Лосев, с. 599).

За связь между звуковой оболочкой слова и его значением выступал Гераклит. Похожие мысли высказывали и философы-стоики (Степанова, с. 163-164).

Обсуждение вопроса взаимосвязи звуковой формы слова с несомым ею смыслом продолжалось в трудах Д. Локка, Г.В. Лейбница, Э.Б. Конделяка, И. Канта, И.Г. Гергера и других исследователей. Известна работа Э. Сепира, специально посвященная этой проблеме (Сепир, с. 331-335).

Конечно, не все языковеды разделяли и разделяют идею взаимосвязи смысла слова и его фонетического оформления. Так австрийский лингвист К.

Бюлер, применяя фонетические знания, показал несостоятельность усмотрения в звучании немецкого слова «seife» (*мыло*) способность этого моющего средства давать обильную пену, процесс образования которой якобы закреплён в звуках языка, обозначающих данный предмет (Бюлер, с. 188-189).

Тем не менее, существующая критика не умалила внимание ряда ученых к таким притягательным лингвистическим феноменам, как звукоподражание и звукосимволизм. В 70-80-х годах двадцатого столетия звукосимволизм стал рассматриваться в рамках фоносемантики – психолингвистической дисциплины, изучающей звукоизобразительную систему языка.

Менее изучен звукосимволизм при семиотическом подходе к фактам языка. Фундамент семиотики как самостоятельной дисциплины заложил американский философ, логик и математик Ч. С. Пирс. Именно Пирс предложил типологию знаков, включающую знаки-иконы, знаки-индексы и знаки-символы. В иконических знаках означающее должно быть сходно с означаемым (случаи звукоподражания безусловно следует трактовать как «живописующие» знаки, знаки-иконы). В течение долгого времени звукоподражание и звукосимволизм приравнивались друг к другу. Однако между ними имеются различия: звукоподражание – это подражание звуком звуку (отражение в звучании слова звукового признака денотата), а звукосимволизм – подражание звуком не-звуку (отражение в звучании какого-либо незвукового признака) (Языкознание. Большой энциклопедический словарь, с.165).

Последователь Пирса в семиотической теории Р.О. Якобсон указывает на иконическую сущность, которой способны обладать не только отдельные слова, но и целые лексические группы тематически связанных между собой слов. Это явление демонстрирует «огромную важность взаимодействий» между звуком и значением, независимо (что важно!) от происхождения составляющих таких группировок в пределах одного языка. Со ссылкой на Д. Болинджера ученый приводит ряд созвучных лексем, в той или иной степени сводимых под одну тематическую рубрику: «bash» – *ударять*, «mash» – *разваливаться*, «smash» – *разбивать вдребезги*, «crash» – *крушить с грохотом*, «dash» – *швырять*, «brash» – *ломать*, «clash» – *сталкивать* и т.д. (Якобсон, с. 112). Нет сомнений, что существуют и другие примеры, подтверждающие отмеченное явление.

Обратимся к подобным иконическим отношениям в рамках английского языка, рассматривая этимологически неродственные лексемы со значением «ссора», «драка».

Слово «brawl» означает ссору или перебранку, устраиваемую в публичном месте и сопровождаемую дракой, в которой принимают участие несколько человек (*a street brawl* – *уличная драка*; *a drunken brawl* – *пьяная драка*);

«Broil» – внезапно развязанная, очень часто без достаточного повода, ожесточенная и беспорядочная драка. В пылу этой драки обе стороны не разбирают, кто, кого и как бьет – «свои» и «чужие» перемешиваются;

«Row» – шумная ссора или скандал в общественном месте, которые, привлекая внимание посторонних лиц, носят оскорбительный для общественного вкуса характер;

«Rumpus» – еще более, чем «gow», подчеркивает буйный и скандальный характер ссоры, нарушающей общественную тишину и порядок;

«Scrap» (первоначально - драка без правил на ринге) означает короткую и жестокую стычку, обычно между двумя участниками (Англо-русский синонимический словарь, с. 77-78).

Сюда же относится слово «riot» в значении *бунт, беспорядок*.

Сравните в немецком языке: «prügeln» – *драка, потасовка* («prügel» – *палка, дубинка*); «gauferei» – *свалка, драка, такая, что «только клочья летят»*.

Сопоставительный анализ показывает, что и в русском языке имеются лексические единицы, объединенные указанным выше смыслом. По Толковому словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, «драка» – взаимные побои, вызванные ссорой, скандалом; «ссора» – состояние взаимной вражды, серьезная размолвка; «размолвка» – легкая ссора; «рознь» – вражда, ссора; «вражда» – отношения и действия проникнутые неприязнью; «неприязнь» – недоброжелательность, враждебность к кому или чему-нибудь. У В.И. Даля, «свара» – ссора, брань и т.д.

Сомнительно, чтобы повторение звука «р» в приведенных нами примерах было бы случайным.

Можно предположить, что в звуке «р» (его вариантах и западных соответствиях) фиксируется идея противостояния и агрессивности. Любопытно, что в английском языке буква «г» (звучащая примерно так же, как русское «р») называется «dog-letter» – «собачьей буквой», потому что многократно повторяющееся «р-р-р» слышится в рычании собаки (Brewer, с. 1032).

Думается, что иконические параллели в английском и русском языках могут быть обнаружены не только на фонетическом, но и на морфологическом и синтаксическом уровнях языка. В частности, в сфере условных предложений, сопоставительный анализ которых способен указать не только на различия (в английском языке, как известно, существует три типа условных предложения), но и сходства в типологии «возможных миров», открываемых сопоставляемыми синтаксическими моделями.

С другой стороны было бы интересно проследить, возможно ли сближение в разных языках в ходе анализа знаков-индексов и знаков-символов (если учесть, что английские и русские языки принадлежат к языкам различного строя).

Одним словом, выявляемые параллели в идентификации трех типов знаков на материале двух неродственных языков могут послужить основой для становления новой лингвистической дисциплины – сопоставительной семиотики, поэтому поиск в данном направлении представляется интересным и весьма перспективным.

Литература

1. Англо-русский синонимический словарь / Ю.Д. Апресян, В.В. Ботякова, Т.Э. Латышева и др. – 6-е изд., стереотип. - М.: Рус. язык, 2001.

2. Бюлер К. Теория языка / Пер. с нем. Т.В. Булыгиной. – М.: Прогресс, 2000.
3. Лосев А.Ф. Комментарии // Платон. Сочинения: в 3-х т. - т. 1. – М.: Мысль, 1968.
4. Платон. Кратил /Пер. Т.В. Васильевой // Сочинения: в 3-х т. – т.1. – М.: Мысль, 1968.– С. 413-421.
5. Сепир Э. Язык: введение в изучении речи / Пер. с англ. А.М. Сухотиной // Избр. труды по языкознанию и культурологии – М.: Прогресс. Универс. – С. 26-203.
6. Степанова А.С. Философия древней стои. – СПб., 1995.
7. Языкознание. Большой Энциклопедический словарь: 2-е изд. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998.
8. Якобсон Р.О. В поисках сущности языка // Семиотика. – М.:Радуга, 1983.
9. Brewer E.C. The Dictionary of Phrase and Fable. – London: Galley Press, 1997.

Л.Х. Хараева
Нальчик

Этимологические и семантические параметры межъязыковых исследований

Межъязыковые исследования охватывают различные аспекты языковых явлений. Одним из продуктивных направлений является анализ этимологических и семантических параметров слов, относящихся к определенным лексико-семантическим группам слов, покрывающим различные понятийные и предметные сферы в разнотемных языках. Изучение слов, генетически связанных между собой, восходящих к определенным этимонам, на материале различных языков позволяет вскрыть механизмы человеческого мышления, основанные на сходстве ассоциаций и, возникающих на их основе образов. В основе общих ассоциаций лежит коллективный общечеловеческий культурно-исторический опыт. Этимологии слова является стартовой площадкой семантического исследования, так как происхождение слова во многом определяет его дальнейшую судьбу. Как писал В. Пизани «...объяснить этимологию значения равносильно установлению этимологии нового слова, которое формально идентично старому, т.е. мы должны восстановить весь процесс, в результате которого новое слово было первоначально создано» (Пизани, с. 142).

В кругу этимологических изысканий выделяются исследования этимологических гнезд, то есть слов, связанных между собой общностью корня. Внутри этимологических гнезд в ходе развития языка могут образовываться самостоятельные ряды и группы слов, которые объединяются общностью предметного значения или способом образования. Принадлежность же слова к определенному этимологическому гнезду определяется по общему корню и в большинстве случаев по общепредметному значению, которое имеет корень слова. Этимон, то есть исходное слово, как

правило, имеет одно или несколько значений, отражающих близкие по смыслу понятия. Трудность заключается в выявлении критериев, по которым можно составить цепь смысловых переходов «соединяющих данную смысловую структуру с той искомой, которая объясняет этимологию исследуемого слова» (Топоров, с.139). Семантическая структура слов бывает подчас такой широкой и гибкой, что только история этого слова, его этимологические связи могут пролить свет на его исходное и современное значение. Это правило действует независимо от того, насколько изменена смысловая структура слова.

О закономерностях семасиологических изменений писал еще М.М. Покровский, который одним из первых высказал мысль, что «подобно тому, как сходные формы объединяются в одну категорию и затем имеют одинаковую морфологическую судьбу, так и слова со сходным значением проходят сходную семасиологическую историю» (Покровский, с. 80). В связи с этим изучение слов со сходным значением, анализ семантических сдвигов связанных генетическим родством слов разных языков представляется весьма перспективным.

Язык – один из способов понимания, адаптации и описания окружающей действительности. Благодаря языку человек способен обобщать и классифицировать человеческий опыт, выражающийся и в создании, и оформлении категорий. Бесконечное многообразие форм жизни и энергии требует упорядочения и классификации. На этом основывается человеческое познание. Восприятие мира человеком является категориальным, то есть опосредованным значениями. Категоризация – это одна из основных способностей человеческого мозга, называя какое-либо явление, предмет, мы соотносим их с какой-либо категорией.

С категоризацией теснейшим образом связан процесс концептуализации. Концептуализация представляет собой осмысление информации, выражающееся в формировании концептов, концептуальных структур и всей концептосферы в человеческом сознании. Концептуализация тесно связана с семантикой, а именно с вопросом, какими языковыми средствами выражаются те или иные концепты.

Через законы категоризации и концептуализации человек формирует новые языковые значения. Одним из источников возникновения в языке инноваций является «метод метафорической экспансии». Использование метафоры является одним из процедурных механизмов речевого воздействия, основанных на когнитивных процессах преобразования знания, приводящих к его передаче в речевом акте и введению в модель адресата. В основе любой метафоры лежит сравнение, т.е. человек сравнивает что-либо новое с тем, что он уже знает, усвоил. Следовательно, метафора – это процедурный механизм или способ вариативной интерпретации действительности (Молчанова, с.78). Другими словами, метафора является речевым выражением работы нашего подсознания и человеческого мышления. Вспомним, что метафора, по мнению Аристотеля, является результатом перекрещивания понятий. В языке это называется семантическими сдвигами. Согласно утверждению Д. Болинджера «любая законченная семантическая теория должна не только называть показатели для всех значений и определить их место, но объяснить, каким

образом эти показатели прибавляются и отнимаются, чтобы изменить значение слова» (Болинджер, с.221). Одним из подтверждений этой мысли, ее правильности, должно стать доказательство способности человеческой мысли, отображенной затем в языке, предсказывать, в каком направлении возможны семантические сдвиги в диапазоне одной или даже нескольких концептосфер. Отсутствие подобной регулярности может заставить предположить, что семантическая производность не подчиняется никаким правилам, что в свою очередь ставит под сомнение возможность анализа семантики вообще.

Семантическая теория должна объяснить процесс метафорического творчества. Одно дело достигнуть понимания, прибегая к устоявшимся значениям, исключая из контекста все другие, и совсем другое, чтобы тебя поняли, когда предмет (возможно новый) или явление называется по-новому. Практика речевого общения показывает, что подобная коммуникация не встречает особых проблем понимания, что объясняется тем, что одной из характерных черт естественного языка является то, что его слова не замыкаются пределами исчисленных толкований, но несут в себе способность улавливать сходство, что чаще всего лежит в основе сравнения, следовательно, и метафоры. Когнитивный подход дает возможность для более глубокого и обоснованного исследования семантической эволюции, так как основан на мыслительных процессах. В когнитивных исследованиях под метафорой подразумевают понимание одной области знаний через призму другой (Ченки, с. 351). Метафору можно понимать как перенос из области-источника в область-мишень. Поэтому в когнитивной теории принято различать метафору как термин от метафорического выражения (языковой метафоры). Под метафорой понимается концептуальная модель – способ думать об одной области через призму другой. Метафорическое выражение – это вербальное отражение концептуальной модели. Метафора, а, следовательно, и ее вербальное выражение, основана на человеческом опыте, который осмысливается, классифицируется и находит свое языковое отражение путем семантических сдвигов и словообразовательных актов в самом широком смысле. Следовательно, метафора – это не только ключ к пониманию основ мышления и концептуализации окружающей действительности, но и процедурный механизм, при помощи которого понятие осмысливается и интерпретируется языком.

В заключение всего вышеизложенного, исходя из положения об общности человеческого мышления и процедурных механизмов, при помощи которых оно осуществляется, а также того, что одним из этих механизмов является метафора, можно сделать вывод о том, что данные, полученные в результате лингвистического исследования материала разносистемных языков являются «более определенными» (Гак, с. 22). Анализируя слова, связанные генетическим родством, можно проследить магистральные пути развития слов, изначально заложенные общностью этимологического значения.

Литература

1. Болинджер Д. Атомизация значения. //Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. № 10. - М., 1981.

2. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое //Метафора в языке и тексте. - М.: Наука, 1988.
3. Молчанова Г.Г. Некоторые языковые механизмы вариативной интерпретации действительности (эволюция метафоры – метафора эволюции?) //Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. - №2, 2002.
4. Пизани В. Этимология. История – проблемы – метод. - М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956.
5. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. - М.: Изд-во АН СССР, 1959.
6. Топоров В.Н. Ведийское *ṛta-*: к соотношению смысловой структуры и этимологии //Этимология, 1979. - М.:Наука, 1981.
7. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике. // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. - М., 2002.

А.А. Махонина, М.А. Стернина
Воронеж

К проблеме выделения и типизации межъязыковых лакун

Явление межъязыковой лакунарности, обнаруживающееся при сопоставлении лексических систем языков, до сих пор является объектом изучения и предметом научных споров. Дискуссионной все еще остается проблема выделения лакун. Под межъязыковыми лакунами традиционно понимается отсутствие какой-либо лексической единицы в одном языке при её наличии в другом языке. При этом ученые расходятся в определении того, какие единицы можно считать лакунарными. Мы придерживаемся мнения, что лакунами можно считать единицы, не имеющие в другом языке однословного наименования или наименования в виде устойчивого словосочетания.

В связи с вышесказанным весьма актуальным представляется вопрос об определении степени устойчивости словосочетаний, представленных в словарях в качестве переводческих эквивалентов лексических единиц. Весьма удобной для этих целей представляется фразеологическая концепция, предложенная М.М. Копыленко и З.Д. Поповой, согласно которой свободное сочетание возникает как сочетание лексем, несущих семемы Д1Д1. Фразеосочетания с семемами от Д1Д2 до КЗКЗ являются несвободными, а, следовательно, устойчивыми (Копыленко, Попова, с.32-33). Таким образом, двулексемное сочетание *красивая женщина* представляет собой свободное сочетание, так как его компоненты выступают в семемах Д1Д1, а сочетание *взрывная волна* является несвободным, потому что содержит семемы Д1Д2. Отметим, что разработанная М.М. Копыленко и З.Д. Поповой классификация семем применима и к трех лексемным, и к более крупным по составу сочетаниям.

Отметим, что при рассмотрении лакун, методику, основанную на анализе двусоставных лексических единиц относительно устойчивости или неустойчивости сочетаемости входящих в них компонентов, следует применять не только к представленным в словарях переводческим эквивалентам лексических единиц, но и к лексемам фонового языка.

Так, при изучении русско-английских субстантивных лакун в нашу выборку были включены не только простые, но и сложные лексемы английского языка, выделенные в словарях отдельной словарной статьей. Отметим, что данные сложные слова графически оформлены неодинаково: некоторые пишутся слитно, некоторые – через дефис, некоторые – раздельно. Наблюдаются случаи, когда в разных словарях одна и та же лексема представлена по-разному – в одном словаре она написана раздельно, а в другом – через дефис, или в одном словаре – через дефис, а в другом – слитно, в связи с чем интерпретация этих единиц как отдельных лексем или словосочетаний достаточно затруднительна. В практическом анализе таких единиц мы исходим из критерия цельнооформленности слова (см. Смирницкий, с. 190, Жирмунский, с. 20), и считаем словами и включаем в выборку единицы, имеющие хотя бы в одном из рассмотренных нами словарей слитное написание. Что же касается случаев раздельного написания или написания через дефис, то здесь у нас возникает необходимость определения статуса данных единиц – являются ли они сложными словами или устойчивыми словосочетаниями, либо представляют собой свободные словосочетания. При этом в сферу нашего исследования попадают лишь единицы первых двух категорий, поскольку безэквивалентными единицами в фоновом языке, и, следовательно, лакунами в исследуемом, русском языке могут быть признаны лишь сложные слова и устойчивые словосочетания (см. Попова, Стернин, с. 21). Свободные словосочетания не могут рассматриваться как безэквивалентные единицы. В связи с этим все попавшие в наше поле зрения претенденты на статус безэквивалентных единиц анализировались с позиций изложенной выше фразеологической концепции М.М. Копыленко и З.Д. Поповой. В результате единицы типа *apple pie* – ср. *яблочный пирог*, *nail-brush* – ср. *щеточка для ногтей*, *jewel box* – ср. *футляр для ювелирных изделий*, *knife-edge* – ср. *острие ножа* не могут быть признаны лакунами. Перечисленные английские единицы представляют собой свободные словосочетания, т.к. их компоненты выступают в семемах Д1. В то же время единицы типа *dog days* – ср. *самые жаркие летние дни, знойные дни*, *dead-wind* – ср. *встречный, лобовой, противный ветер* являются лакунами, поскольку в английском языке они представляют собой устойчивые единицы, а в русском имеют в качестве эквивалентов свободные словосочетания.

На настоящий момент существует большое количество классификаций межъязыковых лакун, основанных на различных принципах: по системно-языковой принадлежности (межъязыковые и внутриязыковые), по внеязыковой обусловленности (мотивированные и немотивированные), по парадигматической характеристике (родовые и видовые), по степени абстрактности содержания (предметные и абстрактные), по типу номинации (номинативные и стилистические), по принадлежности лакуны к определенной

части речи (частеречные) (см. Попова, Стернин, с. 21-23), по половой принадлежности обозначаемых референтов (гендерные), а также на основании внешней и внутренней связи между обозначаемыми предметами (метонимические) (см. Махонина, с.42). Г.В. Быкова отмечает наличие уникальных и частных лакун, абсолютных и относительных лакун, этнографических лакун, нулевых лакун, смешанных лакун, вакантных (некомпенсированных) лакун, эмотивных (коннотативных, ассоциативных) лакун, грамматических лакун, речевых лакун: частичных, компенсированных, полных (см. Быкова, с. 57-75).

Все вышеприведённые классификации, позволяющие выявить те или иные характеристики лакун, представляют несомненный интерес. Нами была предпринята попытка на материале русско-английских субстантивных лакун разработать классификацию, которая охватила бы все без исключения межъязыковые лакуны и была бы основана на едином принципе. Основанием для такой типологии лакун служит причина лакунарности, то есть причина, по которой в фоновом языке наблюдается лакуна. Согласно этой типологии все межъязыковые лакуны подразделяются на две большие группы: обобщающие и конкретизирующие.

Обобщающие лакуны выделяются на основании отсутствия в исследуемом языке соответствующего обобщения. Исследование обобщающих лакун, проведённое на материале русско-английских субстантивных лакун, показало возможность обобщения по следующим признакам:

- по весу:

предмет весом в один фунт – ср. pounder

очень легкий человек или предмет – ср. featherweight

- по внешнему виду:

что-л. украшенное или отделанное раковинами – ср. shellwork

что-либо, отделанное дырочками, зубчиками и т.д. – ср. pinking

- по времени и очередности:

что-л., чередующееся с чем-либо – ср. alternate

что-либо мимолетное, преходящее, эфемерное – ср. ephemera

- по массе и размеру:

что-л. очень крупное, большое – ср. разг. bumper,

что-л. огромное, бесконечное, безграничное – ср. infinity

- по материалу:

что-л. искусственное, имитирующее настоящее – ср. artificials

- по месту:

что-л. занимающее промежуточное положение – ср. between

предмет, лежащий поверх другого предмета – ср. rider

- по необходимости:

то, без чего невозможно обойтись – ср. indispensable

- по оценке:

что-либо, вызывающее отвращение – ср. abhorrence

что-л. показное, притворность, дешёвая пышность, мишурность – ср.

gingerbread

- по причине:
что-либо, вызывающее отвращение – ср. abhorrence
что-л. приводящее в уныние, гнетущее – ср. амер. разг. bringdown
- по произведенному действию:
то, что выкопано, вырыто – ср. digging
то, что открыто, вскрыто, обнаружено – ср. disclosure
- по производимому действию:
то, что упало или падает каплями (дождь, стекающий жир и т.п.) – ср. droppings,
что-л., чередующееся с чем-л. – ср. alternate
- по результату действия:
что-л. разбитое вдребезги – ср. humpty-dumpty
то, что по использовании переходит в распоряжение подчинённых, слуг – ср. perquisite
- по составу:
что-л., неделимое, неразложимое, простое – ср. indivisible
что-л., состоящее из восьми частей – ср. octuple
- по форме:
что-л., имеющее форму полумесяца – ср. crescent
что-л., имеющее форму рыбьего хвоста – ср. fishtail
- по цели:
пары или вещества, применяемые для окуливания – ср. fumigation

Конкретизирующие лакуны выделяются на основании отсутствия в исследуемом языке соответствующей конкретизации по определённому признаку:

- по внешнему виду:
паркет, пол или тротуар в виде косоугольников – ср. pointel
человек с ампутированной рукой или ногой – ср. amputee
- по возможности поступать каким-либо образом:
билет, дающий право прийти на стадион на игру, перенесенную из-за дождя – ср. амер. gain check
травма, дающая право на подачу иска – ср. personal injury
- по возрасту:
возрастная группа молодежи старше 19 лет – ср. амер. post-teens
олень-самец (старше 5 лет) – ср. hart
- по времени:
время в ресторанах (между ланчем и ужином), когда спиртные напитки продаются с большой скидкой – ср. амер. happy hour
время, после которого прекращается подача алкогольных напитков – ср. closing time
- по выполнению служебных обязанностей:
женщина, дающая советы по различным вопросам, отвечая на письма читателей в специальном разделе газеты – ср. agony aunt

психиатр, удостоверяющий вменяемость или невменяемость обвиняемого
– ср. alienist

- по длине:

расстояние между расставленными большим и указательным пальцами – ср. purlicue

расстояние, пройденное брошенным предметом – ср. cast

- по испытываемому действию:

люди, попадающие под влияние рекламы или пропаганды – ср. admass
груз, товары, сброшенные с корабля при аварии (и прибитые к берегу) – ср. jetsam

- по качеству:

плохая речь с ошибками, плохим произношением и т.п. – ср. cacology

плохо сделанная работа – ср. cobbler

- по количеству:

три выигрышных билета в лотерею – ср. tern

количество, которое можно зацепить вилкой или вилами – ср. forkful

- по манере поведения:

тот, кто ломает руки от отчаяния; эмоционально неустойчивый человек
– ср. handwringer

надоедливый, навязчивый человек, от которого хотят избавиться; непрошенный поклонник – ср. hanger-on

- по материалу:

модные недорогие брюки из хлопчатобумажного твила – плотной ткани разных цветов – ср. chinos

рыбачья лодка, сплетенная из ивняка и обтянутая кожей или брезентом (в Ирландии и Уэльсе) – ср. coracle

- по месту приложения действия:

охотник на водоплавающую птицу – ср. waterfowler

охотник на кроликов и зайцев – ср. rabbitier

- по месту:

небольшая кухня, встроенная в нишу в квартире – ср. Pollman kitchen

веревка или канат, прикрепленные к задней части (чего-л.) – ср. tail-rope

- по необходимости осуществления действия:

грунтовое растение, требующее прикрытия на зиму – ср. half-hardy plant

- по объекту правового действия:

право перевода или сохранения пенсионной страховки (при смене места работы) – ср. portability

право воюющей стороны на захват, использование или разрушение (с компенсацией) имущества нейтрального государства – ср. angary

- по основанию действия:

исторический труд, написанный с позиции психоанализа – ср. psychohistory

биография, написанная с использованием методов психоанализа – ср. psychobiography

- по оценке:
 спортсмен (особ студент), который преуспевает в спорте, но не отличается умом - ср. амер. разг. jock
 человек с узким кругозором – ср. амер. неодобр. Johnny One-Note
- по причине:
 особая плата за доставку телеграммы (когда адресат живет за пределами определенного радиуса от почты) – ср. porterage
 плата, взимаемая за содержание скота в загоне – ср. poundage
- по произведенному действию:
 звук, издаваемый пчелиной маткой – ср. piping
 вплетение волос и нейлоновых нитей в собственные волосы лысеющего человека – ср. hair-weaving
- по производимому действию:
 политический деятель, оказывающий поддержку кандидату на пост, который он сам занимал (обычно о бывшем президенте), влиятельное лицо, определяющее выбор кандидатов на политические должности – ср. kingmaker
 политический деятель, устраивающий себе зарубежные турне за казенный счет (якобы для сбора информации) – ср. амер. junketeer
- по размеру:
 небольшая моторная лодка – ср. runabout,
 самый маленький поросенок из помета – ср. амер. runt
- по составу:
 сигарета, скрученная из оставшегося в окурках табака – ср. curbstone
 трава с мелкими колючими волосками – ср. cut-grass
- по способности:
 человек, способный легко воспринимать – ср. percipient
 тот, кто умеет читать чужие мысли – ср. thought-reader
- по типу использования:
 лавка, где продаются самые разнообразные дешевые товары – ср. jumble-shop
 свалка, где можно оставить, купить или продать старые вещи, в том числе машины – ср. амер. junkyard
- по типу способностей и умений:
 способность выдерживать атмосферные воздействия – ср. weatherability
 способность быстро восстанавливать физические и душевные силы – ср. resilience
- по убеждению:
 сторонник крайних мер – ср. амер. all-outer
 сторонник деления страны – ср. partitionist
- по форме:
 вдавленное дно бутылки – ср. kick,
 большой кривой нож – ср. kukri
- по цвету:
 пестрая шерстяная ткань (с преобладанием розовато-серых тонов) – ср. heather mixture

рыжее пятно на белой шерсти лошади – ср. fleabite

- по цели:

массовое уничтожение животных, чтобы предотвратить распространение инфекции – ср. abattage

приспособление для удаления ворвани из кетовой туши – ср. krenging-hook

Обращает на себя внимание тот факт, что направление конкретизации и направление обобщения во многих случаях совпадают - так, причинами лакунарности могут быть отсутствие как обобщения, так и конкретизации по форме, месту, времени, оценке, производимому и произведенному действию и т.д.

Представляется необходимым отметить, что имеющиеся в дефиниции слова «что-либо», «нечто», «то, что», бесспорно, указывают на отсутствие в исследуемом языке обобщения по определенным признакам. На это же указывает и включаемое в дефиницию слово «предмет», которое, согласно словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, обозначает «всякое материальное явление, вещь» (Ожегов, Шведова с.580). Таким образом, развернутые словарные дефиниции, включающие вышеуказанные лексемы, свидетельствуют о наличии обобщающих лакун. В то же время словарные дефиниции, включающие словосочетание «*тот, кто*», сигнализируют о наличии конкретизирующих лакун, поскольку при определенной структурной трансформации возможна замена данного словосочетания на слова «человек» или «лицо», которые становятся конкретизируемой лексемой в развернутой дефиниции. Например, *тот, кто* (человек, который) *навешивает, наклеивает (афиши и т. п.)* – ср. hanger; *тот, кто* (человек, который) *вводит в заблуждение, затемняет существо дела* – ср. obscurant являются конкретизирующими лакунами.

Следует отметить также, что во многих случаях можно наблюдать отсутствие в исследуемом языке конкретизации не по одному, а одновременно по нескольким признакам. Это свидетельствует о существовании нескольких уровней лакунарности: лакуны первого уровня показывают отсутствие конкретизации по одному признаку, лакуны второго уровня – по двум признакам, лакуны третьего уровня – по трем признакам и т.д. Отметим при этом, что для определения наличия уровней лакунарности требуется первоначально выделить конкретизируемое слово или устойчивое словосочетание, которое и подвергается конкретизации. Так, например, в лакуне *человек, уничтожающий или портящий книги* – ср. biblioclast конкретизируемой лексемой является *человек*. Рассматриваемая лакуна является лакуной первого уровня, так как отсутствует конкретизация по одному признаку – по манере поведения. Лакуна *охотник, истребляющий вредных животных с целью получить вознаграждение* – ср. bounty hunter свидетельствует об отсутствии конкретизации лексемы *охотник* по признаку производимого действия и по признаку цели и является лакуной второго уровня. Лакуна *вечеринка, обычно в рождественский сочельник, в помещении офиса фирмы или государственного учреждения, в которой принимают участие руководители и подчиненные* – ср. амер. office party является лакуной

третьего уровня, так как отсутствует конкретизация по трём признакам: по признаку времени, по признаку места и по признаку состава.

Лакуна *молодая женщина соблазнительной внешности, но не блистающая умом, которая является любовницей политического или общественного деятеля* – ср. bimbo свидетельствует об отсутствии конкретизации лексемы *женщина* по признаку возраста, внешнего вида, оценки, производимого действия и является лакуной четвертого уровня.

Исследование показало также возможность наличия нескольких ступеней лакунарности. Если конкретизируется или обобщается признак, присущий непосредственно семантически реализуемому слову или устойчивому словосочетанию, то мы имеем дело с лакунами первой ступени. Такими лакунами являются, например: *мальчик, подносящий клюшки, мячи при игре в гольф* – ср. caddy, *лодка, перевозимая на крыше автомобиля* – ср. амер. cartopfer, *женщина, склонная ощущать свою незащищенность и зависимость от взаимоотношений с мужчиной* – ср. амер. clinging vine.

В том случае, когда помимо семантически реализуемого слова или словосочетания, конкретизируется также одно из слов или словосочетаний, входящих в развернутую словарную дефиницию, следует отметить наличие второй ступени лакунарности. Так, *оглашение в церкви имен людей, собирающихся вступить в брак* – ср. banns, является лакуной второй ступени, поскольку, помимо конкретизации семантически реализуемой лексемы *оглашение* по месту (*в церкви*) и по месту приложения действия (*имен людей*), имеет место также конкретизация словосочетания, выражающего место приложения действия (*собирающихся вступить в брак*) по цели. Подобными же лакунами второй ступени являются: *скачки на лошадях, запряженных в легкие коляски* – ср. harness race, *изучение проблем и нужд лиц, нуждающихся в социальной поддержке* – ср. casework и др.

Лакуны, таким образом, представляют собой сложное, многоаспектное явление, требующее глубокого лингвистического анализа.

Литература

1. Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии. - Благовещенск, 2003.
2. Жирмунский В.М. О границах слова // Вопросы языкознания. – 1961, № 3. – с.3-21.
3. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. - Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1989.
4. Махонина А.А. К вопросу о классификации межъязыковых лакун //Язык и национальное сознание. - Воронеж, 2003.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений – 4-е изд., дополненное. – М.,1999.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. - Воронеж, 2002.
7. Смирницкий А.И. К вопросу о слове (Проблема «тождества слова») // Труды Ин-та языкознания, IV. - М., 1954.

Раздел 2.

Сопоставительные исследования в области лексики и фразеологии

Н.М.Черепкова
Воронеж

Через контрастивное описание слов к новому варианту двуязычного словаря

В свое время Л.В.Щерба высказал мысль о том, что «для каждой пары языков нужно четыре словаря – два толковых иностранных словаря с объяснениями на родном языке и два переводных словаря с родного языка на иностранный специального типа» (Щерба, с.116). Развитие данной идеи мы встречаем у Д.Г.Мальцевой, которая считает, что «традиционный принцип раскрытия содержания слова только через перевод недостаточен. Простой перевод не может отразить всего национально-культурного своеобразия языковой единицы. Сегодня помимо традиционного переводного словаря нужен словарь переводной со страноведческой направленностью, с более точной и подробной словарной обработкой. Такой словарь позволил бы глубже заглянуть в мир изучаемого языка» (Мальцева, с.97). И.Г.Ольшанский пишет «о необходимости синтеза элементов толкового и переводного словаря, что делает актуальным создание словаря нового типа – комбинированного толково-переводного (или переводно-толкового) (Ольшанский, с.63).

Мы разделяем мнение коллег о том, что сложившаяся практика составления двуязычных словарей, рассчитанная только на понимание текста, но не на углубленное восприятие реального смысла языковой единицы, не оправдывает запросы пользователей в наши дни. Существует огромная разница между переводными соответствиями, зафиксированными в переводных словарях, и реальным содержанием тех или иных понятий разных языковых культур. Один из способов компенсации культурологических знаний возможен с помощью словаря нового типа - толково-переводного. (см. Черепкова 2001, с.121; 2003, с.103). Опытный образец толково-переводного русско-французского словаря был составлен нами на материале дорог в русском и французском языке (см. Репринцева; Стернин).

В данной публикации мы ставим своей целью предложить подходы к созданию подобного словаря на материале лексических единиц сферы образования. Актуальность создания подобного словаря обусловлена целым рядом причин. Как справедливо отмечает О.А. Крюкова, «образовательная культура является частью национальной культуры» (Крюкова, с.69). При этом «сфера образования играет гораздо большую роль в жизни общества и жизни людей, чем другие сферы деятельности, связанные с определенными направлениями науки» (Тыщенко, с.63). Присоединение же России к Болонской декларации предполагает мобильность молодежи, возможность ее

обучения в средних и высших учебных заведениях зарубежных стран, для чего потребуются адекватное понимание лексических единиц, обозначающих те или иные учебные реалии.

Существующие в настоящее время публикации на эту тему полностью не отвечают задачам сегодняшнего дня. Так, О.А.Крюкова и Ю.Е.Штейнсапир в своих работах проводят только сравнительный анализ и вскрывают разницу терминов в сфере образования (см. Крюкова; Штейнсапир). Ж.М.Арутюнова предлагает читателям французско-русский словарь-минимум методико-педагогических терминов (см. Арутюнова).

Предполагаемое название и содержание нашего словаря – «Толково-переводной русско-французский словарь образовательной лексики» с толкованием слов на русском языке; наличием французских переводных соответствий и их толкованиями; выделением совпадающих, несовпадающих, безэквивалентных сем, семем, лексем.

Составление списка образовательной лексики с помощью словарей русского и французского языков и его предварительное изучение позволило определить четыре последовательные ступени исследования. Первая - необходимо изучить нормативные документы, регламентирующие и описывающие систему образования в России и во Франции. Это позволит установить сходства и различия российского и французского типов просвещения.

Вторая – провести контрастивный анализ образовательной лексики с использованием, разработанной ранее методики контрастивного описания слова, состоящей из шести этапов (см. Репринцева; Стернин):

Этап I. Выделение лексической группировки «сферы образования» в исходном (русском) языке.

а) Из толковых словарей русского языка выписываем слова, принадлежащие к исследуемой лексической группировке (полю), составляем исходный базовый список.

б) Выделенные лексемы просматриваем по синонимическим словарям, выявляем новые лексемы, которые пополняют базовый список.

в) Анализируем тексты художественной и публицистической литературы, выявляем новые лексемы, которые пополняют базовый список.

г) Полученный список разбиваем на смысловые группы и подгруппы: наименования системы народного образования; названия учебных заведений; наименования обучающихся и обучаемых; наименования форм организации учебной работы; наименования письменных работ и домашних заданий; лексика, связанная с применением технических средств в обучении и т.п.

Этап II. Определение межязыковых соответствий отдельных единиц.

а) Каждое русское наименование в сфере образования проверяем по двуязычным русско-французским и французско-русским словарям, выписываем все его возможные соответствия во французском языке.

б) Все полученные французские лексемы проверяем по толковым, синонимическим словарям французского языка, выявляем новые лексемы, которые пополняют список соответствий исследуемого русского слова.

Этап III. Компонентный анализ семем контрастивных пар в сопоставляемых языках.

а) Проводим компонентный анализ русских единиц.

б) Проводим компонентный анализ французских единиц.

в) Проводим текстовый анализ исследуемых единиц в русских и французских текстах с целью выявления дополнительных, периферийных сем, не отраженных в словарных дефинициях, включаем дополнительные семы в семный состав исследуемых единиц.

г) Проводим опрос информантов по выявлению дополнительных сем.

Этап IV. Семантическое описание контрастивных пар.

а) В каждой контрастивной паре сопоставляем отдельные семы, полученные в результате компонентного анализа. Используем прием унификации семных описаний, т.е. семы, выявленные в дефинициях, по возможности обобщаем.

б) Добавляем семы и новые значения, полученные в результате анализа текстов.

в) Добавляем семы, полученные в результате опроса информантов.

Этап V. Выявление текстовой частотности употребления исследуемых единиц.

Этап VI. Дифференциальная семантизация слова.

Установлено четыре варианта межязыковых семных различий: несовпадающие семы; безэквивалентные семы; близкие по содержанию, но не совпадающие полностью семы; различие периферийных сем.

Результат контрастивного анализа позволит установить состав и структуру лексической группировки сферы образования, выявить корпус французских соответствий, провести семное описание исследуемых семем, зафиксировать частотность употребления слов, что в целом приведет к выявлению национальной специфики исследуемых единиц. Полученные данные можно будет использовать при составлении словарных статей русско-французского толково-переводного словаря.

Третья ступень исследования предполагает изучение лексики путем сопоставление текстов оригинала и перевода, как пишет И.Г. Ольшанский это «позволило бы расширить арсенал переводных соответствий, вовлечь в лексикографический обиход настоящие находки литературных переводчиков, которые не всегда учитываются лексикографами» (Ольшанский, с.62).

Четвертая ступень – используя полученные результаты, составить словарные статьи с учетом сформированных ранее принципов контрастивного описания слова в словаре (см. Репринцева; Стернин).

Приведем примеры возможных словарных статей в толково-переводном русско-французском словаре образовательной лексики:

АКАДЕМИЯ 1. *Высшее* научное или художественное учреждение. 2. *Высшее учебное заведение, которое реализует образовательные программы высшего и послевузовского профессионального образования, осуществляет подготовку, переподготовку и (или) повышение квалификации работников высшей квалификации для определенной области научной и научно-педагогической деятельности, выполняет фундаментальные и прикладные*

научные исследования преимущественно в одной из областей науки или культуры, является ведущим научным и методическим центром в области своей деятельности. – ср. ACADEMIE 1.Общества научные, литературные, художественные. 2.Школы художественные, танцевальные, в которых преподает заслуженный, известный преподаватель (мэтр), использующий собственные методики (программы). 3. Университетский округ.

БАКАЛАВР Лицо, имеющее академическую степень и диплом после освоения программ базового высшего образования, 4 года обучения в вузе – ср. BACHELIER Лицо, имеющее степень и диплом за курс средней школы, дающие право поступать в вузы без вступительных экзаменов.

ИНСТИТУТ 1.Высшее учебное заведение реализует образовательные программы высшего и послевузовского профессионального образования, осуществляет подготовку, переподготовку и (или) повышение квалификации работников для определенной области профессиональной деятельности, выполняет фундаментальные и прикладные научные исследования. 2. Научно-исследовательское учреждение. 3. Женское обычно закрытое среднее учебное заведение. - ср. INSTITUT 1. Учреждения научные, исследовательские, учебные, часто имеют персональное название. 2.Объединение пяти академий.

МАГИСТР Лицо, имеющее академическую степень и диплом после освоения программ высшего образования через бакалавриат – безэквивалентно.

В русских лексемах приводятся ядерная сема и дифференциальные семы, выявленные в ходе исследования. Семы, выделенные в наших примерах курсивом, означают отсутствие таковых в переводных соответствиях. Русское слово, не имеющее эквивалента, отмечается пометой *безэквивалентно*.

Отметим, что рассмотренные варианты не являются окончательными, так как многие источники еще не учтены.

В заключение еще раз отметим, что в практику составления двуязычных словарей необходимо вносить коррективы, которые отражали бы национально-культурный аспект каждого языка. В нашем случае это вариант русско-французского толково-переводного словаря.

Литература

1. Арутюнова Ж.М. Французско-русский словарь-минимум методико-педагогических терминов– М.: Издательский дом «Стратегия», 2004. – 136 с.
2. Крюкова О.А. Термины сферы образования во французском и русском языках // Вестн. Московского гос. ун-та. Сер. 19, Лингвист. и межкульт. коммуникация. – 2000. - №4. – С.60-69.
3. Ольшанский И.Г. Перевод и двуязычная лексикография // Социокультурные проблемы перевода: Сборн. научн. трудов. - Воронеж: ВГУ, 2001. – Вып. 4. – С. 60 – 66.
4. Мальцева Д.Г. Переводные словари и экстралингвистическая информация // Лексика и лексикография: сб. науч. тр. – М.: Институт языкознания РАН, 2001. – Вып. 12. – С. 88-98.

5. Репринцева Н.М. Контрастивный анализ лексической группировки как основа ее лексикографического описания. Дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1999. – 240с.
6. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. – Воронеж: Истоки, 2004. – 189 с.
7. Тыщенко М.В. К вопросу о переводе лексики сферы образования на английский язык // Теоретическая лексикография: современные тенденции развития: Материалы V Международной школы-семинара, Иваново, 8-10 сентября 2003 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. – С. 63-65.
8. Черепкова Н.М. Толково-переводной русско-французский словарь наименований дорог // Язык. Культура. Словари: Материалы IV Международной школы-семинара, Иваново, 10-12 сентября 2001 г. Иваново: Издат. Центр «Юнона», 2001. – С. 121-123.
9. Черепкова Н.М. Толково-переводной словарь как вариант передачи культурологических знаний (на материале образовательной лексики) // Теоретическая лексикография: современные тенденции развития: Материалы V Международной школы-семинара, Иваново, 8-10 сентября 2003 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. – С. 103-105.
10. Штейнсапир Ю.Е. Пособие по французской лексике (педагогическая терминология) : учеб. пособие для ин-тов и фак. ин. яз. – М.: Высш. школа, 1974. – 152 с.
11. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии //Известия Академии наук Союза ССР. – М., 1940. - №3. – С. 89-117.

С.В. Грицышина
Воронеж

Лексико-семантическая группа «Отдых» в русском и английском языках

ЛСГ «Отдых» в русском и английском языках представляют собой большие, хорошо структурируемые группы. Материалом исследования послужили субстантивные единицы, отобранные методом сплошной выборки из Большого толкового словаря русского языка под редакцией С. А. Кузнецова (М., 2002) и Большого англо-русского словаря под редакцией И. Р. Гальперина (М., 1972). При установлении общих семантических компонентов между именем группы и конкретными лексемами мы отталкивались от следующего определения: *отдых* – “состояние покоя либо такого рода деятельность, которая снимает утомление и способствует восстановлению работоспособности” (Большой российский энциклопедический словарь, 2003). В результате проведенного анализа в лексико-семантическую группу “Отдых” в русском языке вошли 338 лексем, в английском языке – 430 единиц.

Исследование показало, что как в русском, так и в английском языках исследуемые ЛСГ могут быть подразделены на следующие 6 одноименных подгрупп:

1. Общие наименования отдыха (*отдых* – “перерыв в обычных занятиях, в работе и т.п. для восстановления сил”; *comfort* – успокоение, покой, отдых; *rest* – покой, отдых, сон)

2. Наименования лиц, вовлеченных в процесс отдыха (*отпускник* – “человек, который находится в отпуске”; *camper* – турист, участник поездки за город, на пикник, дачник; *holiday-maker* – гуляющий, отдыхающий, веселящийся, турист, отпускник, курортник)

3. Наименования периодов отдыха (*перерыв* – “промежуток времени, предназначенный для отдыха во время работы, занятий чем-либо”; *отпуск* – “временное освобождение от работы для отдыха”; *pooning* – обед /перерыв для отдыха и еды/; *pleasuring* – отпуск, поездка за город и т. п.)

4. Наименования видов отдыха (путешествие – “поездка или передвижение пешком по дальним странам, местностям”; *пирушка* – “веселое собрание с угощением, небольшой пир в кругу друзей”; *theatre-going* – посещение театров; *roller-skating* – катание на роликах)

5. Наименования атрибутов отдыха (*спортивный костюм* – “костюм, используемый для занятий спортом”; *bed* – кровать, постель)

6. Наименования мест отдыха (отметим, что местом отдыха может быть помещение, учреждение, заведение, организация или мероприятие) (*дача* – “загородный дом для летнего отдыха; загородная местность с таким домом”; *пансионат* – “род дома отдыха или гостиницы для отдыхающих на курортах”; *sanatorium* – санаторий, курорт, горный курорт /особ. в жарких странах/; *garden-house* – беседка)

Исследование показало, что структура рассматриваемых подгрупп в русском и английском языках в основном совпадает. Так, в обоих языках в подгруппе «Наименования периодов отдыха» выделяются следующие мини группы: 1) кратковременный отдых (*перекур* – “короткий отдых, перерыв в работе”; *dinner-hour* – обеденный перерыв; *raise* – пауза, перерыв, передышка), 2) продолжительный отдых (каникулы – “перерыв в занятиях на праздничное или летнее время”; *holiday* – праздник, день отдыха, нерабочий, неприсутственный день; *vacation* – каникулы, отпуск).

Подгруппа «Наименования видов отдыха» в обоих языках подразделяется на 8 мини групп: 1) спортивный отдых (*бадминтон* – “спортивная игра, состоящая в перебрасывании волана ракетками через сетку от одного игрока к другому”; *roller-skating* – катание на роликах; *skiing* – ходьба, катание на лыжах), 2) туризм (автотуризм – “туристические путешествия на автомобилях”; велотуризм – “путешествия на велосипедах”; *hiking* – туризм), 3) прогулки (*прогулка* – “хождение на открытом воздухе или поездка на небольшое расстояние для отдыха, развлечения”; *sally* – прогулка, вылазка, экскурсия; *saunter* – прогулка, гулянье), 4) активный отдых на природе (*рыбалка* – “рыбная ловля”; *coursing* – охота на зайца с гончими; *mushrooming* – собирание грибов), 5) отдых для удовлетворения познавательных и эстетических потребностей (*культурный поход* – “коллективное посещение культурно-просветительного учреждения”; *excursion* – экскурсия, туристическая поездка), 6) отдых для удовлетворения физиологических потребностей (*сон* – “наступающее через определенные

промежутки времени физиологическое состояние покоя и отдыха, при котором почти полностью прекращается работа сознания, снижается реакция на внешние раздражения”; дремота – “состояние, когда клонит ко сну, полусон”; *beauty-sleep* – сон днем /особенно перед обедом, балом, вечером и т. п./; *cat-nap* – короткий сон в кресле), 7) отдых с целью развлечения и самовыражения (библиофильство – “любовь к книгам, собирание редких и ценных книг”; *chess* – шахматы /игра/; *checkers* – шашки /игра/, 8) отдых на массовых мероприятиях (банкет – “торжественный званый обед или ужин, устраиваемый в честь какого-либо лица, события”; *entertainment* – прием /гостей/, званый вечер, банкет; *junketing* – пирушка, кутеж).

В подгруппе «Наименования атрибутов отдыха» и в русском, и в английском языках выделяются 4 мини-группы: 1) атрибуты спортивного отдыха (лыжи – “плоские деревянные полозья для хождения по снегу”; теннисный стол – “стол для игры в теннис”; *ball* – мяч), 2) атрибуты туризма (рюкзак – “спортивный заплечный вещевой мешок с карманами”; спальник – “спальный мешок”; *bell-tent* – круглая палатка; *kanak* – лодка, байдарка), 3) атрибуты отдыха для удовлетворения физиологических потребностей (диван – “мягкая мебель для сидения и лежания, со спинкой и ручками или валиками”; кресло – “просторный стул с ручками для опоры локтей”; *chair* – стул, *chair-bed* – кресло-кровать), 4) атрибуты отдыха для удовлетворения познавательных и эстетических потребностей (баян – “большая гармоника со сложной системой ладов”; журнал – “периодическое издание в виде книжки, содержащей статьи или художественные произведения разных авторов”; *magazine* – /периодический/ журнал).

Подгруппа «Наименования мест отдыха» является самой многочисленной и в обоих языках включает в себя 11 мини-групп: 1) места спортивного отдыха (бассейн – “открытый или в закрытом помещении искусственный водоем, специально сооруженный для плавания, купания”; каток – “ледяная площадка для катания на коньках”; *swimming pool* – бассейн для плавания; *tennis court* – теннисный корт), 2) места отдыха на природе (пляж – “отлогий берег, удобный для купания и солнечных ванн”; побережье – “полоса земли вдоль морского берега”; *beach* – отлогий морской берег, взморье, пляж; *sea-shore* – морской берег, морское побережье), 3) места индивидуального загородного отдыха (поместье – “загородный дом, дача”; *country-house* – загородный дом; *summer house* – дача), 4) места коллективного отдыха (турбаза – “туристическая база”; гостиница – “дом с меблированными комнатами для временного проживания в нем приезжающих”; *motel* – мотель, гостиница для автотуристов; *encampment* – лагерь, лагерная стоянка), 5) места лечебно-оздоровительного отдыха (санаторий – “стационарное лечебное учреждение, оборудованное для лечения и отдыха”; баня – “специальная постройка или помещение, где моются и парятся”; *sauna* – финская парная баня; *plage* – морской курорт), 6) места отдыха, сопровождаемого приемом пищи и/или спиртного (бар – “небольшой ресторан, его зал или стойка со спиртными напитками и холодными закусками”; каба́к – “ресторан, бар”; *ale-house* – пивная; *bar* – бар, закусочная, буфет), 7) места физиологического отдыха (спальня – “комната, предназначенная для сна”; *bedroom* – спальня), 8) места

отдыха для удовлетворения познавательных и эстетических потребностей (библиотека – “учреждение, собирающее и хранящее книги для общественного пользования”; галерея – “специальное помещение, в котором размещены для обозрения предметы искусства; художественный музей”; planetarium – планетарий; зоо – зоопарк), 9) места отдыха на массовых мероприятиях (дискотека – “увеселительное собрание, вечер, на котором прослушиваются грамзаписи и танцуют под них”; казино – “игорный дом или увеселительное заведение с рестораном”; disco – дискотека).

Следует отметить, что наряду с общими чертами, ЛСГ «Отдых» в русском и английском языках демонстрируют также и определенные различия. Так, в перечне минигрупп подгруппы «Наименования мест отдыха» в английском языке имеются две отсутствующие в русском языке минигруппы – “Общие наименования мест отдыха” (*pleasure-resort* – *фешенебельное место отдыха*; *resting-place* – *место отдыха*) и “Общие наименования мест прогулок” (*parade* – *место для прогулок*; *paseo* – *место прогулки*). В то же время, в английском языке отсутствует минигруппа “Наименования мест отдыха с целью развлечения и самовыражения” (ср. в русском языке – *кружок* – “*группа лиц с общими интересами, объединившихся для совместных занятий чем-либо*”; *драмкружок* – “*драматический кружок*”).

Наблюдаются также несовпадения в перечне и составе микрогрупп подгруппы «Виды отдыха». Так, в частности, минигруппа «Отдых на массовых мероприятиях» в русском языке подразделяется на 2 микрогруппы: а) отдых, сопровождаемый приемом пищи и/или спиртного (*застолье* – “*праздничный стол, угощение*”; *коктейль* – “*прием, деловая или дружеская встреча, на которой подают коктейль*”), б) отдых, не сопровождаемый приемом пищи и спиртного (*бал* – “*большой праздничный вечер с танцами*”; *гулянье* – “*массовое празднество под открытым небом*”), а в английском языке – на 5 микрогрупп: а) общие наименования (*celebration* – *празднование, торжество*; *ceremony* – *церемония, торжество*), б) официальные мероприятия (*luncheon* – (*официальный*) *завтрак*; *reception* – *прием гостей, официальных представителей*), в) неофициальные мероприятия (*bean-feast* – *пирушка, попойка*; *carousal* – *пирушка, попойка*), г) мероприятия на открытом воздухе (*barbecue* – *пикник или прием на открытом воздухе, во время которого гостей угощают мясом, жаренным на вертеле*; *lawn-party* – *прием гостей в саду*), д) свадебные мероприятия (*wedding-breakfast* – *свадебное угощение, прием гостей после бракосочетания (в любое время дня)*; *wedding-feast* – *свадебный пир*).

Кроме этого, отметим расхождения в составе минигруппы «Туризм». Так, наряду с микрогруппой «Виды путешествий», в русском языке в ней выделяется микрогруппа «Виды туризма» (*велотуризм* – “*путешествия на велосипедах*”; *мототуризм* – “*вид туризма, связанный с передвижением на мотоцикле*”), а в английском языке – «Общие наименования туризма» (*hiking* – *туризм*; *touring* – *туризм*).

Особый интерес представляют различия в количественном составе выделенных подгрупп и минигрупп. Так, в русском языке общее число лексем, входящих в подгруппу «Общие наименования отдыха» составляет 5 единиц, а

в английском языке это число почти в три раза больше – 13 лексем. Это может быть объяснено наличием в английском языке широко развитой синонимии - входящая в выше названную подгруппу в русском языке лексема *отдых* имеет 8 соответствий в английском языке (*comfort* – *успокоение, покой, отдых*; *holiday* – *отдых, развлечение*; *resceance* – *отдых, восстановление сил*; *recreation* – *отдых, восстановление сил, развлечение*; *refreshment* – *восстановление сил, отдых*; *repose* – *отдых, передышка, сон*; *rest* – *покой, отдых, сон*; *vacation* – *отдых, свобода*).

Аналогичные количественные расхождения наблюдаются также в составе и других выделенных в русском и английском языках подгрупп и минигрупп. Так, в подгруппе «Виды отдыха» русская лексема *прогулка*, входящая в состав минигруппы «Прогулки», имеет восемь соответствий в английском языке (*pasear* – *прогулка*; *paseo* – *прогулка*; *perambulation* – *ходьба, прогулка*; *promenade* – *прогулка, гулянье*; *ramble* – *прогулка /без определенной цели/, бесцельное хождение*; *sally* – *прогулка, вылазка, экскурсия*; *saunter* – *прогулка, гулянье*; *walk* – *прогулка пешком*), а лексема *экскурсия* минигруппы «Отдых для удовлетворения познавательных и эстетических потребностей» – шесть соответствий (*excursion* – *экскурсия, /туристическая/ поездка*; *hike* – *длительная прогулка, экскурсия или путешествие пешком*; *hiking* – *пешеходная экскурсия, прогулка пешком*; *sally* – *прогулка, вылазка, экскурсия*; *trip* – *поездка, путешествие, экскурсия, рейс*; *tour* – *прогулка, экскурсия*).

В целом следует отметить, что лексико-семантическая группа «Отдых» в русском и английском языках демонстрирует как много общего, так и национально-специфические различия.

А. Х. Мерзлякова

Ижевск

Семантическое поле «Вкус» (на материале английского, французского и русского языков)

В настоящей работе основой объединения прилагательных в одно поле служит наличие семы «вкус» в структуре их основного значения. Ядро поля составляют прилагательные, обозначающие основные вкусовые признаки. Обычно исследователи выделяют четыре главных вкусовых ощущения: кислый, сладкий, горький и соленый, противопоставляя пары – сладкий и соленый, горький и сладкий. Остальные вкусовые ощущения группируются вокруг них.

Исследователи неоднократно отмечали, что вкусовой признак выражается не описанием объективной структуры признака, а через указание на эталонный носитель вкусового признака (Шрамм; Лечицкая; Мерзлякова 2002а; 2002б). Поэтому структура основного значения прилагательных вкусообразования имеет следующий вид: «Имеющий вкус + N + [Оценка + Интенсивность]», где N – эталонный носитель признака. Например, *кислый* – «*имеющий вкус лимона, уксуса, клюквы*». При этом «...у каждого народа представление о том или ином вкусе связывается с разными «эталонными предметами». Так,

горький вкус у русских ассоциируется со вкусом хины, полыни, у литовцев со вкусом перца, у англичан со вкусом корочки апельсина или вкусом кофейного осадка» [Лечицкая, с. 103]. Семы «Оценка» и «Интенсивность» могут входить как в ядро лексического значения, так и формировать его периферию, указывая на интенсивность проявления вкусового признака и на квалификативно-оценочное отношение говорящих к обозначаемому признаку.

В поле вкусообозначения нами включаются следующие прилагательные:

1) Прилагательные со значением **«имеющий вкус N + [оценка + int]»**. Этот блок формируют а) качественные прилагательные, для которых это значение является основным, первичным – *кислый, сладкий, горький / sour, acid, sweet, bitter, tart / acide, aigre, sur, amer, doux*; б) относительные прилагательные, для которых обозначение вкусового признака является вторичным, производным – *соленый, полынный, металлический, медовый, медвяный, пачочный и т.п. / salty, briny, metallic, honeyed, spicy etc. / sucré, mielleux, épicé, sirupeux etc.* Новые вкусовые признаки могут передаваться в русском языке относительными прилагательными разной семантики: *вкус морковный, клубничный, ванильный, сахарный, металлический, железный привкус* и т.д. Поэтому поле вкусообозначения в русском языке является открытой системой. В английском языке, имеющем преимущественно конверсивный способ словообразования, также можно говорить об открытости поля вкусообозначения (*sugary, saccharine, strawberry, salt*), в отличие от французского языка, где преобладают предложно-именные группы: *le goût de miel* (медовый вкус), *le goût de framboise* (клубничный вкус).

2) Прилагательные, имеющие значение **«приобретший вкус N, каузированный А»** – *прогорклый, закисший, перекислый, прокисший / rank, rancid / aigri, rance, ranci*.

3) Прилагательные, в значении которых содержится указание на интенсивность проявления признака вкуса. Структура их значения имеет следующий вид: а) **«имеющий вкус N + int<»** – *кисловатый, сладковатый, горьковатый, солоноватый, малосольный / bitterish, acidulous, sourish, sweetish / acidulé, doucereux, doucet, doucâtre, aigrelet, suret, verdelet (о вине)*. В русском языке неполнота проявления признака может сопровождаться положительной оценкой: *кисленький, сладенький, соленький* (прилагательное *горький* не имеет подобной формы, так как в структуре его основного значения есть указание на отрицательную оценку: «имеющий своеобразный едкий и неприятный вкус»); б) **«имеющий вкус N + int>> + [оценка (-)]»** – *пресладкий, приторный / luscious*; во французском языке в этом значении употребляется сложная форма (наречие + прилагательное): *trop sucré*. В русском языке интенсивность вкусового признака может также передаваться редупликацией: *соленый-соленый*; сложными прилагательными со вторым компонентом в превосходной степени: *сладкий-пресладкий, горький-прегорький*; сложными прилагательными с синонимичными компонентами: *полынно-горький, приторно-сладкий*. Излишнее проявление вкусового признака чаще всего оказывается неприятным для вкуса, поэтому в семантике русских прилагательных содержится сема отрицательной оценки. В английском языке указание на оценку отсутствует.

4) Прилагательные, обозначающие сложные вкусовые признаки. Этот блок представлен двумя группами. Первая группа объединяет прилагательные со значением **«имеющий вкус N₁ + N₂»**, где N₁ – первый эталонный носитель признака, N₂ – второй эталонный носитель признака: *кисло-сладкий* («имеющий вкус сахара и лимона»), *горько-солёный* («имеющий вкус полыни и соли»), *горько-миндальный* («имеющий вкус полыни и миндаля»). В английском языке это прилагательные *sour-sweet* и *bitter-sweet*, во французском языке словари указывают также только два прилагательных этой группы: *aigre-doux*, *doux-amer*. Вторая группа прилагательных имеет значение **«имеющий вкус N + сопровождающийся осязательным ощущением В»**: *вяжущий*, *терпкий*, *пикантный*, *оскоминный*, *оскомистый* /*astringent*, *tart*, *piquant*, *pungent*, *acerb*, *acrid* /*astringent*, *acerbe*, *âcre*, *âpre*, *piquant*.

5) Прилагательные, обозначающие вкусовой признак безотносительно к какому-либо эталонному носителю, со значениями: а) **«имеющий вкус + оценка (+)»** – *вкусный*, *аппетитный*, *сочный*, *смачный*, *лакомый* / *flavourous*, *savoury*, *delicious*, *palatable*, *succulent*, *tasty*, *appetizing*, *sappy*, *juicy*, *fruity*, *dainty* / *savoureux*, *appétissant*, *succulent*, *exquis*, *goûteux*, *juteux*, *délectable*; б) **«имеющий вкус + оценка (-)»** – *невкусный* / *distasteful*, *unpalatable*. Во французском языке для передачи этого значения используются словосочетания; в) **«не имеющий вкус + [оценка (-)]»** – *безвкусный*, *пресный*, *пресноватый* / *tasteless*, *insipid*, *flavourless*, *unflavoured*, / *fade*, *insipide*.

Указанные прилагательные могут быть организованы в блоки по близости значения, таким образом, можно выделить блоки «Сладкий», «Кислый», «Горький», «Соленый», «Терпкий», «Вкусный», «Безвкусный», «Невкусный».

Одни и те же прилагательные могут быть в составе разных блоков, например, *пресный* является антонимом прилагательного *солёный* (содержащий соль /не содержащий соль) и входит в один с ним блок; с другой стороны, оно указывает на отсутствие специфического вкуса и в этом случае может включаться в блок «Безвкусный». Прилагательные группы «Терпкий» находятся на стыке нескольких семантических полей: «Вкус», «Осязание», «Форма» и «Свойство стягивания». Так, прилагательные *терпкий*, *пикантный*, *оскоминный*, *оскомистый* / *acerb*, *acrid*, *pungent*, *piquant* / *acerbe*, *âcre* располагаются ближе к центру поля «Вкус», в то время как *жгучий* / *âpre* (фр.) тяготеют к центру поля «Осязание». Русское прилагательное *вяжущий* ближе к полю «Вкус», чем его английский и французский эквиваленты (*astringent*, *astringent*), которые стремятся к центру поля «Свойство стягивания». Прилагательные *острый* и *piquant* (фр.) по своему основному значению входят в поле «Форма», лишь во вторичном значении они относятся к полю «Вкус».

В русской языковой картине основные вкусовые признаки *кислый*, *горький* и *солёный* связаны со *сладким* через смешанные вкусовые признаки *кисло-сладкий*, *горьковато-сладкий*, *приторно-горький*, *сладко-солёный*; соединены также *солёный* и *горький* (*горько-солёный*, *солонатовато-горький*); *приторный* и *солёный* противопоставлены друг другу по семантическому компоненту Наличие/Отсутствие. Ближе к прилагательным, выражающим основные вкусовые признаки, располагаются прилагательные, являющиеся их синонимами (*уксусный*, *сахарный*, *медовый*, *паточный*, *полынный*, *медвяный*),

либо указывающие на вкусовой признак как на результат («приобретший вкусовой признак»: *закисший, прокисший, квашеный, прогорклый*). Далее от основных прилагательных находятся прилагательные, указывающие на различную степень проявления вкусового признака. Английское и французское семантические поля вкуса схожи по структуре между собой и различаются лишь в количественном плане. Блоки «кислый» и «горький», так же как в русском языке, связаны с блоком «сладкий», занимающим таким образом центральное положение во всех трех сопоставляемых языках. В ближней периферии размещаются синонимы основных прилагательных и прилагательные со значением «приобретший вкусовой признак», которые также выступают синонимами доминантным прилагательным. В дальней периферии, так же как в русском языке, находятся прилагательные, выражающие разную степень проявления признака. Отметим, что для английского и французского языков характерна изолированность блока «солёный», стоящего особняком. При этом во французском языке полностью отсутствуют прилагательные, синонимичные *salé*. Вероятно для английской и французской ментальности основными вкусовыми признаками являются *сладкий, горький* и *кислый*, а *солёный* хотя и представляет собой важный вкусовой признак, все же не связан с основными. В русском же сознании все вкусовые признаки вступают в более сложные отношения, но центром, тем не менее, является признак *сладкий*.

Количество прилагательных вкусообозначения различается по языкам, однако это различие не обозначает, что в сопоставляемых языках отсутствуют некоторые вкусообозначения. Русский язык, являясь синтетическим языком, обладает развитой системой аффиксов, позволяющих передавать различные степени проявления признака (*кисленький, кисловатый, кислющий, сладенький, сладковатый, сладчайший*). В английском и французском языках им соответствуют чаще всего аналитические конструкции «наречие + прилагательное»: *slightly sweet* (= *сладковатый*), *extremely sweet* (= *приторный*); *un peu salé* (= *солоноватый*), *trop salé* (= *пересолёный*). Недостаток качественных прилагательных вкусообозначения французский язык восполняет обилием именных конструкций, образованных по модели (goût) de + N: *goût de miel* (*медовый вкус*), *goût d'absinthe* (*полынный вкус*). В английском и русском языках подобная конструкция также представлена flavour of + N / вкус + N_{ген}, однако она менее продуктивна, чем подобные употребления во французском языке.

Типы семантического варьирования прилагательных вкусообозначения в сопоставляемых языках схожи. Наиболее типичным является полирецепторный перенос. Универсальным видом синестезии является переход из сферы «Вкус» к сфере «Запах». В формировании этого переноса отразилась реальная связь, существующая между вкусом пищи и его запахом, поэтому прилагательные вкусообозначения часто используются для передачи одорических признаков.

Остальные виды синестетических переносов наиболее характерны для французских прилагательных. Они используются для передачи признаков, воспринимаемых другими сенсорами: признаков тактильных, звуковых,

зрительных, температурных. Переход от сферы «Вкус» к сфере «Звук» прослеживается у этих прилагательных практически во всех блоках, за исключением блоков «Горький», «Вкусный» и «Невкусный». При этом французские прилагательные сохраняют знак оценки в производных значениях: вкусовые прилагательные с отрицательной оценкой обозначают неприятные для слуха признаки (пронзительные, резкие или тусклые, невыразительные), а прилагательное *doux*, содержащее сему положительной оценки в ядре значения, передает приятный для слуха признак (мягкий, тихий, нежный звук). Обозначение звукового признака наблюдается у английских и русских прилагательных вкусообозначения только в блоке «Сладкий». Развитие значения идет по модели «имеющий вкус + оценка (+)» => «имеющий звук + оценка (+)». Общим семантическим компонентом при переносе является сема положительной оценки.

Перенос в сферу «Температура» отмечается у французских прилагательных блока «Кислый» *aigre* и *acide*, а также у английского прилагательного *bitter* (блок «Горький»). Они имеют значение «имеющий температуру + ниже нормы + int> + оценка (-)», являясь практически синонимами, несмотря на то, что относятся к разным блокам. Свое производное значение эти прилагательные реализуют в идентичных контекстах при сочетании с существительными, обозначающими ветер. Французское прилагательное *doux* отличается от них как компонентами значения («имеющий температуру + выше нормы + оценка (+) [int<]»), так и сферой употребления: оно актуализирует свое значение со словами, обозначающими разные явления природы, а не только ветер.

Синестетический перенос в сферу зрительных признаков отличается тем, что вкусовые прилагательные могут передавать как цветовые и световые признаки, так и характеризовать форму. И вновь этот вид переноса оказывается прерогативой французских прилагательных. *Acide* и *aigre* указывают на яркость цвета и света, *doux* – на неяркий, приятный характер цветового и светового признаков, подчеркивая, таким образом, интенсивность зрительно воспринимаемого признака. В блоке «Терпкий» значение «яркий» обнаруживается во всех трех языках: у русского прилагательного *терпкий*, английского *pungent* и французского *acerbe*. У последнего прилагательного это значение вошло в узус и закреплено всеми словарями, в то время как у русского прилагательного это значение встречается крайне редко, его можно даже рассматривать как употребление, а не устойчивый элемент семантической структуры слова. Что касается английского прилагательного, то здесь мы также имеем дело с употреблением, а не значением.

Пример с *pungent* и рядом других прилагательных еще раз демонстрирует действие закона аналогии семантического развития слов, который можно сформулировать следующим образом: если в одном из языков существует устойчивая модель семантического варьирования у слов, входящих в одно и то же СП, то и в других языках эта модель семантического развития значения может проявиться у членов аналогичного СП.

Прилагательные вкусообозначения, являясь частнооценочными прилагательными, у которых сема оценки включена в структуру основного

значения, охотно развивают метафорические значения по модели метафоры оценки. От обозначения вкусового признака они часто переходят к выражению оценки. Перенос из сферы «Вкус» к сфере «Оценка» является типичным для всех блоков сопоставляемых языков, однако реализация этого переноса по языкам и по блокам весьма разнообразна. Например, сенсорную оценку «приятный для вкуса/вкусный» имеют лишь прилагательные блока «Сладкий»: *сладкий, sweet, doux*, при этом они не указывают на какой-либо конкретный вкусовой признак, а лишь отмечают, что вкусовой признак приятен. Выражение эмоциональной оценки «приятный/неприятный» характерно для прилагательных разных блоков; например, в блоке «Горький» это значение развивается только у русского прилагательного *горький* (знак оценки отрицательный). В блоке «Сладкий» это значение актуализируется у прилагательных *сладкий, sweet, doux* в сочетании с самым широким кругом имен: имена людей, абстрактные имена эмоций, (психических и физических) состояний людей, имена неодушевленных предметов и т.д. Прилагательные блока «Вкусный» реализуют это значение со словами, обозначающими речь, деятельность, эмоции. Различие между прилагательными разных языков раскрывается на уровне употребления; так, английское прилагательное *savoury* (вкусный) приобретает значение «неприятный» в отрицательных конструкциях и практически не встречается в утвердительных предложениях с оценочным значением. Русское прилагательное *лакомый* очень редко употребляется в значении «приятный», вытесняясь в разговорной речи другими лексемами с аналогичным значением. Французское прилагательное *délectable* чаще употребляется с именами, названиями эмоций, чем его синоним *savoureux*. В блоке «Невкусный» только два прилагательных *невкусный* и *distasteful* имеют оценочное значение «неприятный», при этом русское прилагательное практически не используется в этом значении в современном разговорном языке.

Эстетическую оценку выражают прилагательные двух блоков - «Безвкусный» и «Сладкий». Прилагательные *безвкусный* и *tasteless* указывают на несоответствие эстетической норме, а английские прилагательные *sweet, luscious*, наоборот, отмечают соответствие характеризуемого предмета существующим эстетическим нормам. Французские прилагательные вкусообозначения вообще не используются для передачи эстетической оценки.

Передача нормативной оценки также свойственна только русским и английским прилагательным: *кислый* и *sour* (блок «Кислый») указывают на несоответствие требованиям вкуса («непригодный для употребления»), а английское *sweet*, наоборот, удостоверяет полное соответствие требованиям вкуса. Лишь одно английское прилагательное *distasteful* выражает отрицательную этическую оценку «грубый». Французские прилагательные вновь оказываются безразличными к этим видам оценочных значений.

Таким образом, несмотря на обилие оценочных значений конкретная их реализация различна не только в разных блоках, но даже в рамках одного языка. Французские прилагательные легче образуют производные значения, выражающие эмоциональную оценку, при этом, они отличаются широкой сочетаемостью, хотя и немногочисленны (всего три прилагательных из блоков

«Сладкий» и «Вкусный»). Английские прилагательные служат для передачи разных видов оценок: гедонистических сублимированных и рационалистических. Они представляют практически все блоки, кроме блока «Горький». В русском же языке оценочные значения имеют шесть прилагательных: *кислый, сладкий, лакомый, невкусный, безвкусный, горький*, однако в отличие от английских и французских прилагательных, они реже употребляются в переносном значении и отличаются узкой сочетаемостью.

Типичным видом метафорических переносов для прилагательных вкусообозначения является переход из сферы «Вкус» к сферам «Чувство», «Характер» по модели импрессивной метафоры. Прилагательные с конкретным сенсорным значением начинают передавать абстрактные признаки. Этот вид переноса характерен практически для всех блоков, кроме блоков «Вкусный» и «Безвкусный». Отсутствие у прилагательных последних блоков данного производного значения вызвано, прежде всего, тем, что структура ядра основного значения у них очень проста и содержит всего две семы: архисему «Наличие/ Отсутствие» + дифференциальную сему «Вкус». Сема оценки входит в периферию. «Бедность» в дифференциальных семах не позволяет этим прилагательным формировать различные переносные значения.

Перенос типа «имеющий вкус» => «испытывающий чувство С», хотя и характерен для большинства блоков, встречается не у всех прилагательных. Так, например, в блоке «Горький» это значение выделяется только у английского прилагательного *bitter*. В блоках «Сладкий» и «Горький» прилагательные имеют производное значение «имеющий характер С». В целом, прилагательные одного СП не обязательно развивают схожие значения, хотя и сохраняют общую модель переноса от конкретного сенсорного признака к абстрактному признаку, характеризующему человека.

Переносы по модели импрессивной метафоры оказались менее разнообразными, чем ожидалось. Кроме указанных выше типов переходов «имеющий вкус» => «испытывающий чувство С» и «имеющий вкус» => «имеющий характер», можно назвать лишь еще два переноса «имеющий вкус» => «пропитанный сыростью» (блок «Кислый») и «не имеющий вкуса» => «не имеющий особых черт» (блок «Безвкусный»). Первый из этих переносов присущ прилагательным всех трех сопоставляемых языков, второй свойственен лишь прилагательным английского (*insipid*) и французского (*fade, insipide*) языков.

Отсутствие других импрессивных метафорических переносов, вероятно, связано с тем, что вкус как ощущение, имеет прочные ассоциации лишь с физическим состоянием человека, с его реакцией на тот или иной вкусовой признак. Вкус является контактным рецептором: для определения вкусового свойства предмета необходимо его, по крайней мере, коснуться языком. Эта необходимость соприкосновения сужает ассоциативные связи прилагательных вкусообозначения.

Метонимические переносы у прилагательных данного поля однотипны. Во всех блоках, кроме блока «Вкусный», во всех трех сопоставляемых языках развиваются значения по модели конверсивной метонимии индикативного

подтипа - «испытывающий чувство С» => «выражающий/обнаруживающий чувство С». Лишь в блоке «Горький» во всех языках представлены практически все подвиды индикативной метонимии: «вызывающий чувство С» (каузирующая метонимия), «проходящий в чувстве С» (длительности состояния), «включающий чувство С» (включающий подтип). Обилие метонимических переносов в этом блоке вызвано тем, что прилагательные в производном метафорическом значении выражают очень сильную негативную эмоцию: горечь (прилагательные *горький* и *amer*), злость, раздражение (английское прилагательное *bitter*). Сильное отрицательное чувство оказывается более выраженным в языке, чем, например, положительные эмоции.

В заключение отметим, что для прилагательных вкусообозначения в сопоставляемых языках наиболее характерными являются переносы метафорического типа. При этом французские прилагательные тяготеют к синестезии, английские – к оценке, а русские прилагательные не проявляют какого-либо ярко выраженного расположения к одному из типов переносов.

Литература

1. Лечицкая Ж.В. Прилагательные вкуса в современном русском языке (в аспекте номинации). – Дисс. на соиск....канд. филол. наук. – М., 1985. – 196 с.
2. Мерзлякова А.Х. Поле вкуса (на материале прилагательных английского, русского и французского языков) // Лингвистический вестник, №4. – Ижевск, 2002а. – С. 31-39.
3. Мерзлякова А.Х. Семантическое варьирование прилагательных в поле Вкуса // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Ижевск, 2002б. – С.98-116.
4. Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале совр. русск. языка). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. – 132 с.

Т.А. Шепилова
Воронеж

Лексико-семантическая группа «зоонимы» в русском и французском языках

Метафора, т.е. перенос названия одного предмета на другой на основе сходства по какому-либо признаку, является одним из основных средств формирования наименований и часто используется в различных языках, особенно для реализации экспрессивной функции. Метафоризации «подвергаются прежде всего слова, обозначающие наиболее известные понятия и предметы из ближайшего окружения человека: части человеческого тела, родственные связи, животные, растения, материалы, предметы одежды, предметы обихода, светила, явления природы» (Гак, с.94).

Один из самых распространенных видов переноса наименования – метафорические переносы зоонимов, или названий животных.

Для нашего исследования мы решили привлечь материал русского и французского языков, надеясь выявить общие или хотя бы аналогичные тенденции метафорических употреблений зоонимов в двух языках европейского ареала.

Как показало исследование, обозначения представителей различных видов животных (млекопитающих, птиц, пресмыкающихся, земноводных, рыб, членистоногих) могут переноситься на неодушевленные предметы и становиться наименованиями различных приспособлений, механизмов, технических сооружений. Например: *кошка* – 1) «домашнее млекопитающее животное»; 2) «род железных шипов, надеваемых на обувь для лазания на столбы, по отвесным местам» (Ожегов, с. 267); *журавль* – 1) «большая болотная птица с длинными ногами и длинной шеей»; 2) «длинный шест у колодца, употребляемый как рычаг при подъеме воды» (Ожегов, с.174); *araignée (f)* – 1) паук; 2) рыболовная сеть, кошка (разновидность крюка) (Le petit Larousse, с.82); *loup (m)* – 1) волк; 2) щипальная машина (Le petit Larousse, с.611).

Но более интересный тип для метафорического переноса – это использование названий животных для обозначения человека. В большинстве языков мира названия животных регулярно употребляются для наименования человека, его внешности, способностей, черт характера, образа жизни. Зоонимы становятся своеобразным олицетворением, символами человеческих качеств разного порядка.

Потенциально любой зооним может быть использован для характеристики человека по какому-либо признаку. Но лишь некоторые приобрели устойчивые переносные значения в русском и французском языках. Эти данные мы представили в виде таблицы.

Названия животных, встречающихся на территории России		Названия животных, встречающихся на территории Франции	
Названия домашних животных	Названия диких животных	Названия домашних животных	Названия диких животных
<i>Баран</i>	<i>Волк</i>	<i>Bœuf (m)</i>	<i>Grenouille (f)</i>
<i>Бык</i>	<i>Заяц</i>	<i>Brebis (f)</i>	<i>Lièvre (m)</i>
<i>Гусь</i>	<i>Кабан</i>	<i>Canard (m)</i>	<i>Loup (m)</i>
<i>Коза</i>	<i>Крыса</i>	<i>Cheval (m)</i>	<i>Merle (f)</i>
<i>Козел</i>	<i>Лиса</i>	<i>Chien (m)</i>	<i>Mouche (m)</i>
<i>Корова</i>	<i>Медведь</i>	<i>Cochon (m)</i>	<i>Renard (m)</i>
<i>Кот</i>	<i>Морж</i>	<i>Coq (m)</i>	<i>Souris (m)</i>
<i>Кошка</i>	<i>Орел</i>	<i>Lapin (m)</i>	<i>Taupe (f)</i>
<i>Лошадь</i>	<i>Сokol</i>	<i>Mouton (m)</i>	
<i>Овца</i>	<i>Стрекоза</i>	<i>Oie (f)</i>	
<i>Свинья</i>	<i>Черепаха</i>	<i>Poule (f)</i>	
<i>Собака</i>		<i>Vache (f)</i>	
		<i>Veau (m)</i>	

Названия экзотических для русской фауны животных	Названия экзотических для французской фауны животных
<i>Лев, черепаха, обезьяна, осел, слон, кит</i>	<i>Babouin (m), chameau (m), girafe (f), guenon (m), pingouin (m), phoque (m)</i>

Вероятно, объяснения этого языкового феномена следует искать в особенностях природных условий (наличие животных на территории стран), в роли животных в жизни человека и в степени приближенности к нему, в культурных и религиозных традициях, наконец, в особенностях менталитета и своеобразном видении животного мира народами России и Франции.

Истоки тесного и продолжительного контакта человека с фауной уходят в глубокую древность. На протяжении тысячелетий животный мир был и остается областью действительности, находящейся в непосредственной близости к человеку. Наверное, нельзя найти ни одной сферы жизнедеятельности человека, которая так или иначе не была бы связана с животными (к сожалению, не всегда с пользой для последних): сельское хозяйство, легкая промышленность, наука, спорт, сфера развлечений. Может быть, желая подчеркнуть существенное место животных в нашей жизни, мы говорим о них как о «братьях наших меньших».

И французы, и русские, как и любая другая нация, не представляют свою повседневную жизнь без домашних животных. Французский исследователь Ж. Мерме объясняет это изменениями, происходящими в современном обществе, которое становится грубым, жестоким, безжалостным, опасным, внушающим страх и ужас. Вот почему верными и надежными компаньонами остаются собаки, кошки, рыбки, черепахи, птицы. Это не только надежное средство защиты, но и способ борьбы с одиночеством, объект излияния самых нежных чувств, приятный «собеседник» и друг (Mermet, с.193).

Основой метафорического переноса наименований животных могут служить два типа признаков.

С одной стороны, это реальные признаки животных, присущие им как биологическому виду и переносимые на человека. Например: физическая сила быка – *bœuf (m)*, хитрость лисы – *renard (m)*, выносливость и работоспособность лошади – *cheval (m)*, смелость льва – *lion (m)*, звонкий голос соловья – *rossignol (m)*, хорошее зрение кошки – *chat (m)*, ловкость обезьяны – *singe (m)*, покорность барана – *mouton (m)*, большие размеры слона – *éléphant (m)*, черный цвет оперения вороны – *corbeau (m)*.

С другой стороны, существуют признаки, условно приписываемые животным языковыми коллективами, безотносительно к реальным биологическим характеристикам. К таковым относят признаки интеллектуальной, волевой, эмоциональной сфер. Так, в русском языке глупого человека сравнивают с *индюком*, жадного – с *крысой*, безвольного – с *курицей*. Французы называют невежду *карпом карпе (f)*, злого – *молю теigne (f)*, глупца – *ослом âne (m)* или лягушкой *grenouille (f)*.

Сравнительный анализ метафорических употреблений зоонимов в русском и французском языках позволил выделить три группы названий животных.

Первая группа включает зоонимы, имеющие одинаковые метафорические употребления в двух языках: *баран, mouton (m)* – «упрямый человек»; *волк, loup (m)* – «жадный человек»; *змея, vipère (f)* – «коварный, изворотливый человек»; *курица, poule (f)* – «безвольный, слабохарактерный человек»; *лев, lion (m)* – «сильный человек»; *лошадь, cheval (m)* – «выносливый, неустойчивый человек»; *медведь, ours (m)* – «неловкий, грубый человек»; *овца, brebis (f)* – «смирный человек»; *осел, âne (m)* – «упрямый человек»; *сорока, pie (f)* – «болтливый человек»; *черепаха, tortue (f)* – «медлительный человек».

Ко второй группе относятся те названия животных, которые различаются метафорическими смыслами в двух языках:

1.	<i>собака</i>	<i>chien (m)</i>
	«злой, жестокий, преданный, выносливый человек»	
		«скупой, безвольный человек»
2.	<i>свинья</i>	<i>cochon (m)</i>
	«грязный, неаккуратный человек»	
		«пьяный человек»
3.	<i>обезьяна</i>	<i>singe (m)</i>
	«подражающий человек»	
		«уродливый человек»
4.	<i>крыса</i>	<i>rat (m)</i>
	«жадный человек»	«мерзкий человек»

Третью группу составляют зоонимы, иноязычные аналоги которых не подвергаются метафоризации: *кабан* – «грузный, полный человек», *стрекоза* – «живой, непоседливый человек», *морж* – «человек, занимающийся закаливанием», *chat (m)* – «неблагодарный человек», *chameau (m)* – «трезвый человек», *grenouille (f)* – «глупый человек».

Сходные метафорические употребления зоонимов не так уж часто обнаруживаются в русском и французском языках. Вслед за И.Б. Рубертом мы предполагаем, что «у каждого народа существует свое особое представление о «соизмеримости» человека и животных, и, естественно, те признаки животных, которые опознаются как значимые, выделяются им не произвольно, но зависят от господствующего в тот или иной исторический период типа ментальности, от степени разделенности человека и природы, микро- и макрокосма» (Руберт, с.118).

При сопоставительном изучении русских и французских зоонимов мы также решили рассмотреть вопрос об их участии в процессах фразеологизации.

Лексико-семантическая группа «зоонимы» относится к языковым универсалиям. Но необходимо отметить, что только определенные компоненты этой группы являются строительным материалом фразеологии конкретного языка. Возможно, в отборе и предпочтении тех или иных слов проявляются национальные особенности фразеологических систем различных языков.

На основании нескольких лексикографических и фразеографических источников русского языка мы попытались определить удельный вес в русской фразеологии фразеологических единиц (далее ФЕ) с зоонимами «волк», «птица», «лошадь», «собака», которые соответствуют названиям наиболее распространенных во французской фразеологии животных.

Результаты превзошли все ожидания. Например, существительное «волк» принимает участие в образовании 15 ФЕ (ср. «*loup (m)*» - 38 ФЕ), зооним «птица» является компонентом 10 ФЕ (ср. «*oiseau (m)*» - 57 ФЕ), зооним «лошадь» входит в состав 4 ФЕ (ср. «*cheval (m)*» - 98 ФЕ). Даже самый распространенный русский зооним «собака» не может сравниться по частотности употребления с французским «*chien (m)*» - 32 ФЕ и 155 ФЕ соответственно. Иными словами, ни один из перечисленных зоонимов русского языка не обладает и половиной фразеобразовательного потенциала этой ЛСГ во французском языке.

Прежде всего, мы связываем это явление с различиями в тенденциях номинации в русском и французском языках. Для французского языка, который является языком аналитического типа, образование сверхсловных наименований – это естественный и регулярный процесс. В то время, как в синтетических языках, например, в русском, основным средством номинации выступает слово.

Нам кажется, что причину данного явления можно обнаружить и за пределами лингвистики. Проявление разной степени активности названий животных в формировании фразеологизмов в русском и французском языках свидетельствует лишний раз о национальной специфике восприятия и познания фауны, отношения к ней людей разных национальностей.

Литература

1. Гак В.Г. Беседы о французском слове – М.: Международные отношения, 1966. – 336 с.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – 21-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1989. – 921 с.
3. Руберт И.Б. Антропоцентризм в концептуализации фаунистических понятий. // К юбилею ученого. Сборник научных трудов, посвященных юбилею Е.С. Кубряковой. – М.: Изд-во МГПУ, 1997. – С.115-120.
4. Le petit Larousse illustre. - P.: Larousse. – 1784 p.
5. Mermet G. Francoscopie – P.: Librairie Larousse, 1990. – 420 p.

Наименования зданий и помещений для определенных целей в русском и английском языках

Лексика, отражающая особенности материально-бытовой жизни народа, представляет большой интерес в лингвистическом плане. Предметом изучения в данной статье являются наименования зданий и помещений, ярко проявляющие национальные особенности языкового членения действительности. Как в русском, так и в английском языках тематические группы лексики, используемой для обозначения зданий и помещений, являются обширными и сложными по составу. Исследования показали, что в обоих языках в рассматриваемых группах могут быть выделены пять подгрупп: «Общие наименования зданий и помещений», «Виды зданий и помещений», «Комплексы зданий и помещений», «Здания и помещения для определенных целей», «Виды зданий и помещений для жилья».

Наибольший интерес представляет самая многочисленная и разнообразная по составу подгруппа «Здания и помещения для определенных целей и категорий лиц», в которой представляется возможным выделить следующие минигруппы: «Специальные здания и помещения» (*котельная, лаборатория; chamber, observatory*), «Производственные здания и помещения» (*завод, кузница; workhouse, plant*), «Здания и помещения для органов власти и административных учреждений» (*патуша, таможня; headquarters, capitol*), «Здания и помещения для представителей определенных профессий» (*инспекторская, вахта; butlery, lodge*), «Здания и помещения для арестованных» (*карцер, тюрьма; presidio, prison*), «Здания и помещения для покойников» (*крематорий, морг; mortuary, crypt*), «Здания и помещения для удовлетворения физиологических потребностей» (*курильня, баня; baths, toilet*), «Помещения-убежища» (*газоубежище, бомбоубежище; gas-shelter, cover*), «Здания и помещения для отправления религиозных потребностей представителями различных конфессий (культовые здания и помещения)» (*храм, часовня; church, temple*), «Здания и помещения для стоянки и ремонта транспортных средств» (*ангар, бокс; hangar, garage*), «Здания и помещения учреждений здравоохранения» (*больница, палата; hospital, ward*), «Здания и помещения учебно-воспитательных учреждений» (*ясли, школа; nursery, school*), «Помещения для проведения публичных мероприятий» (*лекторий, зал; board-room, lobby*), «Здания и помещения сельскохозяйственного назначения» (*конюшня, теплица; grapery, piggery*), «Здания и помещения для диких животных и птиц» (*скворечник, хатка; owlery, den*), «Торговые здания и помещения» (*булочная, киоск; supermarket, confectionery*), «Здания и помещения для предприятий общественного питания» (*блинная, столовая; cafe, restaurant*), «Здания и помещения для хранения» (*амбар, бункер; depot, warehouse*), «Здания и помещения для спортивных и зрелищных предприятий» (*бассейн, музей; ballroom, pool*).

Отмечая совпадения в количестве мини групп, выделяемых в рассматриваемой подгруппе, следует обратить внимание на различия их количественного и качественного состава. Так, мини группа «Здания и помещения для хранения» в русском языке насчитывает 35 лексем, причем в ней преобладают общие наименования помещений для хранения (*кладовая, хранилище* и т.п.). Количество лексем соответствующей мини группы в английском языке почти в два раза больше. Помимо общих наименований помещений для хранения, в данную мини группу входят лексемы, обозначающие здания и помещения для хранения конкретного вида имущества и продуктов (*pantechnicon – склад для хранения мебели; oilery – склад для масла* и др.). Отметим, что аналогичные расхождения наблюдаются и в других мини группах.

Особый интерес среди наименований зданий и помещений для определенных целей и категорий лиц представляет мини группа «Здания и помещения сельскохозяйственного назначения». Как в русском, так и в английском языках здесь можно выделить здания и помещения для домашних животных (*конюшня, коровник; barn, stall*), здания и помещения для домашних птиц (*курятник, голубятня; coop, aviary*), для пчел (*омшаник; apiary*). Однако рассматриваемая мини группа в английском языке количественно превосходит соответствующую ей мини группу в русском языке, что может быть объяснено высокой развитостью в ней синонимии. Так, русским лексемам *конюшня, коровник, свиноводник* соответствуют по несколько лексем в английском языке – *mews, stall, barn, training stable; cowshed, cow-house; piggy, pigpen, pigsty, hogger, hogpen*.

Представляется интересной также микро группа, обозначающая здания и помещения для разведения растений. В русском языке данную микро группу составляют всего пять лексем: *грибница, оранжерея, парник, теплица, шампиньонница*, три из которых – *оранжерея, парник* и *теплица* обозначают специально оборудованные помещения для выращивания разных видов растений. В английском языке лексем для обозначения такого рода помещений значительно больше – 12 (*pit, conservatory, greenery, hothouse, greenhouse, forcing house, warmhouse* и др.). Подобное различие может быть объяснено тем фактом, что в Великобритании сложился особый интерес к садоводству и огородничеству, что и нашло свое отражение в языке.

В заключение следует отметить, что, несмотря на в целом аналогичную структуру сравниваемых подгрупп тематической группы «Здания и помещения» в русском и английском языках, внутри данных подгрупп наблюдаются определенные различия, являющиеся следствием разного членения действительности народами, говорящими на русском и английском языках.

**Сопоставительный анализ лексических единиц
со значением «звук/звучание»
(на материале русского и французского языков)**

Сегодня повышенное внимание уделяется исследованиям в области контрастивной лингвистики. Это и понятно, так как «целью контрастивного исследования является ... выявление различий в семантике и функциях единицы одного языка в сравнении с ее возможными соответствиями в другом языке» (Стернин, с. 17-18).

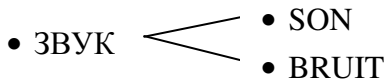
Область применения результатов таких исследований обширна – преподавание языка как иностранного, создание новых типов учебных словарей, обучение коммуникативному поведению народа страны изучаемого языка и т.д.

В настоящей статье предпринята попытка выявления национально-специфических черт семантики лексических единиц со значением «звук/звучание» на материале русского и французского языков.

Данная лексико-семантическая группировка довольно объемна и подразделяется на ряд тематических подгрупп:

- «звучащая речь» (*говорить, спрашивать, рассказывать, беседовать, слово, фраза, болтовня, parler, demander, raconter, causer, parole, phrase, bavardage* etc.);
- «звук животных» (*жужжать, мяукать, мурлыкать, куковать, стрекотание, лай, карканье, bourdonner, miauler, ronronner, coucouer, grésillement, aboiement, croassement* etc.);
- «звук живой природы» (*плескаться (о воде), хрипеть, насвистывать, хрип, стон, clapoter, râler, siffloter, ronflement, gémissement* etc.);
- «звук неживой природы» (*дребезжать, стучать, скрипеть, звон (оружия, цепей), грохотание, треск, tinter, frapper, craquer, cliquetis, roulement, fracas* etc.);
- «звук музыкальных инструментов» (*пиликать, бить в барабан, играть на каком-либо музыкальном инструменте, трубить, racler de ..., tambouriner, jouer de ..., trompeter* etc.) и т. д.

В качестве иллюстрации контрастивного анализа возьмем существительное «звук», которое в русском языке является самым отвлеченным обозначением звукового явления. Мы полностью разделяем мнение В.Г. Гака, который, анализируя способы выражения звуковых ощущений во французском и русском языках, указывал на векторное соответствие слова «звук» (Гак, с.183-184):



Это отчетливо видно из примеров:

De temps en temps seulement, j'entendais un bruit singulier et je ne pouvais comprendre ce qu'il était (Камю, с. 32). – И только время от времени я слышал какой-то странный звук и не мог понять, что это было.

Le murmure des voix montait, tantôt léger, à peine perceptible, tantôt plus vif, une rumeur confuse de cris et de mouvements humains, mais émiettée dans l'air, évaporée déjà, une sorte de poussière de bruit (Мопассан, с. 41). – Шум толпы долетал до нее еле слышным гулом, а то вдруг поднимался смутной разноголосицей криков, глухим топотом, дробился, таял и рассеивался в воздухе какой-то пылью звуков.

Et cette lune perdue dans ce ciel désert, et ce faible son perdu dans la nuit muette, lui jetèrent au coeur une telle émotion de solitude qu'elle se mit à sangloter (Мопассан, с. 112). – И эта луна, затерявшаяся в пустынном небе, и эти еле слышные звуки скрипки, терявшиеся в безмолвии ночи, пронизывали душу такой болью одиночества, что Христиана разрыдалась.

Следовательно, оказывается необходимым сравнить исследуемую единицу с каждым из ее соответствий. Другими словами, вышеуказанное векторное соответствие требуется разбить на контрастивные пары, под которыми «понимаются две единицы сравниваемых языков, выступающие как межъязыковые соответствия» (Стернин, с. 60). В нашем случае это: «звук – son» и «звук – bruit».

Каждую семему контрастивной пары подвергнем компонентному анализу методом анализа словарных дефиниций.

ЗВУК - а, м.1. Воспринимаемое слухом физическое явление, порождаемое колебательными движениями частиц воздуха или другой среды (Ожегов).

BRUIT 1. – Sensation auditive produite par des vibrations irrégulières (NPR).

SON 1. - Sensation auditive causée par les perturbations d'un milieu matériel élastique fluide ou solide (spécialement l'air) (NPR).

Таким образом, семема «звук» представлена следующим набором сем:

- физическое явление
- воспринимается на слух
- порождается колебательными движениями
- частицы воздуха или другой среды
- межстилевое
- неоценочное
- неэмоциональное

Семема «son» имеет следующий компонентный состав:

- физическое явление
- воспринимается на слух
- порождается колебательными движениями
- частицы воздуха или другой среды
- межстилевое

- неоценочное
 - неэмоциональное
- Компонентный состав семемы «bruit»:

- физическое явление
- воспринимается на слух
- порождается колебательными движениями
- нерегулярность, беспорядочность
- межстилевое
- неоценочное
- неэмоциональное

При сопоставлении семной структуры слова «звук» и его соответствий во французском языке, выясняется, что в паре «звук – son» установлено абсолютное семное совпадение, а в контрастивной паре «звук - bruit» обнаружились семные различия:

ЗВУК	BRUIT
частицы воздуха или другой среды	безэквивалентная сема
безэквивалентная сема	нерегулярность, беспорядочность

Сема «нерегулярность, беспорядочность», присутствующая в слове bruit, отсутствует в слове «звук», но в сопоставлении с «son» отсутствие данной семы в русском слове не будет значимым, так как в «son» эта сема тоже отсутствует.

Аналогичная ситуация с семой «частицы воздуха или другой среды». При сопоставлении пары «звук - bruit» она выступает как национально-специфическая, но не оказывается таковой при сопоставлении пары «звук - son».

Поскольку вышеперечисленные семы в условиях исследуемого векторного соответствия обладают спецификой на фоне не всех соответствий языка сопоставления, они могут быть определены как национально-релевантные.

Как показал проведенный анализ, межязыковые соответствия «звук - son» являются лексическими эквивалентами, максимально сходными по составу сем и обеспечивающими адекватный взаимный перевод в любых контекстах, а «звук - bruit» являются близкими соответствиями, использующимися для взаимного перевода во многих контекстах.

Литература

1. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М.: Междунар. отношения, 1977. - 264 с.
2. Камю Альбер. Посторонний. Чума. На французском языке. М.: Прогресс, 1969. - 334с.

3. Мопассан Ги де. Монт-Ориоль. На французском языке. М.: Высшая школа, 1971.-312 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Сов. Энциклопедия, 1970.-900 с.
5. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Воронеж: Истоки, 2004.-189с.
6. Nouveau Petit Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / Texte rem. et ampl. sous la dir. de J. Rey-Debove et A. Rey. – P.: Dictionnaires Le Robert, 1997. – XXXV + 2551 p. – (NPR)

Т.Г. Кликушина
Борисоглебск

Выбор точки отсчета как принцип систематизации наименований холодного оружия (на материале русского и английского языков)

Предметом исследования являются русские и английские наименования колюще-рубящего холодного оружия: *кинжал, стилет, бебут, меч, меч-кладенец, сабля, шапка* и др.; *sword* «меч», *claymore* «клејмор, кельтский меч», *kukri* «кукри», *dagger* «кинжал», *stiletto* «стилет», *backsword* «палаш», *yataghan* «ятаган», и др.

Как русская, так и английская лексика образует лексико-семантическую подгруппу «Колюще-рубящее холодное оружие». Подгруппы моделируются в виде разветвленных многоярусных иерархий. В модели подгруппы гипероним объединен с каждым из гипонимов гиперо-гипонимической связью, а гипонимы одного гиперонима между собой – согипонимической связью.

Вершину иерархии русской подгруппы занимает составной термин «колюще-рубящее холодное оружие». Его непосредственными гипонимами являются наименования видов колюще-рубящего холодного оружия: *кинжал, меч, сабля, шапка* и др. В свою очередь, элементы *кинжал, меч* выступают как гиперонимы по отношению к наименованиям их разновидностей – единицам более низкого уровня подчинения. *Бебут, ятаган, стилет, кинжал* «Кама», *кинжал* «Барс», *кинжал* «Грифон» называют разновидности кинжала и конкретизируют гипероним *кинжал*. В свою очередь, единица *стилет* является гиперонимом для единиц *стилет* «Рита», *стилет* «Птица», *стилет* «Римский». Элемент *меч-кладенец* называет разновидность меча и конкретизирует гипероним *меч*.

Вершину иерархии английской лексико-семантической подгруппы «Колюще-рубящее холодное оружие» также занимает составной термин *thrusting and slashing cold weapon* «колюще-рубящее холодное оружие». Данный гипероним конкретизируется гипонимами *sword* «меч», *saber* «сабля», *dagger* «кинжал», *backsword* «палаш» и др. Единицы *sword, saber, dagger* выступают как гиперонимы по отношению к конкретизирующим их единицам. Наименования разновидностей меча *claymore* «клејмор», *kukri* «кукри», *antennae sword* «антенна-меч» конкретизируют гипероним *sword*.

Наименования разновидностей сабли *scimitar* «кривая турецкая сабля», *yataghan* «ятаган», *cutlass* «абордажная сабля» конкретизируют гипероним *saber*. Наименования разновидностей кинжала *stiletto* «стилет», *misericord* «кинжал, которым добивали поверженного врага», *kris* «крис, малайский кинжал», *kuttar* «кутар», *poniard* «короткий кинжал», *anlace* «кинжал, который носили за поясом» конкретизируют гипероним *dagger*.

Сопоставление русской и английской лексико-семантических подгрупп «Колюще-рубящее холодное оружие» показало, что модель английской подгруппы является более разветвленной. В данной модели три единицы выступают как гиперонимы (*sword*, *saber*, *dagger*) и имеют свои непосредственные гипонимы, тогда как в русской – только две: *меч* и *кинжал*. В русском языке, в отличие от английского, не обнаружены системные обозначения разновидностей сабли.

Подобные модели являются результатом систематизации наименований колюще-рубящего холодного оружия, выполненной лингвистом на базе семантического анализа данных единиц. Семы, соотносимые лингвистом при сравнении гиперонимов и гипонимов, представляют собой языковое выражение тех признаков оружия, которые получили отражение в сознании человека, были им концептуализированы.

Описанные выше модели русской и английской лексико-семантических подгрупп отражают и возможный способ систематизации видов оружия специалистом в области вооружения, изучающим холодное оружие или применяющим его на практике.

Изучая виды оружия, специалист, будучи пользователем языка, для представления построенной им системы видов оружия применяет единицы языка – наименования оружия. Поэтому описанная специалистом посредством языковых средств система оружия совпадает с системой наименований, выстраиваемой лингвистом на базе семантического анализа.

Вслед за В.Б.Гольдберг, мы считаем, что модель лексико-семантической группы (подгруппы), выстраиваемая лингвистом и отражающая восприятие им данного фрагмента лексико-семантической системы, может рассматриваться как лексическая научная лингвистическая категория (Гольдберг-2002). Языковое описание системы, которую составляют виды вооружения, отражает восприятие реальных видов холодного оружия специалистом и на этом основании тоже интерпретируется как лексическая научная категория – но не лингвистическая, а специальная.

Таким образом, результатом систематизации видов оружия и их наименований являются лексические научные категории – специальная и лингвистическая.

Однако множественность признаков оружия позволяет систематизировать виды оружия и их наименования не единственным образом.

В зависимости от цели систематизации какой-либо из признаков оружия будет отбираться как наиболее актуальный в данной ситуации и систематизация будет как бы «ориентирована» на него. В литературе рассматривают «представление, с которым соотносится реальный,

воспринимаемый органом чувства признак реального предмета» как точку отсчета при категоризации (Лаенко, с. 367).

Выбирая наиболее актуальный в данной ситуации признак оружия, специалист тем самым выбирает точку отсчета для его категоризации. Языковая презентация построенной модели представляет собой лексическую категорию, построенную на базе данного признака оружия как точки отсчета. Таким образом, выбор точки отсчета является важным принципом систематизации наименований колюще-рубящего холодного оружия.

Анализ справочной литературы показал, что колюще-рубящее холодное оружие имеет много признаков. Следовательно, систематизация его наименований может осуществляться на базе многих точек отсчета. В каждом случае одним из первых шагов систематизации является выбор какой-то одной точки отсчета из числа многих других.

Среди признаков колюще-рубящего холодного оружия выделим три: «конструкция», «форма», «хронологическая позиция оружия во временном пространстве». Рассмотрим модели в русском языке, которые выстраиваются на базе двух первых точек отсчета: конструкция и форма.

По конструкции различают: колюще-рубящее холодное оружие, имеющее клинок – *меч, шашка* и др.; колюще-рубящее оружие, не имеющее клинка – *алебарда*. В разграничении клинкового и неклинкового холодного оружия лежит такая точка отсчета, как «наличие-отсутствие клинка», т.е. признак конструкции.

Признак формы может характеризовать оружие в целом или только его часть. Так, клинковое колюще-рубящее холодное оружие обладает признаками, характеризующими форму одной из его частей – клинка. Различают такие признаки формы клинка, как наличие-отсутствие изгиба (прямой или изогнутый клинок), ширина (широкий или узкий клинок), наличие одной или нескольких граней (плоский или граненый) и т.д.

Данные, как и многие другие, признаки в той или иной ситуации лягут в основу категоризации, выполняемой специалистом в области холодного оружия, и получают отражение в систематизации наименований лингвистом.

Исходя из данных семантического анализа, можно сгруппировать наименования колюще-рубящего холодного оружия по общности той или иной семы и выявить в составе подгруппы более узкие объединения – «микрообъединения». Компонентный анализ исследуемых наименований выявил единицы с общей семой 'имеющее боевую часть в форме клинка': *меч, меч-кладенец, палаш, кинжал, стилет, бебут, шашка, сабля, ятаган* и ряд других. Эта сема отражает особенность конструкции данных видов оружия. Приведенные единицы образуют микрообъединение «клинковое колюще-рубящее оружие», которому противопоставлена единица «алебарда», несущая сему 'имеющее боевую часть в отличной от клинка форме' и обозначающая разновидность неклинкового колюще-рубящего оружия».

Таким образом, в качестве точки отсчета при систематизации наименований колюще-рубящего холодного оружия может быть выбран такой признак конструкции, как «наличие-отсутствие клинка».

Далее единицы микрообъединения «клинковое колюще-рубящее оружие» можно сгруппировать в еще более узкие микрообъединения на базе сем, отражающих особенности формы оружия. Элементы *меч, меч-кладенец, палаши, стилет* объединяются по общности семы 'с прямым клинком', элементы *бебут, шапка, сабля, ятаган* – по общности семы 'с изогнутым клинком'. В данном случае в основе систематизации лежит признак формы «наличие-отсутствие изгиба клинка». Следовательно, и сами виды колюще-рубящего холодного оружия можно дифференцировать по этому признаку.

Пытаясь выстроить модель организации фрагмента лексико-семантической системы, включающего наименование колюще-рубящего холодного оружия, мы сталкиваемся с тем, что ни для одного из выявленных микрообъединений не удастся найти системную единицу (слово или словосочетание), которая могла бы идентифицировать все элементы данного микрообъединения. Это заставило нас обратиться к приему моделирования идеогруппы, предложенному В.Б.Гольдберг (Гольдберг-2003), и разработать его далее на материале идеоподгруппы.

Наличие общей семы у элементов микрообъединения позволяет считать, что в концептосфере носителей языка имеются соответствующие нелексикализованные концепты, за выражением которых не закреплены какие-либо системные единицы (Гольдберг-2000, с. 60). Содержание данных нелексикализованных концептов возможно передать только описательным путем: *Колюще-рубящее оружие, имеющее боевую часть в форме клинка, Колюще-рубящее оружие с прямым клинком, Колюще-рубящее оружие с изогнутым клинком* и т.д. Выраженные посредством метаязыкового описания концепты могут быть представлены как нелексикализованные элементы моделируемой подсистемы «Колюще-рубящее холодное оружие». Таким образом, в иерархическую модель русской лексико-семантической подгруппы «Колюще-рубящее холодное оружие» вводятся нелексикализованные элементы: [колюще-рубящее оружие, имеющее боевую часть в форме клинка], [колюще-рубящее оружие с прямым клинком], [колюще-рубящее оружие с изогнутым клинком] и т.д. В результате выстраивается иерархическая модель, которая включает элементы разного типа – не только слова и словосочетания, но и нелексикализованные элементы. Следовательно, рассматриваемая подсистема будет представлять собой уже не лексико-семантическую подгруппу, а иной тип объединения – идеоподгруппу (Гольдберг-2000, с. 61).

В результате, принимая в качестве точек отсчета два признака: признак конструкции «наличие-отсутствие клинка» и признак формы «наличие-отсутствие изгиба клинка», мы выстроили единую иерархическую модель идеоподгруппы «Колюще-рубящее холодное оружие». Возможность построения единой иерархической модели на базе двух признаков говорит о родственности признаков конструкции и формы оружия, где конструкция является ведущим признаком, а форма – подчиненным.

При систематизации английских наименований колюще-рубящего холодного оружия также можно исходить из точек отсчета, базирующихся на данных родственных признаках.

В составе английской лексико-семантической подгруппы «Колюще-рубящее холодное оружие» были выявлены микрообъединения, которые можно идентифицировать только посредством нелексикализованного элемента. Элементы *sword*, *claymore*, *kukri*, *antennae sword*, *backsword*, *dagger*, *stiletto*, *saber*, *scimitar* и ряд других по общности семы 'имеющее боевую часть в форме клинка' образуют микрообъединение, которое в модели идеоподгруппы идентифицируется нелексикализованным элементом [колюще-рубящее оружие, имеющее боевую часть в форме клинка].

Единицы *sword*, *claymore*, *antennae sword*, *backsword*, *dagger*, *stiletto*, *kuttar* и ряд других образуют более узкое микрообъединение по общности семы 'с прямым клинком'. Единицы *kukri*, *saber*, *scimitar*, *yataghan*, *cutlass*, *kris* образуют микрообъединение по общности семы 'с изогнутым клинком'. Таким образом, в иерархическую модель вводятся нелексикализованные элементы следующего уровня подчинения: [колюще-рубящее оружие с прямым клинком] и [колюще-рубящее оружие с изогнутым клинком]. Данные элементы будут выступать в роли гипонимов по отношению к своему непосредственному гиперониму [колюще-рубящее оружие, имеющее боевую часть в форме клинка].

Проведенный анализ, обнаружил сходство моделей, которые выстраиваются при систематизации русских и английских наименований колюще-рубящего холодного оружия на базе родственных точек отсчета: «конструкция оружия (наличие-отсутствие клинка)» и «форма клинка (наличие-отсутствие изгиба клинка)»

Рассмотрим модели русской и английской идеоподгрупп «Колюще-рубящее холодное оружие», где в качестве точки отсчета выступает третий признак: «хронологическая позиция оружия во временном пространстве», на который указывают семы 'современное', 'устаревшее', 'старинное'. Для выявления и разграничения этих сем, мы следуем принятому рабочему критерию. Сема 'современное' выделяется нами в семантике наименований тех орудий, которые используются в настоящее время (с 40-х гг. XX века по настоящее время). Сему 'устаревшее' мы усматриваем в семантике наименований орудий, которые применялись с середины 19 века по 40-е гг. XX века. И, наконец, сему 'старинное' мы выявляем в семантике наименований таких орудий, которые применялись до середины XIX века.

В результате изменения точки отсчета меняется выстраиваемая модель. Исследуемые наименования образуют иные микрообъединения в составе подгруппы. Так, единицы *кинжал*, *кинжал «Барс»*, *кинжал «Грифон»*, *стилет*, *стилет «Рита»*, *стилет «Римский»*, *шашка* и ряд других единиц формируют микрообъединение по общности семы 'современное', единицы *бебут*, *тесак*, *палаш*, *сабля* – микрообъединение по общности семы 'устаревшее', единицы *меч*, *меч-кладенец*, *алебарда*, *ятаган* – микрообъединение по общности семы 'старинное'. Каждое из этих микрообъединений идентифицируется нелексикализованным элементом: [современное колюще-рубящее оружие], [устаревшее колюще-рубящее оружие] и [старинное колюще-рубящее оружие]. Данные

нелексикализованные элементы являются гипонимами по отношению к идентифицирующему их элементу [колюще-рубящее холодное оружие].

Таким образом, выбрав в качестве точки отсчета временной признак оружия – «хронологическая позиция оружия во временном пространстве», мы выстроили иерархическую модель идеоподгруппы, отличную от первой.

На базе данной точки отсчета выстраивается аналогичная модель английской идеоподгруппы «Колоще-рубящее холодное оружие». По общности семы 'современное' объединены единицы *kukri, dagger, stiletto, kris, kuttar*, poniard; по общности семы 'устаревшее' – единицы *backsword, saber, scimitar*; по общности семы 'старинное' – единицы *halberd, misericord, anlace, yataghan, cutlass, antennae sword, claymore*. Как и в модели русской идеоподгруппы, нелексикализованные элементы [современное колюще-рубящее оружие], [устаревшее колюще-рубящее оружие] и [старинное колюще-рубящее оружие] будут являться идентификаторами более узких микрообъединений.

Таким образом, построение идеоподгруппы на базе лексико-семантической подгруппы дает возможность показать, что одна и та же лексика систематизируется по-разному в зависимости от избираемой точки отсчета (т.е. представления о каком-либо признаке объекта, получившем отражение в семном составе наименования). Особенностью модели идеоподгруппы являются микрообъединения, образуемые его элементами. Различие моделей, выстраиваемых на базе разных точек отсчета, проявляется в том, что в них исследуемая лексика группируется в разные по наименованию и по составу микрообъединения.

Проведенное исследование показало, что выбор точки отсчета является важным принципом систематизации русских и английских наименований колюще-рубящего холодного оружия специалистом в области вооружения и лингвистом-исследователем. Русская и английская идеоподгруппы допускают моделирование на базе таких признаков, как «конструкция оружия», «форма оружия» и «хронологическая позиция оружия во временном пространстве».

Модели русской и английской идеоподгрупп «Колоще-рубящее холодное оружие», выстраиваемые на базе этих точек отсчета, представляют собой иерархию. Различие наблюдается в степени разветвленности иерархии.

Литература

1. Гольдберг В.Б. Структурные связи в лексико-семантическом поле языка (на материале русского и английского лексико-фразеологического поля «Биологическое существование человека»). – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000. – 232 с.
2. Гольдберг В.Б. Типологизация лексических категорий на базе парадигматических связей // С любовью к языку: Сб. науч. трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. М. – Воронеж, 2002. – С. 141-151.
3. Гольдберг В.Б. Моделирование идеогруппы как возможный прием концептуального анализа // Литературоведение. Лингвистика. Лингводидактика: Сб. научных трудов, посвященный 85-летию проф. Л.С. Кауфман. – Тамбов, 2003. – С. 162-169.

4. Лаенко Л.В. Оценочный аспект семантики одорических прилагательных английского языка // С любовью к языку: Сб. науч. трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. – М. - Воронеж, 2002. – С. 366-373.

Л.Ю. Димитренко, Е.В.Курасова
Воронеж

Метафорический перенос как продуктивная модель при образовании семантических неологизмов на современном этапе развития языка (на материале ЛСГ «Компьютерные технологии» в русском и французском языке)

Десяностые годы XX - начало XXI вв. - период интенсивного развития новых компьютерных технологий, что привело к появлению новых процессов и реалий, которые играют приоритетную роль в жизни современного человека. Потребность говорящих в номинативных средствах стимулировала активность процесса семантической деривации, что обусловило появление в языке семантических неологизмов. Как отмечают многие исследователи, семантическая деривация в русском языке новейшего периода в большинстве случаев происходит на основе метафорического переноса (В.Г. Костомаров, Г.Н. Скляревская, О.В. Загоровская С.И. Алаторцева, и др.).

В данной статье ставится задача рассмотреть особенности метафорического переноса при образовании семантических неологизмов в разных языковых системах, а именно в русском и французском языках.

Как показывают наблюдения, семантические неологизмы ЛСГ «Компьютерные технологии», возникшие в результате метафоризации, по своей стилистической окраске неоднородны. Преобладают прежде всего новые *терминологические* и новые *жаргонные* значения.

Наиболее яркой особенностью образования семантических дериватов, представляющих собой **терминологизированные** лексемы, является взаимодействие двух семантических процессов - метафоризации и сужения значения.

В большинстве случаев в процессе метафоризации конкретная архисема (т.е. архисема с предметным значением) меняется на абстрактную (например, архисема лексемы *журнал* - «книга» в новом терминологическом значении данной лексемы меняется на «файл / набор файлов» и др.). Во французском языке – пакет (paquet) – «объект» - «набор файлов». В большинстве случаев метафорическая номинация реализуется на основе одного из типов переносов, связанного с регулярным соотношением денотатов: ПРЕДМЕТ-ПРЕДМЕТ. Например: *брандмауэр* - «огнестойкая стена, разделяющая смежные строения в противопожарных целях», новое метафорическое значение — «программные или аппаратные средства, используемые для защиты»; *журнал* - «книга для периодической записи событий», новое метафорическое значение — «файл, используемый для сбора и учета статистической информации»; *шина* - «обруч, надеваемый на

обод колеса», новое метафорическое значение – «многопроводный кабель, обеспечивающий обмен данными между устройствами компьютера» и др.

Изменение семантического объема слова в направлении род— вид свидетельствует о сопровождающем метафорический перенос процессе сужения значения. Ср., например: дорожка — «место, по которому надо пройти или проехать, путь следования» и дорожка - «последовательность битов, записанных на диск за один полный его оборот»; журнал — «книга, для периодической записи наблюдений, событий и т. п.»; и журнал - «файл (набор файлов), используемый операционной системой, программой для сбора и учета статистической информации о происходящих в ней событиях»; библиотека — «учреждение, собирающее и хранящее произведения печати» и библиотека - «специальным образом организованный набор данных, содержащий информацию, каждый элемент которой может быть извлечен по имени» и др.

Во французском языке схожий процесс наблюдаем на примерах *Passerelle* – *pont étroit conservé aux piétons* => *système logiciel et matériel gérant le passage d'un environnement réseau à une autre*; *paquet* – *assemblage de plusieurs choses attachées ensemble* => *ensemble de bits manipulé par réseau à commutation de paquets*; *domaine* – *biens affectés pour l'usage direct* => *chaîne de caractère identifiant un ensemble d'adresses*.

Необходимо отметить еще один путь образования семантических неологизмов на основе метафорического переноса, характерный для пополнения исследуемой ЛСГ. Известно, что появление новых значений слов и заимствование - не отдельные, а параллельно происходящие процессы, которые оказываются часто связанными между собой. Как показывают исследования, появление новых метафоризированных семем терминологической лексики в некоторых случаях может быть обусловлено процессом семантического калькирования, заключающегося в заимствовании слова с новым значением, сформировавшемся в языке-источнике (в нашем случае чаще всего английском). Данный процесс характерен как для русского, так и для французского языка. Например, архив (из англ. *Archive*) — «данные, хранящиеся на диске в сжатом виде», буфер (из англ. *buffer*) — «область памяти компьютера, предназначенная для временного хранения данных при их передаче между устройствами», архитектура (из англ. *architecture*) - «совокупность основных устройств, узлов и блоков компьютера и микропроцессора и связи между ними», ресурсы (из англ. *resource*) - «средства вычислительной системы, выделенные процессу обработки данных» и др. (те же значения развивают французские *archive*, *resource*).

Вероятно, как в русском, так и во французском языке произошло бы развитие подобных новых семем, поскольку, как видно из примеров, данная лексика является интернациональной. Однако новое переносное значение формируется в языке-источнике (в английском языке), что отражают данные словарных статей (Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. – СПб, 1998; Ваулина Е.Ю. Мой компьютер. Толковый словарь. – М., 2003 и др.). Подобный способ появления нового значения

обусловлен действием экстралингвистического фактора: именно на Западе активно работает рынок компьютерных технологий.

Как отмечают многие исследователи, не менее трети **жаргонизмов** в языке обычно возникает как производные переносные значения слов, основные значения которых являются литературными. Главным механизмом образования новых жаргонных значений является метафора. Проведенные нами исследования позволяют утверждать, что номинативность многих жаргонных по происхождению метафоризированных лексических единиц в названной ЛСГ оказывается смещенной на второй план, так как приоритетным при новой номинации становится апелляция к чувствам человека, выражение отношения человека к объекту действительности. Отмеченное обстоятельство обуславливает актуализацию экспрессивной функции метафоры, что поддерживается стилистическим статусом лексем. Наблюдения показывают, что развитие значений происходит чаще всего по типу метафорического переноса, связанного с регулярным соотношением денотатов: ПРЕДМЕТ - ПРЕДМЕТ, в частности «НЕМЕХАНИЗМ-МЕХАНИЗМ». Ср., например: железо (лит.) - «серебристо-белый металл» и железо (жарг.) - «аппаратные средства компьютера», педаль (лит.) - «ножной рычаг» и педаль (жарг.) - «клавиатура», ведро (лит.) - «сосуд цилиндрической формы для жидкости, сыпучего» и ведро (жарг.) - «системный блок» и др. Подобная модель метафорического переноса подчинена, на наш взгляд, общей цели создания жаргонизмов: снижение статуса того, о чем идет речь. Называя электронное устройство именем примитивного предмета и т.п., говорящий тем самым выражает их более низкую оценку. Как известно, экспрессивные метафоры чаще возникают при актуализации коннотативных компонентов значения. Например, на основе коннотативных признаков сформировалось новое значение у лексем: *ботва* (ненужные символы), *дрозофила* (программа для заражения вирусом), *мусор* (помехи в сети), *блоха* (сбой, ошибка в / программе) и др.

Во французском языке схожий механизм образования жаргонизмов наблюдается на примерах: un potator – *microprocesseur surpuissant gui a de la "patate"*, *patate* – *pomme de terre, la nourriture*; pédaler – *actionner une pédale d'un instrument, d'une bicyclette* => *calculer, traiter des choses à l'aide du clavier quand il y a trop de choses à faire*.

Отметим, что особый способ образования жаргонизмов во французском языке связан с основосложением (чаще всего по принципу «телескопаж»), в результате которого появляется новый образ, несущий определенную коннотацию. Например, ordinosaure – *ordinateur + dinosaure* => *machine vieille*; pourriel – *poubelle + courriel* => *le courriel dont on n'a pas besoin*; ventirad – *ventilateur + radiateur* => *le couple terrible qu'il faut installer pour ne pas griller le processeur moderne*.

Как показывают исследования, процесс современной метафорической номинации представляет собой регулярные типы соотношения денотатов, а также устойчивый механизм образования новых лексических единиц. Метафорический перенос как наиболее продуктивный и универсальный способ образования семантических неологизмов ЛСГ «Компьютерные

технологии» (как терминологических, так и жаргонных значений) может сопровождаться другими, менее продуктивными, процессами.

О. А. Чечина
Воронеж

Слова «дыра» и «hole» в русском и английском языках

Язык постоянно развивается, изменения происходят и в семантике слов. Новые значения слов возникают в результате семантических преобразований старых значений по законам системы языка.

Целью данной статьи является рассмотрение развития переносных значений слов «дыра» и «hole» в русском и английском языках.

Рассмотрим значения слова «дыра».

Значения, зафиксированные в Толковом словаре русского языка под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (М., 1999):

- Дыра – прорванное или проломанное отверстие. – Семема Д1
Но окна, конечно, разбиты. Зияют дыры от камней с далеко расходящимися трещинами. (Маканин)
- Чёрная дыра – не дающий излучения космический объект, обладающий мощным полем тяготения. – Семема Д2(1) – специальное значение.
- Дыра – глухое место, захолустье – Семема К1 (1). Метафорический перенос по семе глубина – то, что находится далеко от поверхности, в глубине, далеко от света. (Значение «отверстие» содержит в своём составе пространственные семы «ширина» и «глубина».)

Когда она голосом, идущим словно из расщеплённого ствола, кричала: «Я всё матерям скажу, хулиганы!» – мы хохотали. Нам удивительно было слышать её слова и одновременно страшно было. Она выползала из такой дыры мироздания, что слова в её устах были смешны и никчемны. (Пискунов)

- Заткнуть дыру (фразеосочетание К1К1) – наскоро исправить что-нибудь – Метафорический перенос по семе «нарушение целостности чего-либо».

Передовая, всё отодвигаясь и отодвигаясь к Москве, в эти дни то тут, то там рвалась под ударами немцев. И одну из этих дыр сразу же заткнули только что вышедшими из окружения частями... (Симонов)

Текстовые значения:

- Дыра – отверстие, имеющее функциональное назначение (на лице человека). – Семема Д2 (2). Метафорический перенос по семе «отверстие».

Платоша увидел глубокую дыру тёткиной гортани, тяжёлый мокрый язык и серые кости зубов. (Пискунов)

И нетопырь встал и оказался довольно страшен: череп ушастый, большой, лицо худое и широкое, красно-сафьянное, глаза после бритья младенчески блестящи, дыра рта чёрная, а сам низок, плечист... (Бунин)

И только одни глаза, чёрные, всасывающие, глотающие дыры и тот жуткий мир, от которого он был всего в нескольких минутах. (Замятин)

- Дыра – изъян, неровность. – Семема Д2 (3). Метафорический перенос по семе «нарушение целостности чего-либо».

Скоро зима, и, всего ничего-то,

Дыры заткнёт она белой куделью. (Костров)

- Дыра – окно нежилого пустого помещения. – Семема Д2 (4). Метафорический перенос по семе «отверстие».

Глупые дырки управления неприятно глядели, и ясно чувствовалось, что всё управление вымерло. (Булгаков)

- Залезть в дыру (фразеосочетание К1К1) – спрятаться от опасности. Метафорический перенос по семе «глубина, расстояние, удалённость от чего-либо» (в данном случае, удалённость от опасных событий).

-Ясно, что беременная! – кричит водитель с вдруг вспыхнувшей злобой на интеллигентов, которые были и есть виноваты. – Если б не живот, вы бы с ней давно в свои дыры улезли! Попрытались бы! (Маканин)

- Дыра – промежуток времени между действиями. – Семема К1 (2). Метафорический перенос по семе «отверстие» (временное пространство, не заполненное чем-либо).

Я ходил в кандидатах и однажды присутствовал на школьном комсомольском собрании. Я ждал, что вот сейчас в этой тягомотине, глухом безумии, в словоговорении образуется огромная светлая дыра, в неё войдёт Кохан, скажет несколько веских ровных слов – и душа перестанет мучиться, задыхаться от собственной невосребованной энергии. (Пискунов)

- Дыра – душевная опустошённость. – Семема К1 (3). Метафорический перенос по семе «пустота, нарушение целостности».

- Есть у меня какая-то дыра в душе, ей-богу! Хочется, чтоб душа была полна, спокойна, а я ничем не могу её набить! (Горький)

- Дыра – смерть. – Семема К1 (4). Метафорический перенос по семе «пустота, отсутствие чего-либо, небытие».

И куда бы он ни шёл, что бы он ни делал, эта круглая чёрная дыра стояла перед ним, и в её чёрной пустоте терялись и исчезали все звуки, краски и ощущения. (Арцыбашев)

- Дыра – проход в другой мир. Семема К1 (5). Метафорический перенос по семе «отверстие».

Да кто же упустит возможность не быть вне игры,

Когда над ликующей улицей веют флюиды,

Дающие право не знать о налице дыры

Из царства свободы в печальное царство Аида. (Крыжановский)

Таким образом, словарь фиксирует 4 значения лексемы «дыра»: прямое номинативное, специальное (чёрная дыра) и 2 метафорических (дыра – «захолустье»; заткнуть дыру – «наскоро исправить что-нибудь»). Это частотные метафоры, которые стали языковыми.

Слово «дыра» также развивает систему единичных (индивидуально-авторских) метафорических значений («проход», «промежуток времени»,

«изъян», «неровность», «смерть», «душевная опустошённость»). Почти все метафорические переносы осуществляются по семам «отверстие», «пустота», «нарушение целостности чего-либо». Эти семы актуальны в русском языковом сознании, они же составляют ядро значения лексемы «дыра». Для русского сознания актуально то, что дыра – это сквозное отверстие. Пространственная сема глубина оказывается на периферии.

Рассмотрим значения слова английского слова **«hole»**.

Значения, зафиксированные в словаре Вебстера (Websters's New World Dictionary – N.Y. , 1999):

- Hole – a hollow or hollowed-out place; cavity; as, he dug a hole in the ground. (пустота; углубление или выкопанное место; впадина; например, он вырыл яму в земле) – Семема Д1.
- Hole – a small bay or inlet; cove; often in place names. (маленькая заплата или залив, бухточка; часто в географических названиях) – Семема Д2 (1). Перенос значения по семе «углубление, впадина».
- Hole – a pool or deep; wide place in a stream: as, a swimming hole. (омут или глубокое место; широкая часть реки как место, где можно плавать) – Семема Д2 (2). Перенос значения по семе «впадина, глубина».
- Hole – an animals burrow or lair; den; hence. (нора или логово животного, берлога) – Семема Д2 (3). Метафорический перенос по семе «впадина».
- Hole – an opening in or through anything; break; gap: as, a hole in the wall. (отверстие в чём-то или сквозь что-то; пролом; брешь; например, дыра в стене) – Семема Д2 (4). Перенос значения по семе «пустота, пустое место».
- Hole – a tear or rent, as in the garment. (пропеха или дыра, например, в одежде) – Семема Д2 (5). Перенос значения по семе «отверстие, пустота».

The Easten shawl had a hole in the corner, which the Syrian had held hidden in his hand. (White)

- Hole – in golf: a small, round, hollow place into which the ball is to be hit. (в гольфе: маленькое круглое углубление, в которое загоняют мяч) – Семема Д2 (6). Перенос значения по семе «впадина, углубление».

The girl tapped her ball into the hole and picked it up. (Wodehouse)

- Hole – a flaw; fault; blemish; defect: as, we found holes in his argument. (порок, ошибка, недостаток, дефект; например, мы обнаружили недостатки в его аргументации) – Семема К1 (1). Метафорический перенос по семе «пустота, недостаток чего-либо».

Текстовые значения:

- Hole – глазница (функциональное отверстие) – метафорический перенос по семе «отверстие». Семема Д2 (7).

Their eyes sunk jellied in their holes. (An anthology of English and American verse)

- Hole – захолустье, провинция. – Семема K1 (2). Метафорический перенос по семе «глубина, удалённость».

We were in an awful hole, you know. We'd made all sorts of preparations for his coming of age, and I'd issued hundreds of invitations. (Maugham)

- To dig hole – копать яму кому-либо (фразеосочетание K1K1) – готовить неприятность.

Perhaps, after all, I shall want you to dig another hole. (James)

Отметим, что значение слова «hole» в словарях более детализировано (по сравнению со словом «дыра») Словари выделяют 8 значений («углубление», «запруда», «омут», «нора животного», «брешь», «прореха», «лунка», «недостаток, дефект»). Почти все значения содержат пространственную сему «глубина», которая является ядерной. Обращает на себя внимание, что в английском языке слово «hole» обозначает углубление, значение «сквозное отверстие» появляется только как производное.

Следует отметить, что обе сравниваемые лексемы («дыра» и «hole») развивают одинаковые переносные значения: «захолустье», «изъян», «функциональное отверстие на теле человека (глазница)».

Н.М. Шишкина
Воронеж

Глаголы, обозначающие запрос информации, в русском и английском языках

Данная статья посвящена рассмотрению входящих в состав ЛСГ глаголов речевой деятельности русского и английского языков глаголов, обозначающих запрос информации, т.е. имеющих значение «посредством речи побуждать кого-либо сообщить что-либо».

В русском языке эту подгруппу глаголов представляют 14 лексических единиц: *выспросить/выспрашивать, допросить/допрашивать, интервьюировать/проинтервьюировать, интересоваться/поинтересоваться, исповедовать, любопытствовать/полюбопытствовать, опросить/опрашивать, осведомиться/осведомляться, переспросить/переспрашивать, поспросить, прицениться/прицениваться, расспросить/расспрашивать, справиться/справляться, спросить/спрашивать.*

Только четыре из рассматриваемых глаголов: *интересоваться, исповедовать, любопытствовать* и *спросить* являются многозначными, остальные же глаголы – это однозначные лексемы, причем некоторые из них образованы от глагола *спросить* при помощи приставок, модифицирующих основное значение производящей основы: *расспросить* – «спросить обстоятельно, подробно», *выспросить* – «спросить старательно, обо всем, с целью получить необходимые сведения», *переспросить* – «спросить повторно».

В качестве примера многозначных лексем этой подгруппы приведем семантемы глаголов *интересоваться* и *спросить*. Так, семантема глагола

интересоваться имеет две семемы. Это неречевая семема¹ Д1 «проявлять интерес к кому-чему-нибудь» (*Он с самых ранних лет интересовался самолетами и любил их* /Н.Чуковский/) и речевая семема К1 «заинтересованно осведомляться (разг.)» (- *Новобранцы? – на всякий случай поинтересовался* Сергей Митрофанович /В.Астафьев/).

У глагола *спросить* насчитывается шесть семем. Сема речевой деятельности присутствует у двух денотативных семем: Д1 «обратиться с вопросом» (- *Что ты предлагаешь? – спросил Никитин, - Не понимаю... Что?* /Ю.Бондарев/) и Д2 «вызвать (ученика) для проверки его знаний, для ответа (разг.)» (*Мама говорит: когда человек боится, что его обворуют, его обязательно обворуют. В жизни всегда случается то, чего человек боится... И это точно. Если я боюсь, что меня спросят, меня обязательно спрашивают* /В.Токарева/) и двух коннотативных семем К1: «попросить разрешения взять что-нибудь, попросить дать что-нибудь» (*спросить совета*) и «вызвать кого-нибудь» (*Постучали в дверь и спросили нового жильца*). Не имеют семы речевой деятельности семема Д2 «призвать к ответу, потребовать отчета» (*с тебя за все спросят*) и семема К1 «взыскать, потребовать» (*эти деньги с меня спросят*).

В целом отметим, что общее количество семем, развиваемых 14 глаголами этой подгруппы, равно 23, при этом 18 из них являются речевыми. Таким образом, индекс принадлежности этой подгруппы к ЛСГ глаголов речевой деятельности (отношение общего количества речевых семем, развиваемых лексемами данной подгруппы, к общему количеству лексем этой подгруппы) составляет 78,26%, а индекс полисемантической (отношение общего количества семем, развиваемых лексемами данной подгруппы, к общему количеству лексем этой подгруппы) равен 1,64.

В английском языке подгруппа глаголов, обозначающих запрос информации, включает в себя 11 лексических единиц. Это лексемы *ask, challenge, debrief, examine, inquire (enquire), interrogate, interview, query, question, quiz, wonder*.

Из 11 вышеперечисленных лексем однозначным является только глагол *debrief*, обозначающий проведение опроса (пилота, космонавта и т.п.) после выполнения задания – *We debriefed our pilot after he had flown over the enemy's land* (*Мы расспросили* нашего пилота после того, как он полетал над вражеской территорией). Остальные десять глаголов – это многозначные лексемы.

При этом отметим, что глаголы *ask, examine, inquire (enquire)* и *interrogate* демонстрируют только лексическую полисемию, а глаголы *challenge, interview, query, question, quiz* и *wonder* проявляют лексико-грамматическую полисемию, представленную как в виде собственно лексико-грамматической полисемии (многозначности слова на уровне лексико-грамматических классов слов, предполагающей наличие как лексической, так и лексико-

¹ Под *неречевой семемой* понимается значение многозначного слова, не содержащее *сему речи*, под *речевой* – значение многозначного слова, содержащее *сему речи*. Под *семей речи* при этом понимается компонент семемы, отражающий акт произнесения.

грамматической производности), так и виде лексико-грамматической вариантности (многозначности слова на уровне лексико-грамматических классов слов, предполагающей лексико-грамматическую производность при идентичности лексического значения).

В качестве примера лексической полисемии приведем глагол *ask*, семантема которого насчитывает пять семем: три речевые и две неречевые. Речевыми являются денотативная семема Д1 «спросить» (*“Do you feel able to talk now?” the stranger asked* /E.E.Gatti/ - *“А сейчас вы можете говорить?” - спросил незнакомец*), денотативная семема Д2 «(по)просить» (*Inez told her name to a policeman and asked him to take her to the airport office* /A.Hailey/ - *Инез представилась полицейскому и попросила его отвезти ее в аэропорт*) и коннотативная семема К1 «пригласить» (*I’ve asked some friends to tea – Я пригласил друзей на чай*). Не содержат сему речи две коннотативные семемы К1 «требовать» (*You are asking too much of him – Вы слишком много(го) требуете от него*) и «назначать цену» (*How much are they asking for their house? – Сколько они просят (букв. какую цену назначают) за свой дом?*).

В качестве примера лексико-грамматической полисемии приведем семантемы лексем *question* и *quiz*.

Так, семантема лексемы *question* имеет три семемы, две из которых проявляют лексико-грамматическую вариантность на уровне глагола и существительного и одна является субстантивной. Лексико-грамматическую вариантность демонстрируют речевая денотативная семема Д1 «спросить, задать вопрос/ вопрос» (*“I would like to question your maid now – and to see her alone, if I may”* /A.Christie/ - *Теперь я хотел бы расспросить вашу служанку, одну, если можно; She displayed no surprise at the question* /A.Christie/ - *Она не удивилась вопросу*) и неречевая коннотативная семема К1 «сомневаться/сомнение» (*I just accepted what he said – I never thought to question it – Я просто приняла то, что он сказал – я никогда и не думала сомневаться в этом; There is no question about his honesty – Нет никакого сомнения в его честности*). Субстантивной является неречевая коннотативная семема К1 «проблема, дело, обсуждаемый вопрос» (*It’s a question of finding enough time – Проблема в том, чтобы найти достаточно времени*).

Лексема *quiz* включает в свою семантему три семемы, одна из которых проявляет лексико-грамматическую вариантность на уровне глагола и существительного, одна является глагольной, а одна – субстантивной. Лексико-грамматическую вариантность демонстрирует денотативная семема Д2 *амер.* «проводить устную или письменную проверку без предварительной подготовки / устная или письменная проверка без предварительной подготовки» (*The teacher gave us a quiz at the end of the lesson – В конце урока учитель провел у нас опрос. The teacher quizzed the pupils at the end of the lesson – Учитель опросил учеников в конце урока*).

Глагольной семемой лексемы *quiz* является речевая денотативная семема Д1 «(вы)спросить» (*The MP (Military Police) dryly quizzed the sergeant “Ever wondered why he didn’t get on here?”/J.Fowles/ – Военный полицейский сухо спросил сержанта: “Вы когда-нибудь интересовались, почему у него здесь не ладилось?”*). Сему существительного в данной семантеме содержит семема Д2

«серия вопросов, викторина» (*to take part in a TV quiz show – принимать участие в телевикторине*).

Общее количество семем, развиваемых 11 лексемами этой подгруппы, составляет 35 семем, при этом только 15 из них являются речевыми. Таким образом, индекс принадлежности подгруппы глаголов, обозначающих запрос информации, к ЛСГ глаголов речевой деятельности в английском языке составляет 42,86%, а ее индекс полисемантической равен 3,18.

Рассмотрение подгрупп глаголов, обозначающих запрос информации, в русском и английском языках показало, что они в сравниваемых языках имеют больше различий, чем сходств. Так, в русском языке наблюдается преобладание однозначных глагольных лексем (10 из 14), в то время как в английском языке входящие в данную подгруппу глаголы характеризуются достаточно развитой полисемией (только один из 11 глаголов – однозначный). Отсюда и индексы полисемантической этих подгрупп существенно отличаются – в английском языке он почти в 2 раза больше, чем в русском: 3,18 и 1,64 соответственно.

Отметим также, что в русском языке из 4 многозначных глагольных лексем только у глагола *спросить* семема Д1 является речевой, остальные 3 лексемы не имеют семы речи в своих основных значениях и отнесены к этой подгруппе по семемам Д2 и К1. В английском же языке почти все многозначные глаголы рассматриваемой подгруппы, за исключением *challenge воен.* «окликать (о часовом), спрашивать пароль, пропуск» и *examine воен., юр.* «допрашивать, опрашивать», входят в состав подгруппы по своему основному значению.

Преобладание однозначных глагольных лексем в рассматриваемой подгруппе в русском языке, а также наличие четырех речевых семем у глагола *спросить* объясняет и тот факт, что индекс принадлежности русской подгруппы глаголов, обозначающих запрос информации, к ЛСГ глаголов речевой деятельности почти в 2 раза больше, чем у английской подгруппы: 78,26% и 42,86% соответственно. В английском языке анализируемые многозначные глагольные лексемы имеют в основном одну, реже две речевые семемы.

Следует также отметить, что, как показало проведенное исследование, некоторые английские многозначные глагольные лексемы данной подгруппы демонстрируют не только лексическую, но и лексико-грамматическую полисемию. Многозначные же глагольные лексемы русского языка проявляют только лексическую полисемию.

Л.Ю. Димитренко
Воронеж

Особенности семантики глаголов ЛСГ «Эмоциональная деятельность» в русском и французском языках

Целью нашего исследования является сопоставление семных структур межкультурных соответствий русских и французских глаголов эмоциональной деятельности.

Непосредственным объектом исследования стала семантическая структура глаголов *s'émouvoir, émotionner, s'inquiéter, s'alarmer* во французском языке и *волноваться, беспокоиться, переживать, тревожиться* в русском языке.

Основной семой, объединяющей данные межъязыковые соответствия, является сема *испытать* (узнать, изведать на собственном опыте к-л чувство, ощущение); *испытывать* (пребывать, находиться в к-л душевном состоянии, чувствовать, ощущать).

Ядром глагольной ЛСГ «эмоциональная деятельность» в русском языке является глагол *волноваться*. Он имеет следующий семный состав, выявляющийся при анализе словарных дефиниций: пребывание в состоянии волнения (об одушевленном объекте), каузация эмоциональной деятельности, направленная на субъект, волнение, тревога, беспокойство, мучение, забота.

Ядерным глаголом исследуемой ЛСГ во французском языке является глагол *s'émouvoir*. Его семный состав включает следующие семы: пребывание в эмоциональном состоянии, каузация эмоционального состояния, направленная на субъект, тревога, переживание, забота, движение.

Другие члены ЛСГ «эмоциональная деятельность», выступающие как межъязыковые соответствия, также демонстрируют различия семного состава.

Сравним:

Беспокоиться- тревожиться, волноваться, угрожать себя.

S'inquieter- commencer à être inquiet se biler, s'émouvoir, se frapper, se tracasser, se préoccuper, prendre soin, s'enquérir. При сопоставлении в структуре значения французского глагола выявляется сема «начинательности» (*commencer*), «интенсивности» испытываемой эмоции.

Переживать – испытывать волнение, беспокойство.

Se tourmenter – se faire de soucis, éprouver de l'inquiétude, de l'angoisse, se tracasser. В данной паре мы отмечаем наличие семы «интенсивность испытываемой эмоции» в структуре значения французского глагола. В свою очередь, значение интенсивности, эквивалентное семе, представленной в структуре значения французского глагола, присутствует только в русском соответствии *убиваться (прост)- сильно горевать, быть в горе, в отчаянии..*

Тревожиться – приходиться в состояние тревоги, беспокоиться, волноваться.

S'alarmer – s'inquiéter vivement. В данной паре больший набор семантических признаков представлен в русском языке, однако сема «интенсивность» (*vivement*) характерна только для значения французского глагола.

Результаты сопоставления в русском и французском языках отражены в следующей таблице:

Значение	Русский язык		Французский язык	
	Наличие семы	ЛЕ с данным значением	Наличие семы	ЛЕ с данным значением
1. пребывать в состоянии беспокойства	+	Беспокоиться, Переживать	+	S'inquiéter
2. интенсивность испытываемой эмоции	+	Убиваться	+	Se tracasser, se frapper, se biler
3. брать на себя заботу	+	Переживать, беспокоиться, утруждать себя	+	Se faire, se frapper, se biler, prendre soin
4. пребывать в состоянии тревоги	+	тревожиться	+	S'alarmer se tracasser
5. мимолетность, кратковременность состояния	+	возбудиться	+	S'exciter
6. страдать	+	Страдать, переживать	+	Souffrir, se torturer, se tracasser
7. пребывать в состоянии движения	–		+	S'agiter
8. сопровождается (ассоциироваться с) внешним проявлением	+	Бледнеть. Краснеть, дрожать	+	Palir, rougir, trembler, tremblotter

Таким образом, во французском языке исследуемая ЛСГ имеет более обширный количественный состав и более детально дифференцирует состояния эмоциональной деятельности.

В семной структуре глаголов во французском языке часто присутствуют семы, позволяющие более тонко нюансировать испытываемые эмоции. Так, в семном составе французских глаголов более четко выражено наличие семы «движение», «интенсивность», «кратковременность» испытываемой эмоции.

Использованные словари

1. Словарь русского языка в четырех томах. /Под ред. А.П.Евгеньевой. – М., 1983.
2. Le nouveau Petit Robert. - Paris, 1995.
3. Dictionnaire des synonymes de la langue française. – Paris, 1995.

Е.Н. Королева
Воронеж

О некоторых особенностях дистрибуции лексемы «играть» (на материале русского и английского языка)

Наблюдение за сочетательными свойствами лексемы «играть» в русском языке и соответствующей ей лексеме «to play» в английском языке представляется интересным, поскольку позволяет обнаружить зависимость дистрибутивных окружений глагола от его собственной лексической семантики.

Рассмотрим на примерах, как посредством комбинирования и соединения «играть» и «to play» с другими словами при построении разнообразных фразеосочетаний и высказываний хорошо прослеживается разграничение семем внутри системного значения слова.

Согласно словарю современного русского литературного языка семема Д₁ глагола «играть» определяется так: **«заниматься чем-либо для развлечения, развлекаться».**

Семема Д₂ глагола «играть» - **«проводить время в каком-либо занятии, служащем для заполнения досуга, отдыха, для развлечения и т.п.»** реализуется в сочетании с существительным в винительном падеже, обозначающим вид (род) занятия для развлечения, стоящим в роли дополнения и обычно присоединяющимся к лексеме «играть» при помощи предлога «в».

Например, *играть в салки, войну, футбол, волейбол, теннис, шахматы, шашки, бильярд, карты* и т.п.

Семема Д₂ глагола «играть» - **«исполнять что-либо на музыкальном инструменте»** реализуется:

а) в сочетании с существительным в предложном падеже, стоящим в роли дополнения и присоединяющимся к лексеме «играть» при помощи предлога «на» -

Целые вечера Даша играла на рояле. (А.Толстой)

Шалнин сидел боком к столу и упоенно играл на гитаре. (Гладков)

б) в сочетании с существительным в винительном падеже, стоящим в роли беспредложного дополнения и обозначающим музыкальное произведение. Например, *играть сонаты Бетховена.*

Семема Д₂ глагола «играть» - **«изображать, ставить на сцене, представлять»** реализуется:

а) в сочетании с существительным в винительном падеже без предлога -
Лариса Антоновна играла «Даму с камелиями». (М.Горький)

- б) в сочетании с существительным в предложном падеже с предлогом «в» -
Она с успехом играла в любительских спектаклях. (М.Горький)
- в) без дополнения -

Пишу киносценарий. Играю сам. (Маяковский)

Семема Д₂ глагола «играть» - **«пениться, кипеть, искриться (о вине и шипучих напитках)»** реализуется в сочетаниях, где является предикативом к субстантивам, обозначающим жидкости:

Я люблю, когда в тонком стакане играет золотистое вино. (А.Андреев)

Играй вино на чистом дне

Как кровь играет в юном теле! (Вяземский)

Семема Д₂ глагола «играть» - **«блестеть, сверкать, сиять, отражаясь в чём-либо»** реализуется в сочетаниях, где глагол «играть» является непереходным:

В окнах дачи играло солнце. (Чехов)

Над перевалом, совсем близко, играли крупные звёзды. (Серафимович)

Семема Д₂ глагола «играть» - **«резвиться»** реализуется в сочетаниях с существительными, обозначающими животных, насекомых, птиц, рыб:

Ведут коня командира, гнедого жеребца Варвара; он вытягивает шею и играет, и бьёт копытами. (Гаршин)

Две белые бабочки играли в воздухе. (М.Горький)

Семема Д₂ глагола «играть» - **«забавляться, развлекаться, используя вещь, предназначенную для игры»** реализуется в сочетаниях лексики «играть» с существительным в творительном падеже без предлога (например, *играть кубиками*)

Семема Д₂ глагола «играть» - **«забавлять, развлекаться не в одиночку, а с кем-либо»** реализуется в сочетании с существительным в творительном падеже с предлогом «с»:

На полу сидела полуголенькая девочка в кудрях и играла с кошкой. (Гладков)

Липа всё играла со своим ребёнком, который родился у неё перед постом. (Чехов)

Согласно данным Collins Cobuild Dictionary **семема Д₁** глагола to play определяется следующим образом: **«to engage in recreational activity»** (заниматься развлекательной деятельностью). Реализуется семема Д₁ в следующих употреблениях: *to invite children round to play* (пригласить детей в гости поиграть), *...they played in the little garden* (они играли в маленьком саду).

Семема Д₂ глагола to play **«to engage in or occupy oneself with a game or other amusement»** (заниматься игрой или другой забавой) реализуется в сочетаниях с существительным либо без предлога, либо с предлогом at, где существительное обозначает:

а) вид детской игры - *to play (at) robbers* (играть в разбойников), *to play shopkeeping* (играть в магазин), *to play horse* (играть в лошадки).

б) вид спортивной игры - *to play (at) tennis* (играть в теннис), *to play (at) hockey* (играть в хоккей), *to play (at) chess* (играть в шахматы) и т.д.

в) вид азартной игры - *play cards* – *играть в карты*.

Та же самая семема Д2 может реализовываться в сочетаниях с наречием, описывающим манеру поведения в ходе игры. Например: *to play fair* [*fair play*] (*играть честно*) – *играть по правилам, честно*; *to play double* (*играть двойственно, двулично*) – *вести двойную, двуличную игру, лицемерить*; *to play high* (*играть высоко*) – *играть по большой, ходить с крупной карты*; *to play safe* (*играть безопасно, осторожно*) – *играть осторожно, действовать наверняка*; *to play somebody false (foul)* (*играть с кем-либо неверно, надувая*) – *играть не по правилам, жульничать*.

Здесь происходит модификация модели: необходимым условием является наличие компонента *somebody*, указывающего на другого участника игры: *to play low on somebody* (*to play it low down on smb*) (*играть низко на ком-либо*) – *подло, низко поступать, вести себя бесчестно, бесстыдно по отношению к кому-либо*.

Политика и бизнес не относится ни к азартным, ни к спортивным, ни к детским играм. Однако сочетаемость глагола *to play* с существительным во фразеосочетаниях *to play politics* – *вести политическую игру* и *to play business* – *притворяться, что занят делом (играть в бизнес)* также служит примером реализации семемы Д2 глагола *to play* – «принимать участие в игре», где актуализируется сема «ненастоящая» деятельность.

Семема Д2 глагола *play* «to act in a dramatic production» – исполнять, давать представление реализуется в сочетаниях:

а) с существительным, обозначающим произведение для исполнения, например: *to play a tragedy* – *ставить трагедию*; фразеосочетание *to play hocus-focus* – *показать фокус покус, надувать, обманывать*.

Особое место в данном ряду занимает выражение *to play a part* (*play the part of*) – *играть роль* (например, *to play Hamlet* – *играть (роль) Гамлета*), поскольку данное сочетание стало основой образования большой группы фразеологизмов (порядка 20): *to play the leading role* – *играть ведущую роль*; *to play doctor* (театр. жарг.) – *лицо, вносящее значительные изменения в пьесу перед её принятием к постановке*; *to play gooseberry* – *сопровождать влюбленных для приличия, служить ширмой для влюбленных* и т.п.

Особый интерес представляет группа фразеосочетаний, где существительное, указывающее на исполняемую роль, обозначает животное, например: *to play the fox* (лиса) – *хитрить, притворяться, прикидываться*; *to play the hobby-horse* (лошадка) – *прыгать, скакать, поясничать*; *to play the hog* (боров, свинья) – *быть эгоистом, поступать по-свински*; *to play the peacock* (павлин) – *спесиво, высокомерно держаться, важничать* и т.п.

Данная синтаксическая конструкция может несколько модифицироваться за счет увеличения числа компонентов, её составляющих. Этим третьим постоянным компонентом является предлог *with*, который указывает на необходимость упоминания объекта, вовлеченного в «игру» - *to play Old Harry* = *to play hell and Tommy* (британский солдат низкого ранга) = *to play (the very) deuce* (черт) = *to play (the very) dickens* (черт) = *to play (the very) devil* (черт) (*and all*) = *to play the mischief* (черт, дьявол) = *to play hob* (гвоздь, крюк, на который набрасывают кольцо в игре) = *to play old goose-berry* + *with smb* –

разрушить, погубить, исковеркать; испортить всю музыку, внести дьявольский беспорядок, перевернуть вверх дном; *to play possum with smb* – обмануть, надуть кого-либо и т.п.

То же самое значение глагола *to play* – исполнять, демонстрировать, показывать в рамках той же сочетаемости с существительным, описывающим «ненастоящее» поведение, лежит в основе сочетания *to play a joke* (шутка) и его вариантов: *to play pranks* (выходка) – проказничать, резвиться, откалывать шуточки, капризничать; *to play a trick on smb* = *to play smb a trick* – сыграть злую шутку с кем-либо, подшутить над кем-либо и т.п.

Семема Д2 глагола *play* «**to play (on) a musical instrument**» – играть на музыкальном инструменте реализуется в сочетаниях:

а) с определенным артиклем *the* + существительное, обозначающее музыкальный инструмент: *to play the piano* – играть на пианино; *to play the violin* – играть на скрипке; *to play the flute* – играть на флейте.

б) с существительным, обозначающим музыкальное произведение, например: *to play a tune* – играть мотив; *to play a piece* – играть музыкальную пьесу.

в) в предикативной функции, например: *the organ was playing* – орган играл; *just then the music began to play* – в этот момент заиграла музыка.

Семема Д2 глагола *play* «переливаться, сверкать» реализуется в предикативной функции в сочетании с существительным в роли подлежащего, например: *lighting played in the sky* – в небе сверкала молния; *a smile played on her lips* – на её губах играла улыбка.

Семема Д2 глагола *to play* «резвиться, носиться, порхать, танцевать» реализуется в сочетаниях с существительным, обозначающим насекомых, рыб, птиц и т.п., например: *butterflies played among the flowers* – бабочки порхали среди цветов; *fish played in water* – рыба плескалась в воде.

Семема Д2 глагола *to play* «**to put in action**» (приводить в движение) реализуется в сочетаниях с существительным:

а) стоящим в роли дополнения, например: *to play a searchlight* – направить луч прожектора; *to play guns* – выстрелить из пушек; *to play bullets* – обстрелять; *to play engine* – завести мотор; *to play a life* – запустить лифт.

б) стоящим в роли подлежащего, например: *the fountains will play on Saturday* – в субботу будут бить фонтаны.

Семема Д2 глагола *to play* «играть ради чего-либо, из-за чего-либо, с целью извлечь выгоду из игры» реализуется в сочетаниях с существительным с предлогом *for*. Например: *to play for money* – играть на деньги (играть ради денег); *to play for time* – стараться выиграть время (играть ради времени); *to play for love* – играть не на деньги (играть ради любви); *to play for one's own hand* – действовать в своих интересах, соблюдать свою выгоду (играть ради чьей-то собственной руки); *to play for safety* – избегать риска, соблюдать осторожность (играть ради безопасности); *to play for the gallery* = *to play with an eye to the gallery* – играть, подстраиваясь под вкусы галерки, искать дешевой популярности, разводить демагогию (играть ради галерки); *to play for championship* – участвовать в чемпионате (играть ради чемпионата).

Семема Д2 глагола *to play* «забавляться, развлекаться, используя вещь, предназначенную для игры» реализуется в сочетании с существительным, стоящим в роли прямого дополнения, возможно с предлогом (*to play (with) bricks* – *играть кубиками*).

Сочетания данного типа с предлогом лежат в основе образования ряда фразеосочетаний с общим значением – *обращаться с каким-либо предметом как с игрушкой, бесцельно вертеть* и т.д. Например: *to play with one's stick / fan* – *играть с палкой / веером* = *играть палкой / веером*; *to play with edge-tools* – *играть с острыми, режущими инструментами* = *играть с огнем* и т.п.

Семема Д2 глагола *to play* «играть, забавляться не в одиночку, а с кем-либо» реализуется в сочетании с существительным, стоящим в роли дополнения и присоединяющимся к глаголу предлогом *with*, например, *to play with a cat*, *to play with a teddy bear* – *играть с кошкой, играть с плюшевым медвежонком*.

Данное значение глагола может изменяться до *шутить* - *I recommend you not to play with captain* – *советую вам не шутить с капитаном; не флиртовать, не заводить любовную интрижку*).

Другая группа фразеосочетаний с общим значением *относиться к чему-либо несерьезно, легкомысленно, распоряжаться по своему произволу, воспользоваться чем-либо* имеет иную сочетаемость глагола *to play* с существительными. Связь осуществляется при помощи предлогов *on*, *upon*, что свидетельствует о наличии варианта сочетаемости данной семемы. Например: *to play on smb* – *играть на ком-либо* = *шутить, насмехаться над кем-либо*; *to play on words* – *играть на словах* = *играть словами, каламбуриуть*; *to play upon advantage* – *играть на преимуществе* = *обмануть, обдуть, обжулить кого-либо*.

В заключение отметим, что глаголы «играть» и *to play* ярко демонстрируют обусловленность дистрибутивного окружения семантикой глагола. Одновременно русский и английский глаголы обнаруживают различия в языковых средствах соединения с другими словами, отражая тем самым национально-культурную специфику дистрибуции.

В.В. Корнева
Воронеж

О некоторых особенностях семантического варьирования русского предлога *в* на фоне испанского языка

Предлог как важнейшее средство выражения пространственных отношений в последнее время привлекает пристальное внимание ученых (см, например, Филиппенко). Предметом изучения становятся прежде всего возможности конкретных предлогов указывать на разные типы пространственных отношений (см., например, Линднер; Солоницкий). Непрекращающиеся споры лингвистов о том, какое значение – пространственное или непространственное – является основным значением первообразного предлога и как объединяются разные значения в структуре

самого предлога, не препятствуют пониманию того, что первообразный предлог является многозначной единицей и что для определения его значений требуется контекст, минимальное словесное окружение. Традиционно первостепенная роль в выявлении разных значений предлога отводится падежной форме и семантике присоединяемого предлогом имени (Русская грамматика, с. 711), однако на практике так обстоит далеко не всегда и русский предлог *в* - яркое тому доказательство.

Как известно, предлог *в* характеризуется широким диапазоном пространственных значений и отличается тем, что сочетается с двумя падежами - В.п. и П.п. И именно сочетание предлога *в* с В.п. или с П.п. лежит в основе лексикографического толкования присущих ему значений. Однако, как показывают наблюдения, в нашем случае выбор падежа определяется не семантикой предлога, а семантикой глагола-сказуемого, его принадлежностью к определенной ЛСГ. Одни глаголы (экзистенциальные и бытийные глаголы, глаголы местонахождения, глаголы деятельности) требуют П.п., тогда как другие (глаголы каузирующего действия, в том числе глаголы изменения позиционного положения и глаголы направленного перемещения др.), наоборот, требуют В.п.

В рамках статьи мы ограничимся рассмотрением возможностей семантического варьирования предлога *в* для выражения пространственной локализации в сочетании с В.п. Кроме того, нас интересует, как соотносятся между собой разные пространственные значения, приписываемые предлогу *в*, какова роль контекста в реализации разных значений и есть ли соответствующие значения у испанского предлога *en*.

Для ответа на эти вопросы обратимся к анализу языкового материала.

Согласно данным 17-томного Словаря современного русского литературного языка в сочетании с В.п. предлог *в* реализует четыре основных пространственных значения:

1. Указывает на предмет или пространство, внутрь которого направлено движение.
2. Указывает на коллектив или категорию лиц, в состав которых вступает кто.
3. Указывает на вид деятельности или состояние, в которое приходит, вступает кто.
4. Указывает на предмет, в сторону которого направлено действие, или на предмет, являющийся конечным пунктом движения: по направлению к чему.

Нельзя не заметить, что за исключением первого значения, реализация остальных значений предлога *в* связана с весьма существенными ограничениями. В самом деле, если для реализации первого значения можно практически бесконечно менять левое и правое окружение (глагол и предмет – локум), то уже и 2, 3, и 4 значения лишены подобной свободы, на что, собственно, указывается в словаре комментариями типа «в выражениях», «в устойчивых сочетаниях».

Так, второе значение предлога *в* – «указание на коллектив/категорию лиц, в которую вступает кто» по сути дела является фразеологически и синтаксически связанным.

Данное значение предстает либо как указание на изменение местонахождения субъекта (оно реализуется в выражениях типа «*идти, ехать, собираться* и т. п. *в гости*»), либо указывает на изменение социального (профессионального) положения субъекта, повышение по службе и т.п. Причем в зависимости от лексического значения глагола-сказуемого можно указать на самостоятельное продвижение субъекта по социальной (служебной) лестнице или на содействие с чьей-либо стороны (ср. *выйти/вывести в люди*). В первом случае возможно также просто констатировать сей факт, а можно указать на преодоление трудностей и препятствий на этом пути (ср. *выйти в люди* и *выбраться, выбиться в люди*).

Отметим также, что в первом случае реализуется пространственное значение, а во втором – непространственное. Однако пространственное значение реализуется весьма своеобразно: вместо обычного указания на цель перемещения в виде конкретного локума (лексемы с пространственной семантикой) типа *в Москву, в театр* используется описательное указание локума, ибо выражение «*ехать в гости*» означает «*ехать в дом N и быть у него на положении гостя*». Иными словами, пространственное значение «*ехать в гости*» скрывается под маской корпоративности.

Что касается левого окружения предлога *в* + В.п., то здесь также действуют свои закономерности, проявляющиеся в преимущественном использовании глаголов перемещения. Разные значения изменения положения субъекта (пространственное и социальное) маркируются не только определенными лексемами, обозначающими группу лиц или их социально-профессиональный статус, но и поддерживаются соответствующими глаголами. В частности, используются бесприставочные глаголы перемещения, а также приставочные глаголы с приставками *по-, за-, при-, у-* (ср. *ехать/поехать/заехать/приехать/уехать в гости*).

В то же время интересно заметить, что изменение социального статуса человека актуализируется с помощью приставочных глаголов (главным образом глаголов самостоятельного и несамостоятельного перемещения и их контекстных синонимов) с приставкой *вы-*, имплицитно сигнализирующей о том, что субъект покинул прежнее положение (социальное, профессиональное): *выйти /вывести в люди*.

Нельзя не заметить, что все вышеуказанные значения отнюдь не являются прерогативой предлога *в*, а целиком и полностью извлекаются из окружающего контекста, из синтаксической конструкции и ее лексического наполнения. Роль предлога *в* остается неизменной и в этом случае: он сохраняет значение проникновения внутрь предмета. Однако на этот раз в роли предмета выступает не пространственный локум, а скорее, если можно так сказать, социальный локум в виде определенной категории лиц (*гости*) или лиц определенного социального положения (*люди, чины, мастера, начальники*).

Проанализируем третье значение предлога *в*, согласно которому он «указывает на вид деятельности или состояние, в которое приходит, вступает кто. В устойчивых сочетаниях при глаголах, обозначающих начало действия». Как явствует из этого определения, речь идет о локализации не в физическом пространстве, а в других его видах. Реализация данного значения также связана с существенными ограничениями. В роли локума выступает либо определенный вид деятельности (типа *работа, учеба*), либо эмоциональное состояние, в которое приходит человек.

Глаголы, существующие в русском языке для реализации первого значения, весьма малочисленны. Это глаголы *углубиться, погрузиться* и аналитическая конструкция *уйти с головой*, которые соответственно образуют выражения: *погрузиться в работу / углубиться в работу / с головой уйти в работу, учебу* и т. п.

Компонентный анализ левого окружения показывает наличие у них общих сем «глубина» и «недоступность зрительному восприятию», которые особенно ярко проявляются при употреблении данных слов и выражений в пространственном значении. Ср. выражения *погрузиться на дно, с головой уйти в воду*, в которых имплицитно содержится информация об исчезновении субъекта из поля зрения наблюдателя. А какой объект не доступен непосредственному наблюдению? Либо тот, который находится далеко, либо тот, который скрыт от глаз. Следовательно, и во втором случае объект воспринимается как находящийся не здесь, как далекий.

Если сравнить выражения *углубиться в лес (1)* и *углубиться в работу (2)*, то следует отметить следующее. Первое выражение означает «пройти вглубь леса и находиться там» или «находиться в глубине леса /далеко в лесу в результате перемещения». Второе словосочетание также означает «находиться далеко», но не от конкретной референциальной точки, а находиться далеко от реального мира и не замечать, что происходит вокруг, т.е. не замечать окружающих, быть далеко от них.

Отметим также, что в выражении *уйти с головой* с помощью приставки *у-*эксплицируется еще одно обстоятельство, имплицитно содержащееся в конструкциях с глаголами *углубиться* и *погрузиться*: перестать находиться в одном месте (в том числе виртуально) и переместиться в другое.

Что касается значения «указание на состояние, в которое приходит субъект», то здесь языковая избирательность проявляется в следующем:

Во-первых, в использовании практически одной видовой пары глаголов.

Во-вторых, в роли локума используются далеко не все слова, указывающие на эмоциональное состояние (ср. *прийти в ярость* и **прийти в болезнь*).

Согласно нашим наблюдениям, в составе глагольных перифраз с предлогом *в* могут использоваться лишь те названия эмоций, которые передают накал страстей. Ср. *прийти в ужас/ бешенство/негодование/ восторг/ восхищение* при невозможности **прийти в страх, *прийти в злость, *прийти в грусть*.

При этом подтверждается общая тенденция языка к маркированию негативных явлений, которая в нашем случае проявляется в том, что

приоритет отдается выражению отрицательных эмоций и психоэмоциональных состояний субъекта.

Интересно, что нельзя * *прийти в радость/веселье/грусть/печаль/горе*, но можно обозначить общее изменение душевного состояния: *прийти в волнение, прийти в беспокойство*.

Заметим, что указание на состояние, в которое приходит субъект, извлекается из семантики глагола и конструкции в целом. Что же касается значения предлога *в*, то и в данном контексте употребления он сохраняет значение проникновения внутрь чего-либо.

Последнее – четвертое значение предлога *в* + *В.п.* заключается в «указании на предмет, в сторону которого направлено действие или на предмет, являющийся конечным пунктом движения».

Нетрудно заметить, что между данным значением и первым пространственным значением есть много общего (ср. *ехать в Москву* и *целиться в лоб, попасть в голову и целиться в голову*). Разница заключается в том, что в одном случае предлогом *в* маркируется направленность действия во внутреннее пространство предмета, тогда как в другом – констатируется самый факт направленности действия и предмет выступает как ограничитель или конечная цель этого действия (*дуть в лицо, целовать в щеку*). При этом «ограничительная роль» предмета вовсе не обусловлена семантикой существительного, она задается исключительно семантикой глагола, в семантической структуре которого в принципе отсутствуют семы проникновения внутрь. Таковыми являются, в частности, глаголы соприкосновения и столкновения.

В заключение отметим, что проведенный нами анализ особенностей словоупотребления предлога *в* в составе конструкций с *В.п.* показал следующее.

Семантическим инвариантом значения предлога *в* является значение проникновения внутрь, которое в зависимости от контекста может интерпретироваться как значение перехода из одной области или сферы деятельности в другую (пространственную и непространственную – социальную, профессиональную, психо-эмоциональную и др.). Иными словами, предлог *в* способен указывать на проникновение внутрь разных видов пространства – физического и нефизического и в этом смысле предлог *в* обладает большими возможностями. Роль синтаксической конструкции *в* + *В.п.* сводится к актуализации динамического характера ситуации, а роль контекста заключается в конкретизации пространственных характеристик данной ситуации.

Что касается испанского предлога *en*, то а priori можно сказать, что диапазон его семантического варьирования при обозначении разных видов пространств будет иным. Данное обстоятельство объясняется несколькими причинами.

Во-первых, динамический характер ситуации задается глаголами определенных ЛСГ, и, прежде всего, глаголами движения. В испанском же языке после глаголов движения, как правило, употребляется предлог *a*, и только некоторые глаголы типа *entrar, penetrar*, равно как и глагол *ingresar*,

требуют предлога *en*. Что касается глаголов изменения положения типа *poner, meter, colgar*, то они в зависимости от экстралингвистической ситуации могут сочетаться и с предлогом *en*, и с другими предлогами.

Во-вторых, испанский предлог *en* по своей семантике шире значения русского предлога *в*. Его семантическим инвариантом является значение нахождения в пределах пространственного ориентира, которое выступает для обозначения положения как внутри, так и снаружи.

Литература

1. Линднер С. То, что движется вверх (*up*), не обязательно может следовать вниз (*down*): сопоставление *in* и *out*. // Исследования по семантике предлогов. – М.: Русские словари, 2000. – С.55 – 82.
2. Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. т. 1.
3. Солоницкий А. В. Проблемы семантики русских первообразных предлогов. – Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та, 2003.
4. Филиппенко М.В. Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях (обзор). // Исследования по семантике предлогов. – М.: Русские словари, 2000. – С.12 – 54.

Д. В. Семенова
Нальчик

Сопоставительный аспект гендерного анализа фразеологии английского, русского и кабардинского языков

Гендерные исследования в языке имеют длинную предысторию: данной проблематикой занимались многие известные ученые (Э. Сепир, Ф. Маутнер, О. Есперсен). Они выдвинули на первое место в лингвистическом описании социальный план, рассматривающий язык в связи с обществом и находящимся в нем человеке. С возникновением в языкознании нового направления, названного феминистской лингвистикой (ФЛ) гендерные исследования получили новый толчок в своем развитии. Во многих работах обосновывалась антропоцентричность языка и ущербность образа женщины в языковой картине мира, воспроизводимой в языке.

В основном исследования языка и гендерных асимметрий в нем основываются на гипотезе Сепира-Уорфа: язык не только продукт общества, но и средство формирования его мышления, ментальности и передачи культурно-национальных установок. Особую роль в передаче культурно-национального самосознания народа и его идентификации как такового играет, в частности, фразеологический состав языка, поскольку в образном содержании его единиц воплощено культурно-национальное мировидение. Можно сказать, что фразеологические единицы обретают роль, своего рода, стереотипов культуры, ведь в языке закрепляются и отражаются те образные

выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами и стереотипами.

Представительницы феминистской лингвистики (ФЛ) утверждают, что все языки, функционирующие в патриархальных и пост патриархальных культурах - мужские языки и строятся на основе мужской картины мира. Поэтому ФЛ настаивает на переосмыслении и изменении языковых норм, считая сознательное нормирование языка и языковую политику целью своих исследований.

Одно из направлений ФЛ состоит в исследовании языка с целью выявления асимметрий в его системе, когда в картине мира женщинам отводится второстепенная роль и подчеркиваются в основном их негативные качества.

В рамках данной работы ведется сопоставительный гендерный анализ нескольких языков, а именно, английского, русского и кабардинского, с целью выявления асимметрий в каждом из них.

В ходе первичного исследования, положенного в основу статьи, методом сплошной выборки из нескольких словарей (А.В. Кунин «Англо-русский фразеологический словарь», А.Г. Емужов «Англо - кабардино-русский фразеологический словарь», Б.М. Карданов «Кабардино-русский фразеологический словарь») отбирались единицы с семантическими центрами, выраженными словами «man» и «woman».

Затем полученные фразеологические единицы (ФЕ) были классифицированы на ФЕ со следующими интегральными семами: «внешность», «возраст», «характер», «социальный статус», «род деятельности» и «образ жизни»

Наиболее многочисленной оказалась группа ФЕ с интегральной семой «характер». Анализ данной группы показал, что в английском и русском языках доминируют ФЕ с компонентом значения “мужской”:

astounding card – цыху хьэлэмэт – удивительный человек

he'd take a candy from a baby – цыху быдэщ, напэншэщ – он жадный, подлый человек, и т.д.

В отличие от русского и английского языков, которые используют для обозначения homo sapiens обоих полов слова мужского рода (англ. *man*; рус. *человек*), в кабардинском языке имеется специальное слово «цыху», а слова «мужчина» и «женщина» образуются при помощи суффиксов – *цыхухъу*; *цыхубз*. Поэтому большинство ФЕ кабардинского языка не имеют определенной гендерной окраски. Анализируемый материал, однако, показывает, что есть и общее между тремя исследуемыми языками. Так, например, в мужчинах ценятся и описываются такие качества как смелость и храбрость -

None but the brave deserve the fair – лыхгъэ зиӕм бгыри икӕужӕфынц – смелость города берет;

A man of courage – лыхужъ – храбрый мужественный человек

Тогда как оценочная окраска ФЕ с компонентом значения «женский» чаще отрицательная и упор делается на порочность женщин, легкомыслие, склонность к болтливости и другие недостатки:

Хьыджэбз щхьэкуцу, джэгуакIуэ-делакIуэ хьыджэбз - легкомысленная девушка

Bag of wind – пIэрэпIэрэ – болтушка, тараторка

Что же касается категории «внешность», то преимущество на стороне ФЕ с компонентом значения «женский». Красота – это удел женщин, они стремятся к ней, уделяют ей почти все своё время, что же касается большинства мужчин, то красота не является для них императивом и целью. Сравним два примера, содержащих компоненты значения «женский» и «мужской»:

Pretty-pretty girl – кьупщхьэ гуащэм хуэдэш – кукольное, смазливое лицо
Bold as a coot – кьэбым хуэдзу джафэш – совершенно лысый, голый как колено

В данной группе, как и во многих других, присутствуют ФЕ с компонентом значения «мужской», но в состав этих выражений входят существительные женского рода или прилагательные, обычно употребляющиеся при описании женщин. Использование этих ФЕ для описания мужчины почти всегда подразумевает негативную оценку:

A slip of a boy – щIалэ гьур цIыкIу – худенький, мальчик; хлюпик

A girl boy – цIыхубз хьэлъ цIыхухьу – женственный мужчина, мальчик; девчонка;

Хьыджэбз нэхьей – хуже девчонки

Это является одним из признаков андропоцентризма языка. Кабардинский язык сравнительно корректен и не отличается выраженным андропоцентризмом, в отличие от английского и русского языков.

Другие группы фразеологизмов не менее богаты примерами такого рода:

To play a woman – вести себя как женщина, не уметь постоять за себя
To be pinned to one's wife's apron strings – фыз дэубззу шытын – быть под каблуком у жены;

Естественно, что становление и закрепление этих стереотипов происходило с течением времени. Из истории мы видим, что мужчина был главой всему: политике, государству, семье, в общем, он занимал главенствующее место во всем обществе. Женщина же не имела больших прав, чем быть только женщиной и матерью, но не более того. Это следствие того, что долгое время у женщин не было права и возможностей получить образование и занять место в обществе равное тому, которое мог занять мужчина. Эти факты отразились и в языке:

Lord and master – супруг, хозяин, глава, повелитель

A man of rank – кьулыкьущIхуэ – человек высокого звания

За женщинами же стереотипно закреплена ограниченная сфера деятельности: дом, домашняя работа, воспитание детей, мужчина же закреплён в сознании людей как добытчик, защитник. Наиболее интересным примером, характеризующим стереотипное распределение обязанностей, является следующий:

When Adam delved and Eve span, who was then a gentleman? - Когда пахал Адам и пряла Ева, где родословное стояло древо?

Жыхафэгур шхьэцыкIэкIэ епхьэнкI – метет пол своими волосами (особо хорошей хозяйке)

В языке закреплены также оценки женщин с точки зрения мужчин. Главными критериями при эмоциональной оценке женщин были внешность и возраст. В связи с этим в группах с интегральными семами «возраст» и «внешность» преобладают ФЕ с компонентом значения «женский»:

Sweet seventeen- шIалэгъуэ, дахэгъу – расцвет молодости (о семнадцатилетней девушке) или an old girl - хьджэбзыжъ кьыдэнжа – старая дева

Для мужчин же возраст, как и внешность, не имеет большого значения:

A man is as old as he feels, but a woman as old as she looks - мужчине столько лет на сколько он себя чувствует, а женщине – на сколько она выглядит;

Дахагъэм дагъуишэ егъэпщIкIу – красота сто изъянов спрячет

Набдз зателым я нах даха =писанная красавица (букв.: самая красивая из тех, кто носит брови)

Подводя итоги, можно сделать заключение, что в кабардинском языке 1) не столь категорично выражена гендерная асимметрия и большинство из ФЕ не несет гендерной окраски; 2) ФЕ, содержащие компонент значения “мужской” и “женский” в одинаковой форме негативно и позитивно окрашены.

Английский и русский языки андроцентричны, так как в них были выявлены почти все признаки андроцентризма: 1) отождествление понятий «человек» и «мужчина»; 2) имена существительные женского рода, как правило, производные от мужских, и им сопутствует негативная оценочность. Применение мужского обозначения к референту женщине допустимо и повышает ее статус. Наоборот, номинация мужчины женским обозначением несет в себе негативную оценку; 3) существительные мужского рода могут употребляться неспецифицированно, то есть для обозначения лиц любого пола.

В.В. Поталуй

Воронеж

Лакуарность и безэквивалентность как проявление национальной специфики семантики ЛФП «Наименования руководителей» в русском и английском языках

Как показало исследование, лексико-фразеологические поля «Наименования руководителей» в русском и английском языках обладают определенной семной структурой.

Семная структура лексико-фразеологического поля определяется как набор семантических признаков и семных конкретизаторов, образующих совокупное семное пространство ЛФП. Под *семантическим признаком* понимается часть семы, общая с другими семами. *Семный конкретизатор* – часть семы, конкретизирующая соответствующий семантический признак. Семный конкретизатор дифференцирует семы. Например, в семе “мужской

пол” “пол” – это семантический признак, “мужской” – семный конкретизатор. В семе “женский пол” семантический признак тот же – “пол”, а семный конкретизатор – “женский”.

Релевантными для описания семной структуры поля являются:

- количество семантических признаков, образующих семную структуру ЛФП (“семантический каркас” поля);

- количество семных конкретизаторов;

- набор семантических признаков, образующих семную структуру ЛФП;

- набор семных конкретизаторов;

- дифференциальная сила семантических признаков и семных конкретизаторов.

Семную структуру лексико-фразеологического поля “Наименования руководителей” в русском языке образуют 25 семантических признаков и 155 семных конкретизаторов; в английском языке – 24 семантических признака и 166 семных конкретизаторов.

Разное количество семантических признаков и семных конкретизаторов объясняется тем, что в рамках одного и того же семантического признака существует разное количество сем. Например, по признаку “квалифицированность” в русском языке выделяется семный конкретизатор “высококвалифицированный” (*top-менеджер, супердиректор*), а в английском языке – семные конкретизаторы “высококвалифицированный” (*top manager*) и “неквалифицированный” (*mandarin* – в значении “косный, отсталый руководитель”). Или, по признаку “полнота осуществления власти” в русском языке выделяется семный конкретизатор “максимальная полнота власти” (*повелитель, автократ*), а в английском языке – семные конкретизаторы “максимальная полнота власти” (*autocrat, dictator*) и “минимальная реальная власть” (*figurehead* – номинальный глава, *chancellor* – номинальный глава университета). Таким образом, в русском и английском языках выявились лакунарные семантические признаки и семные конкретизаторы.

Лакунарные семантические признаки в русском языке: ‘характер руководства’, ‘наличие опыта’, ‘специфика руководства’. *Лакунарными семными конкретизаторами* для наименований руководителей в русском языке являются ‘строгий’ (*taskmaster*), ‘опытный’ (*statesman*), ‘отбирает кандидатов на политические должности’ (*kingmaker*), ‘минимальная реальная власть’ (*figurehead* – номинальный глава), ‘неквалифицированный’ (*mandarin* – косный отсталый руководитель).

Лакунарными для наименований руководителей в английском языке являются *семантические признаки* ‘политическое руководство’, ‘стремление к руководству’, ‘степень признания’, ‘активность’. *Лакунарными семными конкретизаторами* для английского языка являются ‘советское’ (парторг, комсорг, завмаг), ‘любит, стремится руководить’ (командирша, указчик), ‘общепризнанный’ (вождь, учитель), ‘активно действующий’ (вожак, предводитель).

Национальная специфика лексико-фразеологических полей

«Наименования руководителей» в обоих языках наиболее ярко проявляется в безэквивалентности единиц и лакунарности.

Выявлены такие русские безэквивалентные единицы, как *руководительница, начальница, шефиня, указчик царь-батюшка, царица-матушка, нарком, предсовнарком, предводитель дворянства, воевода, атаман* ('глава казачьих войск'), *полевой командир, атаманиша, криминальный авторитет, вор в законе, исправник, становой, политрук, замполит, военком, парторг, профорг, комсорг, столоначальник* и др. (всего 63 единицы).

В русском языке выявлены лакуны относительно английского языка:

'тот, кто платит человеку или группе людей и поэтому контролирует их деятельность' (ср. *paymaster*); 'глава семьи или рода женского пола' (ср. *matriarch*); 'опытный политический лидер мужского пола' (ср. *statesman*); 'опытный политический лидер женского пола' (ср. *stateswoman*); 'влиятельное лицо, определяющее выбор кандидатов на политические должности' (ср. *kingmaker*); 'военачальник, ярый милитарист' (ср. *warlord*); 'номинальный президент университета' (ср. *chancellor*); 'королевский министр' (ср. *Minister of the Crown*); 'глава судебного ведомства, председатель палаты лордов' (ср. *Lord Chancellor*); 'министр почтовой службы' (ср. *Postmaster General*); 'глава судебных архивов, главный апелляционный судья' (ср. *Master of the Rolls*); 'начальник военной полиции' (ср. *provost marshal*); 'глава кафедры, учрежденной королем' (ср. *Regius Professor*) и др. (всего 42 единицы).

Национальная специфика проявляется и в различии значений, выражаемых сходными лексическими единицами двух языков:

в рус. яз. *принципал* – 'глава, хозяин'; в англ. *principal* – 'директор школы, колледжа';

рус. *регент* – 1) временный правитель государства вместо монарха; 2) *дирижер церковного хора*; англ. *regent* – временный правитель государства вместо монарха. Значение '*дирижер церковного хора*' выражается лексемой *precentor*;

в рус. яз. *Генеральный Секретарь, генсек* – '1) *руководитель коммунистической партии в СССР*; 2) глава международной организации (ООН, НАТО)'; в англ. *Secretary-General* – 'глава международной организации (ООН, НАТО)';

в рус. яз. *мастер* – 'руководитель отдельной специальной отрасли какого-нибудь производства, цеха'; англ. *master* – '1) хозяин, господин; 2) капитан торгового судна (тж. ~ *mariner*); 3) глава колледжа (в Оксфорде и Кембридже)' и др.

Указанные единицы представляют собой явление, обозначаемое как "ложные друзья переводчика".

В заключение отметим, что в сфере лакунарности/безэквивалентности национальная специфика проявляется в наличии преимущественно мотивированных лакун, что объясняется существующими различиями в культурах русского и английского народов.

Лексемы «ветер» в русской и немецкой фразеологии

В данной статье рассматриваются русские и немецкие фразеологизмы, содержащие лексемы «ветер» и «der Wind». Начнем с лексикографических толкований данных слов.

Ветер (ветерок, ветрище, ветряга, ветрюга) – 1. Движение потока воздуха в горизонтальном направлении - Д1

- Слабый, порывистый, ураганный, штормовой, резкий
- Северный, юго-западный
- Неожиданно поднялся ветер. Ветер стих, поменял свое направление
- Стоять на ветру. Повернуть против ветра БТС122(2)

der Wind – 1. die spürbare zu Bewegung oder Strömung der Luft im Freien (ощутимое на открытом пространстве движение или течение воздуха) - Д1

- Ein heftiger, kalter, warmer, böiger Wind – Сильный, холодный, теплый, порывистый ветер)
- Der Wind weht (bläst), hat sich gelegt, hat aufgehört – Ветер дует, улегся, прекратился
- Ein leichter Wind kommt auf – Поднимается легкий ветер
- Vom Strand her wehte ein scharfer Wind – С берега дул сильный ветер

2. oft Pl, euph=Blähungen – мет. дутье, работать на дутье (домне) - Д2

В русском языке появляется ряд фразеологизмов с лексемой «ветер» (на основе Д1):

- Ветер гуляет где-л. (разг. сильно дует)
- Ветер перемен (книжн. о свежих, новых веяниях в общественной жизни)
- Развеять прах по ветру
- До ветру (в значении нареч. нар.-разг. - для отправления естественных потребностей (обычно на улицу: сходить, сбежать, выйти)
- На семи ветрах (трад.-нар. на открытом, со всех сторон продуваемом пространстве) БТС122(2)

Русская фразеология позволяет отметить у лексемы «ветер» дополнительные смыслы, не всегда представленные в словарях:

Изменчивость

- Иной ветер подул (разг. - изменились обстоятельства, обстановка, настроения в обществе). *Все, матушка, не без греха. Велено им (дьякам) было делать – они и делали, ныне иной ветер подул – они подлещиваются* (Ю. Герман)

- Куда ветер дует (о возможных обстоятельствах, благоприятствующих или не благоприятствующих личным интересам кого-л.)

- Куда ветер дует (*пренебр.* - Непостоянный в своих мнениях, решениях, ненадежный человек). *Остальные еще хуже: два пепезовца, сионист и трое – куда ветер дует.* (Н. Островский)

- Жить куда ветер дует (*разг. пренебр.* - Жить как придется)
- Откуда ветер дует? (откуда исходят такие мнения, веяния?)
- Держать нос по ветру (изменять свои убеждения, менять свое поведение в зависимости от обстановки)

Способность перемещать, переносить что-л. в пространстве

- Ждать попутного ветра (*разг.* - благоприятных условий для чего-л.)

- Каким ветром занесло? (*разг.* - о неизвестных причинах или обстоятельствах появления кого-л.)

- С попутным ветерком (*разг. шутил.* - При первом удобном случае)

- Попутного ветра (*разг.* 1. Пожелание морякам счастливого плавания. 2. *экспрес. ирон.* Пожелание удачи)

- С ветра (*прост. обл.* - Пришлый, чужой. *Гостя присела на оголовок лавки, куда никто из домашних не садится: оголовок для людей с ветра* (А. Черкасов)

- Унесенные ветром (рус. перевод заглавия широко известного исторического романа Маргарет Митчелл (1900–1949) «Gone with the Wind» (1936), по которому В. Флемингом был поставлен художественный фильм с участием В. Ли и К. Гейбла. Фильм с большим успехом демонстрировался на российских экранах в начале 1990-х гг., что способствовало популяризации выражения) - Об отдельных людях, целых сословиях, классах, поколениях с трагической судьбой, погибших, исчезнувших и под. - *Они тренировались, как неистовые зверьки, поклявшиеся обмануть время. Кристоферу – 35, Джейн на год старше... Унесенные ветром. Торвилл и Дин едва не обманули время.* (Комсомольская Правда)

Несерьезность, пустота, бесполезность

- Ветер гуляет в голове у кого-л. (о легкомысленном человеке)

- Бросать, кидать, швырять деньги на ветер (тратить безрассудно, попусту)

- Ветер свистит, гуляет в карманах у кого-л. (*разг.* - о полном отсутствии денег у кого-л.)

- Бросать слова на ветер (говорить необдуманно)

- На ветер (1. *прост. экспрес.* - Впустую, зря, напрасно. *Так, сударыня-матушка! Прекрасно. Стало все мои слова на ветер.* (Крылов) 2. *устар. предосуд.* - Вести легкомысленный образ жизни.

Поздно ветреный узнает, Каково на ветер жить. (Карамзин); 3. *пренебр.* - говорить впустую, не подумав)

- На взвей ветер (*устар. экспрес.* - не вдумываясь в сущность дела; легкомысленно, попусту (говорить, сказать что-либо))

- С ветерком в голове (*разг. ирон.* - несерьезный, легкомысленный человек. *Все-таки я человек серьезный, а ты, не в обиду тебе будет сказано, с ветерком в голове.* (Шолохов))

- Ветер на уме (*устар. предосуд.* - о легкомысленном поведении, несерьезном отношении к делу, обязанностям. *Фамусов: Скромна, а ничего кроме Проказ и ветра на уме.* (Грибоедов))

- Шумит, как ветер в пустую трубу (о болтливом человеке)

- Собака лает, ветер носит

- С водою, с ветром да с огнем не дружись (а с землею дружись: от земли вышел, земля кормит, в землю пойдешь)

- Ищи ветра в поле (о бесполезных поисках кого-л., чего-л.)

- Заочную брань ветер носит

- Пустить по ветру (*разг.* истратить бесцельно, безрассудно все деньги)

- Не с ветру взять (*устар. экспрес.* - не напрасно, не зря; при наличии оснований и фактов)

- Не с ветру говорится, что черт ладану (правды) боится

- Не с ветру говорится, что лгать не годится

- Подбитый ветром (о ничем не подбитой холодной негреющей одежде)

- Ветром подбитый (*прост. неодобр.* - Народное выражение, ставшее крылатым благодаря его употреблению в Комедии Грибоедова «Горе от ума»: *А Гильоме француз, подбитый ветерком, / Он не женат еще?* 1. О легкомысленном, несерьезном и поверхностном человеке; 2. О ветхой, не предохраняющей от холода, пропускающей холод одежде (обычно – верхней, реже – о головном уборе). *Мы сидели на скамейке, поеживаясь в наших подбитых ветром костюмах и грея руки в карманах.* (Скиталец) *Как, думаю, молодого человека отпустить в подбитом ветром пальтишке?* (Аверченко)

Одиночество

- Один, как ветер в поле (*устар. экспрес.* - совершенно один, без семьи и близких. *Там я один... никого у меня нет, Никитушка, ни родных, ни старухи, ни деток... один, как ветер в поле... Помру, и некому будет помянуть.* (Чехов))

Скорость, быстрота

- Прокатить, проехать с ветерком (*шутл.* - с большой скоростью, быстро)

- Ветер свистит в ушах (*разг. экспрес.* - о быстром беге, езде (на лошади, велосипеде и т. п.). *Ртищевым было все равно – на князя*

ли идти, стоять ли за князя, - только бы ветер свистел в ушах. (А. Толстой)

- Как (словно, точно) ветром сдуло (о внезапном исчезновении кого-л., чего-л.)

Таким образом, фразеология позволяет выявить в семеме лексемы «ветер» семы «изменчивость», «способность перемещать что-л. в пространстве», «несерьезность, пустота, бесполезность», «одинокчество», «скорость, быстрота».

В немецком языке у лексемы «der Wind» во фразеологизмах также проявились скрытые дополнительные семы.

Изменчивость

- Mit jedem Winde zu segeln wissen (с каждым ветром умеют плыть) – Уметь приспособиться ко всем обстоятельствам
- Das ist Wind in seine Segel (это ветер в его паруса) – Это в его интересах
- Der Wind hat sich gedreht (ветер повернулся) – Положение изменилось
- Wissen, woher der Wind weht (знать, откуда ветер дует) – Чувствовать, откуда ветер дует
- Aha, daher weht der Wind! (Ага, оттуда ветер дует!) – Так вот откуда ветер дует!
- Wind wissen (знать ветер) – Быть в курсе чего-либо
- Wind von etw. bekommen (kriegen oder haben) (ветер к кому-либо приходит (получают или имеют ветер) – Пронюхать, проведать о чем-либо

Несерьезность, пустота, бесполезность

- Wind und Fransen (ветер и бахрома) – Пустое хвастовство
- Wind machen (делать ветер) – Хвастать
- J-m Wind vormachen (in die Augen streuen) (кому-либо показывать, как делать ветер (в глаза пускать) – Пускать пыль в глаза, морочить кому-л. голову
- In den Wind reden (на ветер говорят) – Бросать слова на ветер
- Etw. in den Wind schlagen (что-либо бить в ветер) – Оставить что-л. без внимания

Способность перемещать, переносить что-л. в пространстве

- Wo hat dich der Wind hergeweht? (где ветер, который тебя принес?) – Каким ветром тебя сюда занесло?
- Wind in den Segeln haben (иметь ветер в парусах) – Идти с попутным ветром. Успешно идти вперед (перен.)
- Sich (D) friischen Wind um die Nase wehen lassen (кому-либо свежий ветер продувает около носа) – Пойти проветриться (разг.)
- Mit dem Winde (mit allen Winden) segeln (с ветром (со всеми ветрами) плыть) – Нестись на всех парусах

Препятствие, помеха, трудность

- Gegen den Wind segeln (против ветра плыть) – Идти против ветра (течения)
- Er hat sich viel Wind um die Nase wehen lassen (у него много ветров дуло около носа) – Он на своем веку видал виды
- Laßt euch erst dem Wind um die Nase wehen (пусть у тебя сначала ветер около носа подует) – Поживи сначала! Испытай жизнь!
- Dem Wind und Wetter trotzen (противостоять ветру и погоде) – Быть бесстрашным, не бояться ни ветра, ни бури
- Frieschen Wind in die Segel des alten Schiffes bringen (принести свежий ветер в паруса старого корабля) – Вдохнуть жизнь в дряхлое тело (шутл.)

Непогода

- Der Wind machen (делать ветер) – Делать непогоду (перен.)
- Wind und Wetter (ветер и погода) – Непогода, ненастье
- Bei (in) Wind und Wetter (в ветер и погоду) – В непогоду
- Der Wind sä(e)t, wird Sturm ernten (кто сеет ветер, будет пожинать шторм) – Кто сеет ветер, пожнет бурю (библ.)

Четыре ветра = четыре стороны света

- Aus allen vier Winden (со всех четырех ветров) – Отовсюду, со всех концов
- Etw. in alle vier Winde (zer)streuen (что-либо рассеивать на все четыре ветра) – Развевать, рассеять что-л. по ветру
- Nach allen vier Winden (за всеми четырьмя ветрами) – Во все стороны, на все четыре стороны
- Es haben nun die vier Winde (это имеют только четыре ветра) – Ищи ветра в поле

Анализ фразеологии показывает, что и русские, и немцы выделяют у ветра такие признаки как изменчивость, способность перемещать что-л. в пространстве, несерьезность (пустота, бесполезность).

Русская фразеология акцентирует также такие признаки ветра, как одиночество и скорость, в то время как для немецкой релевантными оказываются признаки препятствия (трудности, помехи), непогоды, сторон света.

Использованные словари

1. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: Около 4000 единиц – М.: Издательство «Русские словари», ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. – 624 с.
2. Большой толковый словарь немецкого языка: Для изучающих немецкий язык / Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. – М.: Издательство Март, 1998. – 1248 с.

3. Большой толковый словарь русского языка /Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2003. – 1536 с.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник. В 2-х т.– М.: Худож. лит., 1984. – т. 1. - 383 с., т. 2. - 399 с.
5. Немецко-русский (основной) словарь: ок. 95 000 слов – 2-е изд., стереотип. – М.: «Русский язык», 1993. – 1040 с.
6. Немецко-русский фразеологический словарь (изд. 2-ое, дополненное) / Сост. Бинович Л.Э. и Гришин Н.Н.// ред. д-ра Малиге-Клаппенбах и К.Агрикола – М.: «Русский язык», 1975. – 904 с.
7. Фразеологический словарь русского литературного языка /Сост. А.И. Федоров. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2001. – 720 с.
8. Фразеологический словарь русского языка /Сост. А.Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2003. – 336 с.

Раздел 3.

Сопоставительные исследования концептосфер

Ю. В. Железнова

Ижевск

Сопоставление национальных концептосфер: к постановке проблемы

Современная сопоставительная лингвистика прочно завоевала свои позиции в теории языка. На сегодняшний день особый интерес в данной области представляют лингво-когнитивные исследования, активно использующие и синтезирующие данные психологии, культурологии и антропологии. Сопоставляя лингвистические факты разноразличных культур в синхроническом и диахроническом аспектах, авторы стремятся проникнуть в глубинные структуры человеческого сознания и найти взаимосвязи между мыслительными, психическими процессами и их отражением в языке. Другой немаловажной целью является построение и последующее сравнение межкультурных национальных картин мира, что позволяет проследить влияние культуры как особой этнокультурной среды на формирование концептосфер у носителей языка.

Бесспорно, сознание человека, являющееся результатом мышления, взаимосвязано с языком. Язык кодирует элементы знаний человека – образы, эмоции, чувственные представления, и вербализирует их в процессе коммуникации, переводя нейрофизиологические единицы (термин Н.И. Жинкина) в слова.

Процессы мышления носят объективный характер и протекают по единым законам работы мозга. Формы мышления одинаковы у всех людей и универсальны вне зависимости от языка, на котором тот или иной человек или народ изъясняется (Степанов, с.22).

В то же время, язык, обслуживающий конкретный социум, несет в себе лингвокультурологическую специфику, благодаря которой носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком. В результате его индивидуальная картина мира сливается с концептуализацией, характерной для соответствующей культуры (Вежбицкая-2001, с. 7). Тем не менее, история человечества показала, что никакой язык, каким бы специфичным и редким он ни был, никогда не становился барьером для реализации успешной коммуникации с другой языковой культурой. Данный довод дал возможность лингвистам постулировать существование в любом языке некоторых фундаментальных понятий, универсалий, позволяющих говорить о духовном единстве человечества во всем многообразии его культур. По мнению А. Вежбицкой, в языке наличествует «базовое множество семантических примитивов, элементарных смыслов», из которых язык потенциально может выстроить сколь угодно большое количество понятий, специфических для данной культуры, путем их комбинирования в различные конфигурации (Вежбицкая-1996, с.36). А.А. Залевская говорит об информационной базе мышления, которая представляет собой совокупность дискретных ментальных единиц, упорядоченных в сознании, или концептосферу (Залевская, с.22).

Таким образом, на общие принципы устройства психики человека накладывается национальная специфика культуры каждого отдельного народа, что выражается в создании когнитивной картины мира конкретного языкового социума.

Когнитивная картина мира или концептосфера представляет в сознании личности систему и оказывает влияние на восприятие личностью окружающей действительности. Она организует классификацию элементов действительности, приемы ее анализа, экспликацию причинно-следственных связей, прогнозирование явлений, играет важную роль в упорядочивании чувственного и рационального опыта личности для его хранения в памяти. Обладая национальными характеристиками, когнитивная картина обнаруживается в едином менталитете, общих моделях поведения в стереотипных ситуациях, в высказываниях, пословицах, идиомах (Язык и национальное сознание, с.11).

Концептосфера любого языка реализуется в языке, наполняя его семантическое пространство. По своим масштабам концептосфера значительно шире языковой картины, поскольку язык не способен отразить все содержание сознания личности. Многие концепты не находят лингвистического способа вербализации. Они остаются в сознании на уровне ассоциаций, либо выражаются неязыковыми средствами, например, с помощью мимики или жестов (Язык и национальное сознание, с.25). В этом состоит принципиальное отличие языковой картины мира от когнитивной. Объединяющим моментом для концептосферы и ее реализацией в семантическом пространстве языка является национальная специфика. Идиоэтническая составляющая культуры данного народа может проявиться в группировании сходных концептов по разным признакам или в различных моделях вербализации (Язык и национальное сознание, с.24). Таким образом,

именно сопоставительное рассмотрение семантических пространств различных языков позволяет увидеть и то общее, универсальное для всего человечества, и то национальное, специфическое, что привносит в язык культура.

Единицами концептосферы являются концепты. Концепт сочетает в себе и лингвистическое, и культурологическое начала. В лингвокогнитивном аспекте концепт определяется как некое мыслительное объединение в сознании человека, способное скапливать информацию и моделироваться в наглядно-чувственные или логизированные структуры – сцены, образы, представления, понятия, схемы, картины, сценарии.

В лингвокультурологическом аспекте концепт понимается как «сгусток культуры в сознании человека» (Степанов, с.40). Культурные концепты, по замечанию Д.С. Лихачева, существуют не сами по себе, а в определенной «идиосфере», формирование которой обусловлено культурным опытом (Лихачев, с.282).

В настоящее время лингвисты приходят к выводу о пользе интеграции двух подходов, поскольку лингвокогнитивный и лингвокультурологический аспекты не исключают друг друга, а являются взаимосвязанными. Концепт как ментальное образование в сознании индивида является проекцией концептосферы социума и, в конечном счете, культуры.

Концепты неоднородны, они самоорганизуются в иерархическую систему в зависимости от своей значимости. В концептосфере любого языка существуют определенные «центральные точки», «ключевые слова», вокруг которых группируются целые области культуры и которые служат базисом, первоосновой для образования менталитета и мировоззрения целого народа. А.Вежицкая сравнивает их с концами нити в спутанном клубке шерсти, потянув за которые можно проникнуть в глубинные культурные пласты нации (Вежицкая-2001, с.35). В качестве примера исследователь приводит концепты «судьба», «душа», «тоска», являющиеся значимыми для русского менталитета. Однако методика для признания того или иного концепта ключевым не выработана и многие вопросы остаются дискуссионными. Возможными критериями, которые могут определить важность концепта, А. Вежицкая называет следующие принципы: принцип культурной разработанности (то есть слово должно представлять определенную важность для существования данного народа) и принцип частотности (там же). Однако эти критерии несут приблизительный характер и невозможность применения какого-либо из них не говорит о том, что тот или иной концепт нельзя признать ключевым. Например, слово может быть показательным для данной культуры, не будучи широкоупотребительным. Сама А. Вежицкая говорит об этом следующее: «дело не в том как «доказать» является ли то или иное слово одним из ключевых слов культуры, а в том, чтобы, предприняв тщательное исследование в какой-то части таких слов, быть в состоянии сказать о данной культуре что-то существенное и нетривиальное» (Вежицкая-2001, с. 36).

В таком случае в решении вопроса о признании концепта ключевым исследователю стоит полагаться на свою интуицию и здоровую логику.

В заключение отметим, что сравнительное исследование концептосфер разноязычных народов с целью построения национальных когнитивных картин мира остается актуальным на сегодняшний день по нескольким причинам. С одной стороны, сопоставление когнитивных картин позволяет лингвисту понять то, как язык отражает стоящую за ним культуру и ярче продемонстрировать специфичность отдельно взятого языка. С другой стороны, подобные исследования подчеркивают единство всего человечества, выражающееся в наличии универсальных концептов.

Литература

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. - М.: Русские словари, 1996.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов.- М.: Языки славянской культуры, 2001.
3. Залевская А.А. Текст и его понимание. - Тверь: Изд-во ТвГУ, 2001.
4. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. АН. Сер. Лит-ры и языка. – 1993, №1. - Т.52.
5. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
6. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. - Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002.

В.М.Топорова
Воронеж

Семиотика пространства: общность и специфика языковой репрезентации

Пространственный код относится к числу самых древних символических кодов человеческого сознания и играет важную роль в языковой картине мира. Сопоставительные исследования показывают, что, являясь универсальным, пространственный код проявляет социально и культурно обусловленную специфику, находящую отражение в различных языках. Мы рассмотрим некоторые общие и специфические черты языковой представленности элементов пространственного кода на материале русской и немецкой фразеологии.

Говоря о пространственном коде, мы имеем в виду некие пространственные образы, топологические схемы, наделенные символически-знаковой функцией, несущие определенную смысловую нагрузку. Знаковой функцией в целом могут наделаться как природные объекты, так и артефакты. Так, например, гора может выступать как символ большой тяжести, непреодолимых трудностей или труднопреодолимых препятствий (*как гора с плеч свалилась; умный в гору не пойдет, умный гору обойдет*). Море является символом большого количества чего-н. (*море слез, море счастья*). Стена (дома) выступает как символ защищенности человека (*как за каменной*

стеной; дома и стены помогают). В данных примерах основанием символической нагрузки объектов служат физические или функциональные их характеристики. Особую значимость при развитии символического значения предмета имеет его топологическая схема. Как отмечается в научной литературе, символизируется, собственно, не сама вещь, а ее схематический пространственный образ. Предметом рассмотрения в данной статье является смысловая символическая нагрузка топологических схем объектов, средств воплощения и, соответственно, средств языкового представления пространственных отношений объектов и мира в целом.

Элементы пространственного кода отличаются разнообразием и разноплановостью. Пространственные понятия, обеспечивающие пространственно-практическую ориентацию человека, образуют сложную иерархическую систему, имеющую ярко выраженный антропоцентрический характер. При характеристике элементов пространственного кода мы исходим из наличия трех важных аспектов рассмотрения категории пространства в целом, соответственно которым в науке принято различать реальное пространство (и время) как условия существования и смены состояний материальных объектов и явлений; перцептуальное пространство (и время) как условия существования и смены наших ощущений и других психологических актов субъекта; концептуальное пространство (и время), представляющие собой абстрактные математические структуры, которые могут моделировать пространственно-временные отношения. Соответственно этой классификации можно выделить три типа пространственных символов: функционально значимые физические объекты – натурфакты и артефакты; абстрагированные топологические схемы реальных объектов и концептуальные составляющие пространственной схемы, прежде всего геометрические образы (круг, линия, угол, точка).

Следует подчеркнуть особую значимость в плане антропоцентричности пространственной картины мира человека таких пространственных параметров, как *верх-низ, вверх-вниз,верху-внизу, справа-слева, направо-налево, спереди-сзади, вперед-назад*. При характеристике пространственных отношений мира важную роль играют такие оппозиции, как *близко-далеко, центр-периферия*. При этом наблюдается также градация пространственных признаков (например, *ближняя-дальняя периферия*), что выражается в определенной языковой детализации, проявляющей отличия в разных языках.

Названные параметры занимают важное место в стратификации пространства окружающего мира. Они распределяются по двум основным параметрическим осям пространственной картины мира: *вертикали и горизонтали*.

Важную роль в структурировании пространства по параметру *вертикали* играют понятия *уровень, стратум, ярус*, сочетаемые с параметрами *верх-низ*. По параметру *горизонтали* актуализируются оппозиции признаков *справа-слева, спереди-сзади, близко-далеко, центр-периферия*.

По вертикальной оси принято выделять структурные части мироздания: земля – вселенная, земля – космос, земля – небо, подземное пространство – земная поверхность – подземный мир, воздушное – безвоздушное

пространство, рай – ад и т.д. По горизонтальной оси выделяются отдельные автономно воспринимаемые виды пространств (водоемы, материки, элементы рельефа, а также единицы административно-территориального деления и функционально нагруженные участки территории). При этом отдельные виды пространств также структурированы по тем или иным параметрам, а их названия развивают символические значения. Так, в пространственной схеме водоемов актуализирована оппозиция *верх-низ* на основе выделения структурных частей - *поверхности воды и дна*, символическое значение которых реализуется в выражениях: *идти ко дну, удержаться на поверхности, (остаться на плаву)*, аналогично в немецком языке в выражениях *sich ueber Wasser halten; zugrunde gehen* актуализируются названные образы.

Особую символическую значимость приобрело понятие *берега* как символа пристанища, стабильности (*пристать к берегу*, ср. также *надежный причал*), а также двух берегов, разделенных рекой, как символа разъединенности. При этом сопоставительные исследования русской и немецкой фразеологии выявляют специфику символической интерпретации пространственных структур. Так, например, русскому выражению *от одного берега отстать, а к другому не пристать* в немецком языке соответствует выражение, связанное с актуализацией иных образов: *sich zwischen zwei Stuehle setzen*.

В системах ориентационных метафор в языковых картинах мира наблюдается много общего. Вместе с тем исследования выявляют и национальную специфику как в области детализации пространственных отношений и типологической классификации отдельных видов пространств, так и в сфере их символической нагруженности. Это может быть обусловлено различными причинами, среди которых особая роль принадлежит особенностям ландшафта, рельефа местности проживания людей. Особенности пространственной ориентации могут определяться чисто климатическими условиями. Так, например, в некоторых северных областях земли в качестве пространственных ориентиров не могут выступать такие универсальные ориентиры, как *звезды*, которые остаются невидимыми за густой пеленой снега. Основным пространственным ориентиром в этих условиях является признак цвета и качества снега, свидетельствующие о близости или удаленности жилья.

Элементы пространственной картины мира имеют различную ассоциативную базу в разных культурах и в системе индивидуального сознания людей. Существуют различные наборы эмпирических маркеров пространства у разных людей, например, наряду с *цветом* таким маркером пространства может выступать *запах*.

В целом можно подчеркнуть, что система оценочного (как количественного, так и качественного) измерения пространственных отношений, закрепленная в менталитете народа, формируется под воздействием различных факторов окружающей среды, а сами универсальные пространственные параметры получают неоднозначное преломление не только в разных культурах, но и зависят от сферы их использования. Следует отметить в связи с этим относительный характер восприятия и оценки

пространственных параметров мира. Так, наблюдается специфика восприятия людьми параметра географической близости-удаленности в зависимости от территориальных размеров страны (ср. ночь езды на поезде для жителей широкомасштабной России и жителей густонаселенной, но мелкомасштабной в территориальном отношении Европы).

Исследования показывают, что особенности ментального преломления пространственных параметров наблюдаются также и на уровне их концептуальной репрезентации. Определенные возможности для этого раскрывает этимологический анализ пространственной лексики, обращенный к культурной памяти слова. Так, если обратиться к концептуально выраженным параметрам оценки пространственной картины мира разных народов, то можно проследить некоторые особенности восприятия пространственной среды, отражаемые во внутренней форме русских и немецких обозначений из ЛСП «пространство». Так, например, исследователи отмечают более яркую представленность вертикали в сознании европейцев по сравнению с русским сознанием, в котором ярче выражена значимость горизонтали. Обозначение времени в немецком языке восходит к обозначению понятия протяжения (*die Zeit* восходит к *ziehen*, в то время как русское обозначение времени актуализирует во внутренней форме образ круга). Лексема *der Zug* используется для обозначения таких предметов, как *поезд*, *перелет птиц*, *колонна демонстрантов*. Это соответствует европейской лингвистической традиции. В названных примерах хорошо выражена сема однонаправленного движения, актуализирующая образ линии. Этот признак линейности присутствует и в семантике других пространственных обозначений, определяя специфику немецкого языка в сравнении с русским. Так, в системе русского языка такие пространственные объекты, как *поля*, *степи*, вообще *простор*, *стелются*, *расстилаются* во все стороны, подобно скатерти, расправляемой на плоскости стола. Очевидно, что здесь присутствует фоновое многомерное представление распрямления не только в ширину. В немецком языке в соответствие данным сочетаниям ставятся глаголы *sich erstrecken*, *sich erweitern*, где во внутренней форме актуализировано одновекторное, однонаправленное, одномерное пространственное разворачивание на основе образа линии (*die Strecke*). В лексеме *die Weite* (*sich erweitern*) также просматривается признак однонаправленного разворачивания в ширину.

На материале исследования пространственной лексики можно сделать вывод о более яркой выраженности в немецком языке (и, очевидно, в сознании носителей языка) признака (одно)направленности пространственного движения, в то время, как в русском больший удельный вес занимает движение в разные стороны. Вообще понятие *стороны* заложено и в семантике русского обозначения пространства (в немецком языке лексема *der Raum* обозначает и *пространство*, и *помещение*). *Весть*, *известие*, *слава*, *слухи* в русском языковом сознании *распространяются*. В немецком языке лексеме *распространяться* соответствует *sich verbreiten*.

Примечательно обозначение в немецком языке сторон (стран) света – *Himmelsrichtungen*, в котором четко актуализирован признак *направление*

(однонаправленность). Русскому выражению (*отпустить*) *на все четыре стороны* соответствует в немецком языке *In alle vier Winde*.

Сопоставительные исследования лексико-фразеологического поля «пространство» демонстрируют также важную общую особенность восприятия человеком окружающего пространства – *динамичность*, являющуюся универсальной характеристикой, представленной и в русском и в немецком языках.

И.С. Глушкова
Воронеж

Языковая репрезентация пространственного кода (на материале русских и немецких искусствоведческих текстов о русской иконописи XI –XV веков)

Роль геометрических представлений, внедренных в сознание человека, огромна. Исследователи отмечают, что способность схватывать в любом восприятии структуры окружающего мира опирается на опыт раннего детства, когда формируются представления о пространстве. В последнее время лингвистов интересуют исследования произведений искусства, представляющих, по мнению Ю.М. Лотмана, «тексты на некоем вторичном языке» (Лотман, с.18).

Икона, как произведение церковной живописи, получила широкое распространение на Руси, благодаря отражению ею русско-православного сознания. Слово «икона» происходит от греческого “eikwn”, означающего “образ” - нем. Bild , “изображение” – нем. Abbild, Ebenbild (Русская иконопись).

В центре нашего внимания находится пространственный фактор в церковной живописи XI –XV веков. Реализация данного фактора – это позиция наблюдателя или выбор точек зрения. «В живописи проблема точки зрения выступает, прежде всего, как проблема перспективы» (Успенский, с.11). В композиции произведения различают прямую перспективу и обратную, характеризующую пространственную организацию русских икон. Точка фокуса находится перед изображением, что позволяет наблюдателю мысленно принимать участие в религиозных событиях. Иконописец мыслит не повклидовски. Изображенный им макрокосм един и замкнут в своем единстве. Для реализации замкнутости иконописцами используются такие приемы, как параллелизм планов, симметрия (Русская иконопись).

В связи со сказанным выше, большой интерес представляют для нас эллиптическое пространство, представленное сферами в русских иконах. Немецкий философ и богослов Atnhnasius Kirchner также утверждал, что в метафорах «крест» и «сфера» выражены такие уровни религиозных понятий, как вечность и триединство, единство центра и периферии, замкнутость: “In den Metaphern *Kreis* und *Sphaere* druecken sich verschiedene Aspekte des christlichen Gottesbegriffes wie Ewigkeit, Trinitaet, Abgeschlossenheit, die Vermittlung von Zentrum und Peripheriepunkte”(Der geistige Raum). А.Я. Гуревич

в работе «Категории средневековой культуры» отмечает, что «пространство иконописи конечно и динамично..., сферическое пространство» (Гуревич, с.61).

В.М.Топорова в работе «Типология языковых концептов пространственной форме» исследует категорию «форма», представленную в языковом сознании в виде множества концептов. Особое значение имеют такие геометрические объекты, как «точка» и «линия» (строевые элементы формы), линия как контур, выделяющий информативные свойства формы (Топорова).

С целью исследования особенностей языковой репрезентации пространственных понятий «линия» и «форма» на материале немецких и русских искусствоведческих текстов о русской иконописи нами были выявлены и описаны некоторые пространственные объекты, выводящие в область языковой репрезентации пространственного кода, характерного для мировосприятия XI –XV веков.

В результате полученных нами данных о специфике восприятия образа, мы рассматриваем концепты пространственной формы в статическом и в динамическом аспекте.

Нами было выявлено два уровня языковой репрезентации пространственных объектов:

1. Уровень семной репрезентации пространственных объектов
2. Уровень семемной репрезентации пространственных объектов

На первом уровне мы выделяем 3 группы сем: а) *физические характеристики*, б) *эстетическая оценка*, в) *ограничение пространственной зоны*. На втором уровне данные семы актуализируются в различных сочетаниях лексем.

Рассмотрим семы семантического класса «физические характеристики» и языковые средства, выражающие различные физические ощущения.

Сема «форма пространственного объекта»:

- существительные: *мандорла* (круглое сияние вокруг головы), *ободок*, *обрамляющий круг*, *очертания головы*, *очертания крыла*, *очертания рукава*, *очертания ноги*, *очертания плаща*,
- прилагательные: *круглый нимб*, *треугольный нимб*, *шестиугольный нимб*, *восьмиугольный нимб*, *круглое обрамление*, *круглые блюда*, *линия брови*, *килевидный очерк лба*, *золотые венчики*;
- причастия: *плавно закругленная линия*.

Приведем примеры на немецком языке:

- существительные: *die Form eines Kreises*, *die Kugelform*, *die Aureole*, *Mandorla*;
- прилагательные: *rundes*, *mandelformiges Strahlenelement*.

Сема «движение в пространстве»:

- существительные: *внутренний полет сфер*; *плавное, скользящее движение внутри круга*, *поток линий*, *белые молнии разрезают пространство*, *концентрические круги*, *движение внутри круглых складок*;
- глаголы движения: *от окружности исходят линии*, *линии расходятся в бесконечность*, *линии тянутся вверх*;

- причастия: *линии, влекущие за грани круга, линии, сплетающиеся в середине круга, линии, упруго выгибаясь.*

Примеры из немецких искусствоведческих текстов:

- существительные: *der ruhige Rhythmus der Linien*;
- глаголы движения: *die Linien kommen aus einem unendlichen Grossen und Weiten, sie zielen auf den Menschen, die Goldstriche mitlaufen mit den Faeden.*

Сема «степень четкости изображения»:

- причастия и прилагательные: *легко очерченная линия, едва намеченная линия, невидимая, линейные размытые границы.*

Сема «освещенность»:

- существительные: *ассист* (золотой луч);
- прилагательные: *белые молнии, световая линия, золотые венчики.*

Немецкие эквиваленты:

- прилагательные - *helle Linie, dunkle Linie*;
- существительные - *Goldstreifen, Goldstrichen, Lichtlinie.*

Сема «целое и составное»:

- прилагательные – *целостная линия, дискретная линия, сложная линия, дробная линия, единая линия, неделимая линия.*

Выявленные нами такие семы, как «ограничение пространственной зоны» и «расположение объекта в пространстве» мы объединили категорией *локативности*. Данная категория трактуется в лингвистике как семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории пространства. Рассмотрим языковую реализацию данной категории.

Сема «ограничение пространственной зоны»:

- существительные: *линия тел, линия брови, окружность сфер, пребывание в сферах, круглое обрамление, очертания головы, крыла, плаща, круглые обрамления, килевидный очерк лба*;
- причастия: *обрамляющий круг, очерченные сферы.*

Сема «расположение объекта в пространстве»:

- существительные: *золотые венчики вокруг лика, линии расходятся в бесконечность, точка схода линий перед иконой, клав (вертикальная полоса на хитоне)*;
- прилагательные: *кресчатый нимб (нимб с вписанным крестом), отсутствие линейной перспективы.*

Рассмотрим немецкие эквиваленты:

- существительные: *Kreuz in den Haenden, im Nimbus ist das Kreuz angedeutet, das in den Nimbus eingezeichnete Kreuz.*

Особую роль при характеристике пространственных объектов занимает эстетическая оценка. Проблема систематизации эстетических категорий корнями уходит в Античность, развивается в период Средневековья, является актуальной в наше время.

Рассмотрим семантический класс «эстетическая оценка».

Сема «красивое»:

- существительные: *красота линий*;

- прилагательные и причастия: *варьирующиеся линии, мягкий контур*.
В немецком языке -
- прилагательные и причастия: *feine Goldstreifen, feine Goldstriche, stilisierte Linien*.
Сема «гармония»:
- существительные: *ритм линий, глубина формы, простые линии*.
В немецком языке -
- существительные: *der Rhythmus der Linien, einfache Linien*.

Проведенное исследование показывает, что в языковой репрезентации пространственных понятий «форма» (круг, крест, сфера), «линия», на двух уровнях (семной и семемной репрезентации) и в русском, и в немецком языках участвуют все части речи. Форма, линия и поверхность характеризуются авторами искусствоведческих текстов в терминах физических ощущений.

В рассмотренных нами русских и немецких искусствоведческих текстах о русской православной иконописи XI–XV веков актуализируются пространственные образы круга, сферы, креста, окружности, выражающие особенности мироощущения человека этой эпохи (изображения сфер по принципу симметрии, нимб окружает голову, венчики вокруг лика, изображения святых помещены в сферу).

Литература

1. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1972. – 136 с.
2. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
3. Русская иконопись. Язык икон. - <http://www.library.bay>
4. Топорова В.М. Типология языковых концептов пространственной формы. // Семантика языковых единиц: Доклады 6-й Международной конференции. – Москва, 1998. — С. 215 -218.
5. Успенский Б.А. Поэтика композиции – СПб: Азбука, 2000. – 352 с.
6. Der geistige Raum. - <http://ezines.onb.at:8080/ejornail/-part.2>

И.В. Фомина
Воронеж

Сопоставительное исследование супермногочленной синонимической номинации в русском и английском языках

Особенностью языкознания на современном этапе является возникновение и интенсивное развитие когнитивной лингвистики. Наряду с отдельно взятыми концептами, исследователи изучают и целые группы взаимосвязанных концептов, организованных вокруг некоторого типового концептуального представления-прототипа.

Проблема изучения синонимии в когнитивном аспекте тесно связана с проблемой дифференцированной номинации, под которой мы понимаем языковую номинацию определенной предметной области совокупностью

синонимов, в результате которой именуются дифференцированные признаки предмета номинации.

Оперативная память человека позволяет работать одновременно с 7+-2 элементами. В условиях речевой номинации, при реализации коммуникативного замысла, наличие 10 и более единиц языка с близкими значениями превышает возможности оперативной памяти человека. Из 7 русскоязычных, 8 англоязычных и 5 двуязычных лексикографических источников нами выявлены 62 синонимических ряда, включающих 10 и более единиц в современном русском языке и 42 подобных синонимических ряда в английском языке. Такие ряды названы нами супермногочленными.

Нами была проведена классификация супермногочленных синонимических рядов по смысловым сферам. В русском языке количество смысловых сфер у глаголов (19) преобладает по сравнению с существительными (7) и прилагательными (7). В английском языке столь явного преобладания какой-либо части речи не отмечено. У глаголов здесь выделено 9 смысловых сфер, у существительных 10 и у прилагательных 6.

В русском языке смысловая сфера «Качества» встречается во всех частях речи, но составляющие ее ряды самыми многочисленными не являются. В двух частях речи встречаются смысловые сферы «Внешний вид» (гл.-прил.), «Речь» (гл.-сущ.), «Состояние, положение» (гл.-прил.). Только у глаголов встречаются смысловые сферы «Усилие, принуждение», «Зрение», «Место», «Чувства, ощущения», «Принятие пищи и напитков», «Движение», «Деятельность, активность», «Умственная деятельность, интеллект», «Звук», «Преступные и неблагоприятные деяния», «Бой, драка», «Соккрытие, обнаружение», «Официальные взаимоотношения». Только у существительных встречаются смысловые сферы «Статус», «Человеческие взаимоотношения», «Возраст», «Ерунда, пустое». Только у прилагательных встречаются смысловые сферы «Цвет», «Размер», «Значение и значительность».

В английском языке во всех частях речи представлены смысловые сферы «Чувства, ощущения, впечатления», «Качества». В двух частях речи встречаются смысловые сферы «Ограничение пространства» - «Пространство» (гл.-сущ.), «Свет, темнота, цвет» - «Свет, цвет, рисунок» (гл.-прил.). Только у глаголов встречаются смысловые сферы «Речь», «Процесс и его стадии», «Движение», «Борьба», «Состояние, положение». Только у существительных встречаются смысловые сферы «Причина, основание, результат», «Часть, целое», «Здание и его части», «Атрибуты», «Профессия, работа», «Статус», «Уровень», «Значение и значительность». Только у прилагательных встречаются смысловые сферы «Величина, размер», «Температура», «Внешний вид».

Многие смысловые сферы исследуемых частей речи в русском и английском языках совпадают. Иногда наблюдается совпадение даже отдельных синонимических рядов. У глаголов совпадают смысловые сферы «Речь» (и входящие в нее ряды с доминантами *chat* (20 ед.) – *разговаривать* (20 ед.), *blame* (24 ед.) – *бранить* (26 ед.); «Борьба» – «Бой, драка» и входящие в них ряды с доминантами *hit* (18 ед.) – *ударить* (17 ед.); «Состояние, положение» и входящие в нее ряды с доминантами *die* (28 ед.) – *умереть* (47

ед.); «Чувства, ощущения, впечатления» (ряды не совпадают); «Движение» (ряды не совпадают). У существительных совпадают смысловые сферы «Качества» (ряды не совпадают); «Статус» (ряды не совпадают). У прилагательных совпадают смысловые сферы «Величина, размер» – «Размер» (*small* (14 ед.) – *маленький* (12 ед.); «Качества» (ряды не совпадают); «Внешний вид» (ряды не совпадают); «Свет, цвет, рисунок» – «Цвет» (ряды не совпадают).

Как показало исследование, глагольная супермногочленная номинация в русском языке значительно превалирует над субстантивной и атрибутивной (41 ряд против 12 и 9 соответственно), тогда как глагольная супермногочленная номинация в английском языке превалирует над субстантивной и атрибутивной незначительно (16, 12 и 14 рядов соответственно).

В русском языке имеет место заметное преобладание оценочных лексем над неоценочными: 72 % и 27 % соответственно у глаголов, 84 % и 16 % у имен существительных и 52 % и 45 % у имен прилагательных. Тогда как в английском языке наблюдается прямо противоположная картина - преобладание неоценочных лексем над оценочными: 72 % и 28 % соответственно у глаголов, 80 % и 20 % у имен существительных и 66 % и 34 % у имен прилагательных.

В русском языке у глаголов и имен существительных преобладает негативная эмоциональность (66 % и 84 % соответственно). У имен прилагательных супермногочленные синонимические ряды содержат примерно одинаковое количество неэмоциональных и позитивно-эмоциональных лексем и лексем с негативной эмоциональностью (51 % и 49 % соответственно). В английском языке во всех исследованных частях речи преобладают неэмоциональные лексемы (77 %, 81 % и 83 % соответственно). Негативная эмоциональность составляет 22 % у глаголов, 16 % у имен существительных и 10 % у имен прилагательных. Лексем с позитивной эмоциональностью наименьшее количество (3 %, 2 % и 7 % соответственно).

По параметру стилистической отнесенности в супермногочленных синонимических рядах глаголов русского языка преобладают просторечные лексемы (45 %), у имен существительных преобладают разговорные (39 %) и просторечные (39 %) лексемы; у имен прилагательных преобладают межстилевые (41 %) и разговорные (39 %) лексемы. В английском языке в супермногочленных синонимических рядах всех исследованных частей речи преобладают межстилевые лексемы (36 % у глаголов, 35 % у имен существительных и 43 % у имен прилагательных).

В супермногочленных синонимических рядах английского языка не отмечено вульгарных, бранных и сниженных лексем.

Количество терминов в супермногочленных синонимических рядах русского языка крайне невелико (у имен существительных 2 %, у имен прилагательных 1 %, а у глаголов они полностью отсутствуют). Количество терминов в супермногочленных синонимических рядах английского языка также невелико (1 % у глаголов, 1 % у имен существительных). Исключение составляют имена прилагательные - 13 %.

Эмоциональная парадигма исследуемых лексем выглядит следующим образом: ласкательных лексем в супермногочленных синонимических рядах русского языка – 6 % и 4 % только у имен существительных и имен прилагательных соответственно, а в супермногочленных синонимических рядах английского языка таковых менее одного процента; презрительных лексем в супермногочленных синонимических рядах русского языка у глаголов, существительных и прилагательных, – 3 %, 14 %, 2 % соответственно, тогда как в английском языке – 7 % у глаголов, 10 % у имен существительных, 6 % у имен прилагательных, шутливых лексем в супермногочленных синонимических рядах русского языка соответственно 1 %, 4 %, 2 %, а в английском – 5 %, 3 % и 2 %; иронических лексем в супермногочленных синонимических рядах русского языка – 3 %, 4 %, 2 %, а в английском – 5 %, 2 % и менее 1 %; сочувственных лексем в супермногочленных синонимических рядах русского языка - 6 % у глаголов и 1 % у имен существительных, в английском языке сочувственные единицы в супермногочленных синонимических рядах не встречаются; уничижительные лексемы в супермногочленных синонимических рядах русского языка встречаются только у имен существительных (3 %), а в супермногочленных рядах английского языка они не выявлены; оскорбительные лексемы в супермногочленных рядах русского языка встречаются только у имен существительных (1 %), а в супермногочленных рядах английского языка не встречаются; уменьшительные лексемы в супермногочленных рядах русского языка встречаются у имен существительных (3 %) и у имен прилагательных (4 %), в английском языке подобные единицы в исследованных рядах не встречаются.

Характеристики признака интенсивности выглядят следующим образом. Усиление признака в супермногочленных синонимических рядах русского языка отмечено у 15 % глаголов, 14 % существительных и 24 % прилагательных, а в супермногочленных синонимических рядов в английском языке - у 2 % глаголов, 2 % существительных и 10 % прилагательных. В русском языке крайнее усиление признака среди членов супермногочленных синонимических рядов отмечено у 7 % глаголов, 1 % существительных и 14 % прилагательных, а в английском языке - только у 2 % прилагательных. В русском языке ослабление признака отмечено у 5 % прилагательных, а в английском языке ослабление признака не отмечено.

Тенденции употребительности лексем, составляющих супермногочленные синонимические ряды в русском и английском языках, сходны. И в русском, и в английском языках во всех исследованных частях речи высокоупотребительные и употребительные лексемы составляют примерно половину от общего числа исследованных единиц.

В супермногочленных синонимических рядах как русского, так и английского языков преобладают современные лексемы. Так, у глаголов в русском языке их 44 %, а в английском - 71 %, у имен существительных в русском языке их 45 %, а в английском – 81 %, у имен прилагательных в русском языке их 50 %, а в английском – 79 %. Единицы с пометами «устаревающее» и «устаревшее» встречаются значительно реже.

В процентном соотношении по супермногочленным синонимическим рядам исследованных языков в целом складывается следующая картина:

- по стилистической соотнесенности – в русском языке преобладают просторечные лексемы (40 %), а в английском – межстилевые лексемы (39 %);
- по употребительности – в русском языке преобладают малоупотребительные лексемы (40 %), а в английском – употребительные (43 %);
- по актуальности – и в русском, и в английском языках преобладают современные лексемы, но в английском языке их значительно больше (45 % и 78 % соответственно);
- по оценочности – в русском языке преобладают неодобрительные лексемы (59 %), а в английском – неоценочные (73 %);
- по эмоциональности – в русском языке преобладают негативно-эмоциональные лексемы (61 %), а в английском – неэмоциональные (80 %).

Как в русском, так и в английском языке отличия подавляющего большинства синонимов (92 и 94 % соответственно) от доминанты своего ряда вызваны одновременно когнитивными и коммуникативными причинами в разнообразных сочетаниях. Только когнитивными причинами вызваны отличия у 4 % единиц супермногочленных синонимических рядов русского языка и 6 % единиц супермногочленных синонимических рядов английского языка. Только коммуникативными причинами вызваны отличия 4 % единиц супермногочленных синонимических рядов русского языка и 0,7 % единиц супермногочленных синонимических рядов английского языка.

Дифференцированная вербализация концептов при помощи супермногочленных синонимических рядов отражает, по-видимому, как некоторые национальные когнитивные закономерности, так и коммуникативные потребности народа.

Н.В. Костенко, И.А. Калугина
Воронеж

Национальная специфика способов выражения концепта «полнота охвата»

В последнее время в свете все возрастающего интереса к взаимосвязи национальных языков и культур все более популярными становятся сопоставительные исследования концептосфер. Как известно, описать концептосферу, смоделировать её структуру, возможно лишь только изучив национальный язык. Как отмечает А.А. Залевская, «Языковые знаки, слова выступают средством доступа к единой информационной базе человека – его концептосфере» (Залевская, с.26). Содержание и структура концептов специфичны для каждого народа, также как способы и средства их репрезентации в каждом отдельном языке.

Объектом нашего исследования выступает концепт «**полнота охвата**» на материале русского и английского местоимений «**весь**» и «**all**» и фразеологических единиц, имеющих в своем составе исследуемые местоимения. Местоимения были выбраны нами как объект исследования не случайно. Анализ лингвистических работ последних десятилетий показал, что проблема местоимений вызывает множество споров среди лингвистов. Одни авторы, придерживаясь мнения, что местоимения представляют собой «пустые» знаки, используемые лишь для замещения и во избежание повторов, отказывают им в собственном внеконтекстуальном значении (Бенвенист, Уфимцева, Откупщикова). Не соглашаясь с такой позицией, другие лингвисты говорят о семантических особенностях местоимений и наличии у них собственных значений (Пешковский, Петрова и др.). В своих работах они подчеркивают тот факт, что местоимения обладают более абстрактными значениями, нежели существительные, прилагательные или глаголы. Местоимения представляют собой «языковые универсалии», выражающие универсальные смыслы, что представляет особый интерес в свете рассматриваемой нами проблемы.

Используя комбинаторную методику компонентного, контекстуального и сопоставительного анализов, был выявлен ряд семантических признаков концепта «**полнота охвата**». Большинство из этих признаков нашло выражение в семантике соотносимых местоимений «**весь**» и «**all**».

Так, в семантике местоимений обоих языков были обнаружены признаки:

а. Полнота охвата периода времени

- *Анна **все утро** провела с Долли и детьми. (Л. Толстой)*
- ***Весь год** он путешествовал по Европе. (Internet)*
- *You were probably awake **all night**, listening to that pesky bear and God knows what else. (S. King)*
- *He's worked hard **all year**. (Internet)*

б. Полнота охвата совокупности лиц, входящих в разного рода сообщества

- ***Вся семья** Милошевича может последовать за ним в тюрьму. (Internet)*
- *...впечатление, что в увлекательную игру под названием «реструктуризация» играет **вся страна**, играет так же, как до того играла в ваучеризацию....(Internet)*
- ***Весь мир** следит за развитием событий в Ираке. (Internet)*
- *In beautifully landscaped settings, this unique zoo is great fun for **all the family**. (Internet)*
- ***All England** was fighting against the enemy. (Internet)*
- *In **all the world** you were the one who loved me and accepted me as I was. (Internet)*

Были отмечены случаи употребления существительных, которые развивают коннотативное значение «**совокупность людей**»:

- *Студент заколебал **весь дом**. (Internet)*

- *Вся комната толпится без движения. (Internet)*
- *He persisted, saying to **all the table**: “It is a beautiful sight”. (Internet)*

Кроме того, нами был обнаружен ряд признаков, нашедших отражение в семантике русского местоимения **«весь»** и не отразившихся в семантике его коррелятора **«all»**, но представленных в английском языке устойчивыми фразеосочетаниями с компонентом **«all»**: ***all over, all over the shop, all over the place***:

a. Полнота охвата поверхности предмета

- *Всю юбку изгадила...Уж она ругалась, ругалась! (Булгаков)*
- *Он высунул руку, **она вся** покрылась каплями. (Internet)*
- *There was mud **all over the floor**. (Internet)*
- *They must have had party – there were bottles and glasses and stuff **all over the shop**. (BNC)*
- *Pickening: “You mustn’t mind that. Higgins takes off his boots **all over the place**.” (Internet)*

b. Высшая степень охвата человека физическими ощущениями

- *Он **весь** замерз, но, несмотря на это, у него на лбу выступили капли пота. (Internet)*
- *She was trembling **all over**. (Internet)*

Следующая группа признаков, представленная в семантике исследуемого местоимения русского языка, в английском языке выражена в семантике прилагательных **«whole»** и **«entire»**:

a. Предмет вещественного характера, взятый в полном объёме

- ***Весь** нижний этаж теткиного дома был занят ресторано́м, и каким ресторано́м! (Булгаков)*
- ***Вся комната** наполнилась необычным светом и запахом. (Internet)*
- *“Thanks”, Cheryl said, and to Bernice’s amazement, drained **the entire flask** without stopping for breath. (Internet)*
- *The flames quickly engulfed **the entire hangar**, lighting up the night sky. (Internet)*

b. Полнота объёма прочитанного, написанного, рассказанного

- *Очертил Бездомный главное действующее лицо своей поэмы, то есть Иисуса, очень черными красками, тем не менее, **всю поэму** приходилось, по мнению редактора, писать заново. (Булгаков)*
- *В силу **всего изложенного** прокуратор просит первосвященника пересмотреть решение и оставить на свободе того из двух осужденных, кто менее вреден ... (Булгаков)*

- *He thought of June, and her dead mother, and **the whole story**, with all his old bitterness. (Galsworthy)*
- *If you prefer, just start at the beginning and read though **the entire book**. (Internet)*

с. Полнота охвата населенного пункта (города, страны, целого мира) географически

- *...площадь, с которой перед прокуратором развернулся **весь** ненавистный ему **Ершалаим** с висячими мостами, крепостями... (Булгаков)*
- ***Во всем мире** нет страны прекраснее. (Internet)*
- *In this book, Tour Through **the Whole Island** of Great Britain, published in 1724... (Internet)*
- *So we should not be dogmatic, and assume the kind of life we have on earth is the only kind that could exist in **the entire Universe**. (Internet)*

Особый интерес представляет ряд признаков, репрезентируемых семантикой исследуемых единиц в одном из языков, а в другом нашедших выражение лишь с помощью различных описательных средств:

а. Так, признак **Небольшое количество, объем** реализуется в русском языке при помощи устойчивых фразеосочетаний **«всего лишь»** и **«всего ничего»**, в английском языке подобных эквивалентов не имеется, и данное значение, как правило, реализуется при помощи иных языковых средств. Ср.:

- *В Сиднейском университете создан тончайший медицинский эндоскоп, диаметр которого составляет **всего лишь** полмиллиметра. (Internet)*
- *До открытия купального сезона остается **всего ничего**. (Internet)*
- *Strings were apparently omitted since the small scale (the whole box is **less than** 16ins×9ins) made them look a bit stupid. (Internet)*

б. **«Весь»** обозначает полную трату с глаголами **«выйти», «израсходоваться», «кончиться»** и т.п.

- *- Икорки? **Икорка** **вся** вышла... Селодочкой закусите... (Горький)*

Отметим, что это значение сохраняется и при опущении глаголов:

- ***Хлеб весь**, ни крошки не осталось.*

В аналогичных контекстах в английском языке местоимение **«all»** не употребляется, используются иные средства передачи данного смысла.

- *There is **no salt**. (Internet)*
- *We've **run out of salt**. (Internet)*

с. При присвоении человеку специфической характеристики, как бы определяющей его/её сущность, в английском языке используется устойчивое

фразеосочетание «**somebody is all smth.**», однако в русском языке для выражения соответствующего признака не используется ни лексема «**весь**», ни какие-либо фразеосочетания с компонентом «**весь**». В аналогичных контекстах в русском языке используются другие языковые средства. Ср.:

- ***She was all woman**; soft, warm, and enticing. (Internet)*
- *June stood in front, fending off this idle curiosity – a little bit of thing, as somebody said, “**all hair and spirit**”, with fearless eyes, a firm jaw and a bright colour, whose face and body seemed too slender for her crown of red-gold hair. (Galsworthy)*
- *С ней было легко и интересно работать, поскольку **она была настоящим профессионалом**, преданным Библиотеке, и очень любящим свою работу. (Internet)*

В заключение отметим, что национальную специфику способов выражения исследуемого концепта наиболее ярко иллюстрируют примеры использования различных средств репрезентации целого ряда семантических признаков, таких как: **полнота охвата периода времени; полнота охвата поверхности предмета; предмет вещественного характера, взятый в полном объеме; полнота объёма прочитанного, написанного, рассказанного; полнота охвата населенного пункта (города, страны, целого мира) географически и т.д.** Большинство признаков исследуемого концепта представлены как в русском, так и в английском языке местоимениями «**весь**» и «**all**» соответственно. Ряд признаков нашел отражение в семантике лексических единиц других классов, например прилагательных «**whole**» и «**entire**» или фразеосочетаний с компонентом исследуемых единиц. При этом, удельный вес фразеосочетаний как средств репрезентации концепта «**полнота охвата**» значителен, и это в очередной раз подтверждает то, что определенные концепты соотносятся как с лексическими, так и с фразеологическими единицами, и что исключение фразеосочетаний из фокуса рассмотрения сделало бы проведенный анализ неполным и односторонним.

Наличие в обоих языках признаков, вербализируемых различными средствами, в том числе описательными, говорит об универсальности концепта «**полнота охвата**» и специфичности способов и средств его выражения.

Сопоставительный анализ русского «**весь**» и английского «**all**» выявил некоторые различия в способах отображения в языке определенных признаков, структурирующих исследуемый нами концепт, а, следовательно, и в способах концептуализации действительности народами разных культур - русской и английской.

Таким образом, проведенное нами исследование в очередной раз подтвердило наличие общего и национально-специфического в мировидении, мировосприятии разных народов мира, что находит отражение в национальном языке, в способах выражения различных концептов, смыслов, понятий.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
2. Залевская А.А. Вопросы овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте. – Тверь: Изд-во ТГУ, 1996. – 195 с.
3. Откупщикова М.И. Роль местоимений в сокращении структуры связного текста// Информационные вопросы семантики, лингвистики и автоматического перевода.- М.: Наука, 1971. – С. 75-77.
4. Петрова О.В. Местоимения в системе функциональных-семантических классов слов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. – 170 с.
5. Пешковский А.М. Принципы и приёмы стилистического анализа. – М.: Наука, 1937. – 358 с.
6. Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики. – М.: Высшая школа, 1986. – 179 с.

Л.Г. Попова

Мичуринск

Сопоставительная характеристика лексической репрезентации концепта « дети» в отдельных индоевропейских языках

Сопоставительный этимологический анализ современных лексических единиц зачастую помогает выявить их вид в индоевропейской праоснове. Особый интерес в этом смысле представляет лексика, описывающая семейные отношения, поскольку она является одним из самых древних слоев словарного состава языка.

Концепт «дети», представленный в виде лексико-семантического поля, включает ядерные лексемы *дети (дитя, ребенок), сын, дочь* и периферийные лексемы *пасынок и падчерица*.

Целесообразно рассмотреть в сопоставительном аспекте этимологию лексической репрезентации обозначенного ядра, сравнив такие индоевропейские языки, как русский, немецкий, английский, французский и венгерский, принадлежащие к разным языковым группам.

Слово «дитя», «дети» имеет место во многих славянских языках. Например: украинский – діти, болгарский – деца, сербохорватский – деца, словенский – деца, чешский – děti, словацкий – deti, польский – dzieci, верхнелужский – dźěci, нижнелужский – žěši. Древнерусское слово ДѢТИ происходит из слова «дать», то есть это то, что дано Богом (отсюда «благодать»), исходит из индоевропейского корня dhē(i)-, (dhōi) в значении «кормить грудью, доить» и родственен латинскому filius из felius – сын.

Русское слово «ребенок» обозначает мальчика или девочку от колыбели до отрочества, встречается в таких славянских языках, как чешский – *robtě* (дитя) и польском – *gabionek* (ребенок) и происходит из корня *orb-* (слабый, беспомощный).

Трудно судить, какое слово в русском языке является более древним: *дитя*, *дети* или *ребенок*, *ребята*. Но *дитя*, *дети* имеют больше общих моментов с другими индоевропейскими языками.

Во французском языке дети – это *enfants*, «ребята» – *enfants*, *marmaille*. Французская лексическая единица *fils* (сын) происходит из латинского *filius* (сын). Следует отметить, что ребенком в старом французском считался потомок мужского рода, т.е. сын, а не дочь.

В венгерском языке «дети» – *gyer(m)ek*, один ребенок – *gyermek*, *gyerek*. Но *ребята* по-венгерски – это еще и *fiúk*, где *fiu* – это мальчик, что также подчеркивает, как и во французском языке, важность наличия в семье потомка мужского рода, которого и считали ребенком.

В немецком языке дети – это *die Kinder*, один ребенок – это *das Kind*, а в английском языке дети – это *children*, *kids*. Немецкое *Kind* (средневерхненемецкий *kint*), как и в древневерхненемецком *kind*, в нидерландском *kind* исходят из причастия второго германского глагола *kénPa*, *kenta*, что означало «родился». В древнеисландском *kundr* – это сын, родственник, а в английском *kid* – это еще и род. Эти слова исходят из индоевропейского корня **gēn(e)* – рожденный, ср. с древним латинским *gnatus* – рожденный, сын, дочь.

Германские слова *das Kind*, *kid* имеют родственное сходство с *Knie*, *kennen*, так как в древности в германских семьях было принято признавать ребенка, посадив его к себе на колени.

В этом плане представляет интерес момент родственного сходства *Kind*, *kid* с латинским *gnatus*, которое имеет и значение «сын».

Можно сделать вывод, что в индоевропейской праоснове существовала лексическая единица, обозначающая понятие «дети» относительно родившихся мальчиков, продолжателей семейного рода.

Сохранилось ли это значение в семном составе современных лексем сопоставляемых языков, обозначающих сына?

Во французском языке это значение имеет место. В венгерском тоже, как на это указывалось выше, ибо по-венгерски сын – *fia*, что также обозначает и мальчика.

В германских языках сын по-английски *son*, по-немецки *der Sohn*, а в готском это *sunus*, в шведском это *son*, что проявляет явное родство с древнеиндийским *sūnu-k*, литовским *sūnus*, русским *сын* и базируется на корне *seu-*, *sū-* в значении «рожденный», индоевропейская форма этой основы – *sūnu-*.

В славянских языках существуют схожие лексемы: русский – *сын*, украинский – *син*, белорусский – *сын*, болгарский – *син*, сербохорватский – *сѣн*, словенский – *sin*, чешский и словацкий – *syn*, польский – *syn*, нижнелужский – *syn*, которые восходят, как и представленные выше

германские лексемы, к той же индоевропейской основе со значением «рожденный».

Другими словами, в германских и славянских языках осталось изначальное значение «рожденный», подчеркивающее значимость родственных связей с потомком мужского рода. В романских и финно-угорских языках (как в венгерском, например), осталось не только начальное значение, но и начальная форма.

Рассмотрим, что осталось от индоевропейской праосновы в номинации дочерей в семье.

Слово «дочь» в русском языке обозначает лицо женского рода по отношению к родителям, которое является их ребенком по крови. Эта лексема присутствует и в других славянских языках. Например, в украинском – дочка́, в белорусском – дочка́, в болгарском – дъщеря, в сербохорватском – kći, в словенском – hči, в чешском – dcera, в словацком – dcéra, в польском – cór(ka), в верхнелужском – dźowka, в нижнелужском – żowka, в старославянском – дшѣти и восходит к индоевропейской основе dhug(h)eter-, dhug(h)ter, где индоевропейской базой является dheugh в значении «доить, кормить грудью, притрагиваться, нажимать, придавать силы», то есть это значение можно представить так: это то лицо, которое потом может дать молоко и вскормить ребенка.

Отметим, что лексема «дочь» имеет сходство с германскими словами: с английским daughter, немецким Tochter, готским dauhtar, древнепрусским duktī, шведским dotter с тем же значением.

Во французском языке слово «дочь» - fille не схоже с индоевропейской основой, но похоже по форме со словом «сын» fils.

В венгерском дочь – это лексема leanya, не имеющая внешнего сходства с индоевропейской базой «кормить грудью», но по-венгерски le - это сок, а слово anya - это мать, то есть буквально «дочь» - это материнский сок, то есть материнское молоко. Следовательно, значение из индоевропейской праосновы «кормить грудью» присутствует в венгерском в семантике анализируемого слова и отсутствует в его внешней форме.

Целесообразно более подробно проанализировать в сопоставляемых языках и периферийные лексемы «пасынок» и «падчерица».

Слово «пасынок» в русском языке состоит из двух элементов: «па» и «сынок» и обозначает сына супруга или супруги от предыдущего брака. Оно имеет соответствия с тем же значением в древнепрусском (passons), а также так в литовском (pósūnis). Сама приименная приставка «па» означает в славянских языках тождество, сходство.

По-английски пасынок - stepson, по-немецки - Stiefsohn, где первый элемент обозначает отношения внутри германской семьи в новом браке родителей сводных детей. В нидерландском пасынок обозначается лексемой stief, в шведском – styv, что изначально имеет значение «обкраденный, осиротевший». Аналогичное можно наблюдать и при анализе лексических единиц Stieftochter, stepdaughter.

По-французски пасынок – beau-fils, падчерица – belle-fille. Первый элемент активен в словообразовательном плане и при номинации мачехи, отчима, они

же свекор, тесть, свекровь и теща. В латинском языке *bellus*, от которого происходит *belle* (для женского рода) и *boau* (для мужского рода), имеют значения «приятный, красивый, веселый, здоровый», а *bene* - «хороший, правильный, благородный, порядочный, удачный». Отсюда можно заключить, что в романских языках из праосновы сохранилась сама модель образования слов для обозначения перечисленных выше понятий, но исчезло первоначальное значение «отторженности», его заменила сема «благородство», когда для осиротевших детей создается новая полная семья.

По-венгерски аасынок *mostohafiú*, а падчерица – *mostohalany*. Первый компонент присутствует также при обозначении отчима (*mostohaapa*) и мачехи (*mostohaanya*) и имеет значение «неродной, суровый». Следовательно, здесь имеет место сохранение древней индоевропейской семы «отторженность».

Итак, в сопоставляемых языках в основном прослеживается тенденция к сохранению изначального индоевропейского значения при номинации родных и сводных детей в семье. Специфика просматривается лишь в романских языках при обозначении неродных, сводных детей. Отсюда можно сделать вывод о том, индоевропейское изначальное значение продолжает активно проявлять себя в современных индоевропейских языках, особо в той части лексики, где наблюдается в большей степени устойчивость словарного состава языков.

О.М.Воеводская, Н.И.Пустовалова
Воронеж

Концепт «деньги» в художественных и публицистических текстах (на материале русского и английского языков)

Концепт ДЕНЬГИ является достаточно разработанным в лингвистической литературе, но один из способов его изучения, а именно анализ художественных и публицистических текстов с целью выявления дополнительных концептуальных признаков, до сих пор оставался за пределами широкого интереса исследователей. Наша цель – хотя бы частично восполнить этот пробел и продемонстрировать, как писатели, поэты и публицисты в силу своего таланта смогли с наибольшей силой и выразительностью не только подчеркнуть специфические, национальные черты такого концепта, как ДЕНЬГИ, но и привнесли в него свои личностные, авторские трактовки и интерпретации.

Во всех культурах отношение к деньгам было двоякое: с одной стороны, деньги – корень всех зол, с другой – необходимое средство существования. Сложное и противоречивое отношения к деньгам отражено и в русской концептосфере. Это подтверждает анализ газетных публикаций и художественных текстов русскоговорящих писателей и публицистов.

Так, в «Комсомольской правде» от 22 июня 2002 года были опубликованы ответы представителей разных слоев населения России на вопрос «Нужны ли России миллиардеры?». Большинство опрошенных высказали положительное

отношение к миллиардерам, а, следовательно, к деньгам и богатству вообще. При этом некоторые отметили взаимосвязь наличия в стране богатых людей с общим благосостоянием нации.

Элла Памфилова, лидер общественного движения «За гражданское достоинство», депутат Государственной Думы: *«Да, нужны. Как индикатор роста благосостояния всего населения и чтобы капиталы были в России, а не за рубежом. Нужны богачи среди обеспеченного среднего класса, а не нувориши среди нищих».*

Алексей Семёнов, ректор Института повышения квалификации работников образования: *«С миллиардерами дело обстоит как с демократией. Демократия – вещь ужасная, но лучшего человечество ещё не придумало».*

Несколько респондентов подчеркнули необходимость соблюдения законов и морально-этических норм при зарабатывании денег.

Андрей Барковский, министр по делам печати и информации Московской области: *«Зарабатывать большие деньги не зазорно. Главное – зарабатывать их честно».*

Александра Маринина, писательница: *«Что значит нужны? Если они есть, очень хорошо. Особенно, если они будут платить налоги».*

Леонид Броневой, артист театра и кино: *«Главное, чтобы огромные состояния не были нажиты на людской крови! Я восхищаюсь способными в коммерческом плане людьми...»*

Однако не все были столь единодушны в своем позитивном отношении к деньгам. Один из опрошенных констатировал тот факт, что в нашей стране богатых не любят и «ещё долго любить не будут» -

Михаил Лысенко, мэр г. Энгельса Саратовской области: *«Наверное, нужны. Но мне их жалко, ведь не любит их народ. И ещё долго любить не будет. Стране вообще больше миллиарды нужны, а не миллиардеры».*

Некоторые респонденты прямо заявили о том, что, по их мнению, большие деньги нельзя заработать честным трудом:

Борис Веретенников, разнорабочий Таганрогского комбайнового завода: *«Если богатые свои деньги показывают – значит, позор это! Позор для нации. Потому что честных трудовых миллиардов в нашей стране быть не может! Прежде они хоть стеснялись показывать, что наворовали у трудового народа. А если не стесняются – значит, совсем разложилась мораль».*

Алексей Митрофанов, депутат Госдумы: *«Эти состояния сделаны за счёт сомнительных операций с госсобственностью. Эти люди ещё не смыли кровь с топора Раскольникова».*

Таким образом, люди с высоким уровнем дохода (госчиновники, работники шоу-бизнеса, руководители крупных предприятий и т.п.) приветствуют наличие больших денег и уважают людей, которые, в силу своего таланта и предприимчивости, смогли их заработать, при этом подчеркивают необходимость законных путей приобретения капиталов. Некоторые задумываются об ответственности перед народом за неправомерно нажитые миллионы.

Люди, находящиеся на значительном более низкой ступени лестницы общественного благосостояния, живущие «от получки до получки», гораздо более категоричны в своих негативных суждениях. Но их негодование, скорее, направлено не против денег вообще, а против тех, кто распределяет или перераспределяет их в свою пользу. Морально-нравственная оценка способов зарабатывания денег преобладает в рассуждениях большинства таких респондентов.

Во многом сходная позиция по отношению к деньгам отражена в передовице «Комсомольской правды» от 16 апреля 2002 года «Почему пошли прахом наши деньги?». Однако автор подчеркивает мысль, что с большими деньгами надо уметь обращаться, и не всякому это под силу. Не тратить бездумно деньги, потакать всем своим, порой низменным, желаниям, а вкладывать их в прибыльное дело, в развитие экономики – это целая наука. Русские же люди пока достигли высот только в одном способе решения всех проблем – выпивке: *«Наши «новые русские», поднявшиеся на торговле жвачками, нефтяными вышками и на рэжете, «сжигали» их по саунам потому, что деньги были шальными, упавшими с неба. Большинство из них свои деньги уже пропили...»*

Интересный материал для исследования представляет эссе Т.Толстой «Купцы и художники». Автор рассуждает о том, как в русской литературе отражено отношение русских людей к деньгам: *«Русская литература чурается темы денег и в то же время не может отвести пристального взора от хрустящих бумажек. Бедность ужасна, бедность унизительна, — говорит русская литература. Но и богатство ужасно, богатство порочно; вид сытого, жующего, самодовольного владельца непереносим. Нищета — мать всех пороков. Но и деньги — всемирное зло, источник преступлений».*

Далее автор сетует на то, что «русская литература ... совершенно обошла стороной практическую пользу денег, их неимоверное удобство. Ее не заинтересовали возможности разумного менеджмента, грамотного управления финансами, она осталась равнодушна к хитростям банковской системы.... Но я, например, не могла понять, что такое вексель, пока не прочитала Бальзака. Как Настасья Филипповна швыряет деньги в камин — вижу ясно. А что с ними можно еще сделать — не понимаю. Как Раскольников шваркнул топором Лизавету, представляю. А, собственно, как именно работала старуха-процентщица, откуда у нее образовывался процент? Что такое залог, ипотека? Почему рубль серебром не равен рублю ассигнациями? Никто из русских писателей не снизошел мне это доходчиво объяснить...»

Западная литература, пусть не в лучших своих образцах, охотно и с удовольствием вплетала денежную, земную тему в свои сюжеты... Т.Толстая ссылается на Э Золя, чье сердце не было «растревожено горестями народными, и воспел он торговлю, кассу, барыши, а не бессмертную душу, тоскующую об имуществе лучшем и непреходящем...»

Вопросы отношения к деньгам как мерилу нравственных качеств человека находят свое отражение в творчестве многих русских писателей и поэтов, как классиков, так и наших современников.

Марина Цветаева в своем очерке «Музей Александра III» пишет: *«...сознание неправды денег в русской душе невытравимо»*. Эта же мысль продолжается и в ее статье «Поэт о критике». Но автор, подчеркивая ничтожность денег для себя лично, говорит и о необходимости их иметь «возможно больше», так как деньги для поэтессы – возможность быть независимой от всего того, что отвлекает ее от творчества: *«Два слова о деньгах и о славе. Писать из-за денег – низость, писать ради славы – доблесть...Слава и деньги. Слава – как широко – просторно – достойно – плавно. Какое величие. Какой покой... Деньги – как мелко – жалко – бесславно – суетно. Какая мелочь. Какая тщета. Чего же хочу я, когда, по свершению вещи сдаю вещь в те или иные руки? Денег, друзья мои, и возможно больше. Деньги – моя возможность писать дальше. Деньги – мои завтрашные стихи. Деньги – мой откуп от писателей, редакции, квартирных хозяек, лавочников, меценатов – моя свобода...»*

В произведениях современных авторов мы также находим немало размышлений по поводу денег и их значения в жизни человека.

Полина Дашкова в своем романе «Эфирное время» предлагает следующую трактовку денег, разделяемую частью современной молодежи. Деньги – это нечто волшебное, мистическое и необъяснимое. Они могут появиться, как по мановению волшебной палочки (вспомним Емелю с его «по-шучьему велению»). Не нужно ничего: ни труда, ни образования, ни работы, нужно только уметь «делать деньги»: *«Деньги были для Вовы явлением мистическим. Он знал совершенно точно, что появление их в его кармане, как и во всех прочих, чужих карманах, никоим образом не связано с такими скучными и бессмысленными понятиями, как образование, профессионализм, работа. Деньги нельзя заработать. Их можно «сделать». Человечество, при всём его бесконечном разнообразии, делилось для Вовы не две простые категории: на тех, кто умеет делать деньги, и на всех остальных. Себя самого Вова искренне относил к первой группе, потому что остальным просто не имело смысла жить на свете»*

Деньги приносят нам удовольствия, делают нашу жизнь комфортной и приятной: *«Конечно, деньжата – очень нужная штука и чертовски приятная! Это вкусная еда и красивая одежда, нормальная лечёба для родителей и разумная учёба для детей. Это развлечения, увлечения, удовольствия.»* (Вайнеры)

Деньги – величайший дар, но, к сожалению, очень недолговечный, как сама жизнь, и очень непостоянный, как женщина: *«иметь деньги – это как обладать прекрасной женщиной. К сожалению, у денег есть одно опасное свойство – как женщина, они в любой момент могут почему-то разлюбить тебя. И уйти к другому»* (Г. и А. Вайнеры «Умножающий печаль», с.152).

Деньги – та лакмусовая бумажка, которая проявляет все скрытые качества человеческой натуры: благородство и низость, бескорыстие и стяжательство, честность и подлость. Они – мерило, цена человеческой души: *«Деньги, конечно, не пахнут. Разноцветные бумажки, захватанные тысячами чужих пальцев, шуруют, как вчерашние газеты с несвежими новостями, как мёртвые осенние листья. Нет величины менее постоянной, чем деньги. Они*

истлевают, переходя из рук в руки, они теряют смысл во времена великих катаклизмов, и портреты, напечатанные на затёртых бумажках, как будто усмеваются. Вот, смотри, ради чего ты трудился в поте лица, терял силы, не спал ночами. Хорошо, если трудился честно, не нажил врагов и грехов, а если ради бумажек подличал, продавал, убивал, душу закладывал? Вот, оказывается, сколько стоит твоя бессмертная душа. Ты сам её так оценил. Тебе не хватит этой бумаги даже на растопку печки, чтобы согреться зимой, когда выключат отопление и придётся мастерить «буржуйку».

(Дашкова)

А. Маринина в своем романе «Иллюзия греха» продолжает эту же мысль: «Деньги отравляют людей...Весь цивилизованный мир живёт с врождённым пониманием того, что у одних людей денег много и даже очень много, а у других их мало или совсем нет. Это нормальное течение жизни, и не надо по этому поводу психовать. А наши сограждане выросли с мыслью, что денег у всех должно быть одинаково мало. Поэтому когда вдруг привычное течение жизни у нас нарушилось, да ещё так резко, психология не успела перестроиться. Виданное ли дело, когда у человека пенсия размером со стоимость одного проездного билета на городском транспорте. А у соседа три машины и два загородных дома, и на один поход в супермаркет этот сосед тратит на продукты три старушкины пенсии. Что это может вызвать, кроме злобы, зависти, равнодушия к чужой беде и неоправданной жадности?...Плюс ко всему отсутствие уверенности в том, что завтра всё не отберут. (Маринина)

Деньги – тот самый Perpetuum Mobile, который заставляет всех людей двигаться, работать. Они нам так же необходимы, как воздух. Без них нет жизни.: «Деньги никогда не спят, они не могут отдыхать, они должны всё время жить, двигаться, работать – строить, кормить, разрушать, лечить, убивать, учить... деньги всё время бегут... Вечно манят мир обманкой обещанного ими счастья» (Вайнеры).

Анализируя публицистические и художественные произведения англоговорящих авторов, можно утверждать, что отношения к деньгам у них также весьма противоречивое. Рассмотрим сначала высказывания авторов, трактующих концепт ДЕНЬГИ с позитивной точки зрения. Авторские интерпретации условно можно разделить на следующие группы:

- Деньги – благо: это средство достижения цели, доступ к удовольствиям

Б. Шоу, комедия “Дом, где разбиваются сердца”:

Ellie: ...Old-fashioned people think you can have a soul without **money**. They think the less **money** you have, the more soul you have. Young people nowadays know better. A soul is a very expensive thing to keep: much more so than a motor car.

Captain Shotover: Is it? How much does your soul eat?

Ellie: Oh, a lot. It eats music and pictures and books and mountains and lakes and beautiful things to wear and nice people to be with. In this country you can't have them without lots of **money**: that is why our souls are so horribly starve.

Уильям Лэмб Мельбурн (1779 – 1848), британский премьер – министр, (цитируется по David Cecil, The Young Melbourne):

*“**Wealth** is so much the greatest good that Fortune has to bestow that in the Latin and English languages it has usurped her name”.*

Д.Фаулз, английский писатель, известный в России как автор романа «Женщина французского лейтенанта», в своем произведении «Философские изречения и афоризмы» так пишет о роли денег в жизни человека: «**Деньги** – это возможность; управление случайностью и доступ к ней; свобода выбора; власть».

- Жизнь без денег неполноценна

С. Мозм, роман «Бремя страстей человеческих»:

*“There is little so degrading as the constant anxiety about one’s means of livelihood. I have nothing but contempt for the people who despise **money**. They are hypocrites or fools. Money is like a sixth sense without which you cannot make a complete use of the other five. Without an adequate income half the possibilities of life are shut off”.*

- Ценность денег определяется тем, куда они вложены

Сэмюэл Батлер, британский писатель, «Эссе о жизни, искусстве и науке»:

*“**Money** indeed may be considered as the most universal and expressive of all languages. For gold and silver coins are no more **money** when not in the actual process of being voluntarily used in purchase, than words not so in use are language. Pounds, shillings, and pence are recognized covenanted tokens, the outward and visible signs of an inward and spiritual purchasing power, but till in actual use they are only potential money, as the symbols of language, whatever they may be, are only potential language till they are passing between two minds. It is the power and will to apply the symbols that alone gives life to money, and as long as they are in abeyance, the **money** is in abeyance also; the coins may be safe in one’s pocket, but they are as dead as a log till they begin to burn in it, and so are our words till they begin to burn within us.”*

Френсис Бэкон (1561-1626), английский политик, философ и писатель, «Эссе, или Совесть»:

*“**Money** is like muck, not good except it be spread.”*

Льюис Лэфам (род.1935), американский писатель, издатель; статья «Деньги и класс в Америке»:

*“**Money** is like fire, an element as little troubled by moralizing as earth, air and water. Men can employ it as a tool or they can dance around it as if it were the incarnation of a god. **Money** votes socialist or monarchist, finds a profit in pornography or translations from the Bible, commissions Rembrandt and underwrites the technology of Auschwitz. It acquires its meaning from the uses to which it is put”.*

- Деньги – возможность отличаться от других, иметь какие-либо привилегии

Пол Маккартни, солист легендарной группы «Битлз», из интервью журналу Record magazine (сентябрь 1984 г.):

Question: *Your children go to a regular school, don’t they?*

Paul McCartney: *The normal kind of school like I went to as a kid, yeah. Just a state school. That's mainly because if they're gonna be privileged in some way - and I s'pose money gives you privileges - I don't want 'em lookin' down on ordinary people. I see that as the main danger.*

- Неважно, как добыты деньги

Б. Шоу, «Дом, где разбиваются сердца»:

Ellie: *Oh, you are very very old-fashioned, Captain. Does any modern girl believe that the legal and illegal ways of getting **money** are the honest and dishonest ways? Mangan robbed my father and my father's friends. I should rob all the money back from Mangan if the police would let me. As they won't, I must get it back by marrying him.*

Таким образом, процитированные авторы (или их персонажи) разделяют точку зрения, что деньги – это неотъемлемый атрибут человеческой жизни, без которых она теряет смысл. Деньги – источник удовольствий и возможность отличиться. Деньги нужно заставлять работать, только тогда они принесут еще большие деньги. Все средства приемлемы для получения денег.

Рассмотрим теперь противоположную точку зрения на деньги. Авторские интерпретации также можно разделить на группы:

- Необходимо жить по средствам

С. Мозм, «Время страстей человеческих»:

“The only thing to be careful about is that you do not pay more than a shilling for the shilling you earn.”

- Можно прожить и без денег

Мэри Куонт (род.1936), британский дизайнер модной одежды (цитата из *Observer*, Лондон, 2 ноября 1986 г.):

“Having money is rather like being a blond. It is more fun but not vital”.

- Существуют ценности большие, чем деньги

Из интервью Пола Маккартни журналу *Record Magazine* (сентябрь 1984 г.):

Paul McCartney: *I'm trying to bring them [his children] up to have values. To have heart, more than anything. It's heart, really, I want them to have. I want them to actually care, you know, if someone gets hurt. And they do. They're very good kids.*

- Деньги портят человеческие души, толкают людей на преступления

Ч. Диккенс, «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита»:

“Dollars! *All their cares, hopes, joys, affections, virtues, and associations seemed to be melted down into dollars. Whatever the chance contributions that fell into the slow cauldron of their talk, they made the gruel thick and slab with dollars. Men were weighed by their dollars, measures were gauged by their dollars; life was auctioneered, appraised, put up, and knocked down for its dollars... Do anything for dollars!”*

В.Шекспир, «Ромео и Джульетта»:

*There is thy **gold**—worse poison to men's souls,
Doing more murder in this loathsome world
Than these poor compounds that thou mayst not sell.
I sell thee poison; thou hast sold me none.*

- Не деньги, а нужда растлевает душу

С.Мозм, «Бремя страстей человеческих»:

*“You will hear people say that poverty is the best spur to the artist. They have never felt the iron of it in their flesh. They do not know how mean it makes you. It exposes you to endless humiliation, it cuts your wings, it eats into your soul like a cancer. It is not **wealth** one asks for, but just enough to preserve one’s dignity, to work unhampered, to be generous, frank, and independent. I pity with all my heart the artist, whether he writes or paints, who is entirely dependent for subsistence upon his art.”*

- Деньги разделяют общество

Д. Фаулз, «Философские изречения и афоризмы»: *«Ничто так не разделяет, как богатство, и ничто так не уподобляет, как бедность. Поэтому мы все хотим быть богатыми. Мы хотим отличаться. Только за деньги можно купить и безопасность и разнообразие, которые нам необходимы. Так постыдная погоня за деньгами превращается ещё и в благородные поиски разнообразия и безопасности”.*

Подводя итог нашему исследованию, можно сказать, что отношение людей к исследуемому нами концепту ДЕНЬГИ во многом зависит от того, какое социальное и имущественное положение они занимают. Чем более состоятельным является человек, тем менее он озабочен морально-нравственной стороной получения денег, тем легче он идет на компромиссы со своей совестью или даже на преступления. Этические проблемы в основном волнуют только тех, кто находится на низкой ступени социальной лестницы. Сколько будут существовать товарные отношения в человеческом обществе, до тех пор и будет существовать потребность в денежном эквиваленте товаров и услуг. Таким образом, ДЕНЬГИ – социально и исторически детерминированный концепт.

Литература

1. Вайнеры Г. и А. Умножающий печаль. - М., АСТ, 2000.
2. Батлер С. Мысль и язык // Эссе о жизни, искусстве и науке. – (<http://www.Bartleby.com>)
3. Бэкон Ф. Эссе, или Совесть. - (<http://www.Bartleby.com>)
4. Дашкова П. Эфирное время. – Т.1. - М.: Эксмо-Пресс, 2002.
5. Диккенс Ч. Жизнь и приключения Мартина Чезлвита. - (<http://www.Bartleby.com>).
6. Лэфам Л. Деньги в Америке. - (<http://www.Bartleby.com>).
7. Маринина А. Иллюзия греха.- М.: Эксмо-Пресс, 2002.
8. Толстая Т. Купцы и художники // Изюм. - М., Эксмо-Пресс, 2002. - С.117- 132.
9. Фаулз Д. Философские изречения и афоризмы.- М.:Эксмо-Пресс, 2002.
10. Цветаева М. Музей Александра Третьего / Собр. соч.: В 7 т. – Т.5. – М.: Элис Лак, 1985.
11. Шоу Б. Дом, где разбиваются сердца. - ([http://www.readbookonline.net / read/](http://www.readbookonline.net/read/))

12. Cecil D. The Young Melburne. - (<http://The Columbia World of Quotations>, 1996.).
13. Maugham S. Of Human Bondage. – London: Pan Books, 1983.
14. Shakespeare W. Romeo and Juliet. / The Complete Works of Shakespeare. – London and Glasgow, Collins, 1988. – P. 902-940.

Н.Л. Науменко
Воронеж

Особенности языковой репрезентации концепта «долг» (на материале русского и немецкого языков)

В настоящее время, в силу происходящих процессов интеграции общества, значительное внимание уделяется проблеме национальной специфики. Одним из глобальных явлений, в котором обнаруживается эта специфика, является картина мира, как результат духовной активности человека. В качестве составляющей картины мира выступает языковая картина, находящая свое отражение в номинации окружающей действительности.

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей языковой репрезентации концепта «долг» на материале анализа семантической структуры наименований данного концепта в русском и немецком языках. Отметим, что рассматриваемые лексемы связаны с репрезентацией важных сфер межчеловеческих отношений, где понятия экономической сферы являются частью этики. Сфера экономики однозначна в своем определении долга, этика, как производное религиозной практики - не однозначна. Деонтологические теории принимают за основу концепт обязанности, из которого выводится понятие ценности. Аксиологические теории в качестве первичного выдвигают концепт ценности, добра, а понятие обязанности рассматривают в качестве производного.

Семантический анализ лексемы *долг* позволяет нам выявить следующие семемы:

Семема Д1 – «обязанность - как нечто условное, что определяется социальными конвенциями и связано с местом в социальной структуре».

“К больным с душой, а не по долгу службы” - именно таким девизом руководствуются врачи Центральной клинической больницы (из газеты).

Большая часть деонтологических долженствований возникают с течением времени. Они являются результатом какого-либо специального акта, устанавливающего норму. Временной статус моральных норм иной. Даже если они и возникают в результате какого-либо специального акта (заповедь), они мыслятся как существующие изначально. В частности, это касается и понятия “долг”: долг существует априори, независимо от воли его носителя или посторонних лиц. Так возник “долг” перед государством, он мыслится как существующий априори, хотя государство образовалось сравнительно позднее. В период господства тотемизма юноши вполне осознанно проливали свою кровь на алтаре богов во имя получения блаженства на том свете. Так

действовал тотем местности, который со временем заменяется на идею родины, а тотем рода - на семью и отечество. Теперь кровь юношей проливается на алтаре отечества во имя патриотизма:

Я все-таки офицер российского Генштаба, честь имею, и свой долг перед любимой отчизной исполню до конца (Пикуль).

Встречаются примеры, когда лексема *долг* заменяется лексемой *обязанность*, при этом полностью сохраняя значение этического характера долга:

О службе на границе я ничего не знал, и во мне, кроме юношеского интереса ко всему необычному, пробудилось чувство патриота, обязанность послужить отечеству. (Пикуль).

Долг или веление долга всегда этическая прескрипция, которой подчиняются из внутренних побуждений:

К чему близки мы? Что там, впереди?

Не ждет ли нас теперь другая эра?

И если так то в чем наш общий долг?

И что должны мы принести ей в жертву? (Бродский)

Долг может выступать в качестве характеристики субъекта, которая реализуется в сочетаниях *человек долга*, *человек чести* (лексема *честь* также несет семему “нормативная установка, внутренний императив”).

- *Ясно!* - пресек его стенания Батюшин, выкладывая на стол пачки денежных купюр. - *Карточный долг - это долг чести, даже дурак понимает: если проиграл - расплачивайся.* (Пикуль)

Долг представляет собой моральную норму, существующую независимо от воли его носителя или каких-либо посторонних лиц. Долгом нельзя кого-либо обременить, его нельзя принять на себя, как принимают обет или берут обязательства. Долг можно в какой-то момент осознать, можно счесть своим долгом что-то, но это предполагает, что долг существовал и ранее, хотя и не осознавался (*долг перед родителями*). Долг не может отсутствовать. Наличие у всякого человека долга, позволяющего выбрать правильную линию поведения, как бы подразумевается само собой. Долг уникален и неделим.

Долг исполняют и в неблагоприятных целях. (Ср. ироническое *гражданский долг* – «донос»).

Этический характер долга реализуется в сочетании лексемы с прилагательным “последний”:

С честью выполнить последний долг перед погибшими моряками. (из газеты)

Из сферы деонтологических ценностей долг переходит в сферу экономических категорий, сохраняя свою межличностную валентность: долг (чей?) долг (перед кем?).

Лексема *долг* имеет также семему Д2 – «взятое у кого взаймы (преимущественно деньги), с обязательством возврата»:

Либеральная партия говорила, что в России все скверно, и действительно, у Степана Аркадьевича долгов было много, а денег решительно не доставало. (Л.Толстой)

Процессы мышления метафоричны. Большое значение в языковой репрезентации многих концептов играют пространственные, так называемые «ориентационные метафоры» (по Д. Лакоффу): “вверх-вниз”, “внутри-снаружи”. Так, категория финансового долга в русском языке *быть (кругом) в долгах* репрезентируется на основе ориентационной метафоры, соотносящейся с конкретизатором “внутри-снаружи”:

Петрицкий был молодой поручик, не особенно знатный и не только не богатый, но кругом в долгах. (Л.Толстой)

В сочетании *влезать (залезать, входить) в долги* также актуализируется сема “пространство, в котором оказывается человек”. Возможна аналогия с долговой ямой, или затемненным углублением, которое представляет опасность при передвижении человека, поэтому возникает необходимость закрыть его, или покрыть:

- Согласитесь, - сказали ему, - вы уже некредитоспособны, чтобы покрыть долги и проигрывать. (Пиккуль)

Обороты, встречающиеся в пословицах и поговорках, позволяют увидеть интерпретацию долга на основе семантической аналогии с растением: *в долгу, что в орешках; в долгу, что в репью; в долгу как в паутине*. Здесь долг воспринимается как нечто цепляющееся, липнущее, опутывающее тело человека. Даже оборот *в долгу как в шелку* предполагает - “в долгу” как в чем-то липнущем, льнущем (если иметь в виду эти свойства шелка). По мнению авторов “Словаря русской фразеологии”, сравнение могло быть употреблено изначально в ироническом смысле, т.е. “хоть ты в шелку (богато одет), а весь в долгу (в долгах)”. Ср. *пословицу Не убогий должен, а богатый*, и поговорки *На брюхе шелк, а в брюхе щелк; Хоть в желудке и щелк, а на себе шелк*.

В семантическом пространстве немецкого языка наблюдается более дифференцированная репрезентация концепта долга. В соответствие русской лексеме *долг* в немецком языке ставятся лексемы *die Pflicht, die Schuld, die Schuldigkeit*.

Лексема *die Schuld* в статусе семемы Д1 означает «долг, нечто, взятое взаймы, у кого-то, или услуга, что может быть возмещено равными услугами»:

Die Schulden der Dankbarkeit lasteten auf ihm;

ich bin/stehe tief in Ihrer Schulden (bin Ihnen verpflichtet, dankbar)

В статусе семемы Д2 лексема *die Schuld* означает «финансовый, денежный долг»: *Schulden haben, machen* – «иметь долги, делать долги (брать в долг)»; *in Schluden geraten* – «оказаться в долгах»; *Sie hat sich in Schulden gestuerzt* – «надевать долгов, залезть в долги». Аналогично русскому варианту сохраняется пространственная, или ориентационная метафора - “вместилище”, что подтверждается предлогом *in* - куда, или где; *er steckt bis ueber die Ohren tief in Schulden* - он погряз в долгах.

А вот народное творчество переосмысляет долг таким образом: *Du hast ja mehr Schulden als Haare auf dem Kopf* (букв. у тебя долгов больше, чем волос на голове) – ср. *в долгах, как в шелках*.

Nach Bezahlung seiner Schulden blieb ihm kaum noch Geld uebrig.

Auf dem Grundstueck liegt eine Schuld von 50000M.

Das Grundstueck ist frei von Schulden.

Семема D2 лексемы Schuld участвует в словообразовании: Schuldturn - *долговая яма* для русской действительности и *долговая башня* в немецком варианте:

Und mit massloser Erbitterung sehen alle die Desperados, welche den Tod weniger scheuen als ehrliche Arbeit oder den Schuldturn, wie Eneisos Schiff ohne sie mit vollen Segeln ins Abenteuer steuert. (Zweig)

Лексема die Schuldt не содержит столь сильной этической прескрипции, как в русском языке. Для обозначения долга как внутреннего императива употребляются лексемы die Pflicht, die Verpflichtung, die Schuldigkeit, а также глагольная форма verpflichten:

Das Kindermachen ist fuer Sie dann eine vaterlaendische Pflicht, und dass eine Frau bei solchem Vorgang auch etwas empfinden koennte, ist Ihnen scheinbar Ihr ganzes Leben lang nicht aufgegangen. (Brinkmann)

Лексема die Pflicht несет значение “обязанность, возложенная в результате социального акта”:

Ich habe aber gehoert, dass sie fuer laengere Reisen wieder Genehmigungspflicht eingefuehrt haben wie damals im Winter. (Brinkmann)

Der Mohr hat seine Schuldigkeit getan, der Mohr kann gehen.

Однако некоторые случаи употребления данных лексем активизируют в значительной степени сему «действие, или действия, которые выполняются в соответствии с возложенными полномочиями»: Schon nach dem ersten dieser eingehenden Verhoere wurde ihm der gefaerliche Umfang der gegen ihn erhobenen Beschuldigungen klar: Thomas, Lieutenant Thomas Horne, der pflichteifrige Amerikaner, der von seiner historischen Sendung so ueberzeugt gewesen war, musste desertiert sein oder doch die Absicht gehabt haben, diese zu tun. (Brinkmann)

Фразеология также дает интересный материал использования лексемы Schuld: Fuer alte Schuld nimm Bohnenstroh - *с паршивой овцы хоть шерсти клок*;

in Kreide stehen - *быть кругом в долгах*

Семантические параметры лексемы Schuld значительно расширены. Возникает целый ряд денотативных семем: D2(1) Schuld [Ursache] - вина (причина, источник чего-нибудь *неблагоприятного*):

Bist du an allem schuld - это ты во всем виноват (статус прилагательного).

Ein Verkehrsunfall ist an meiner Verspaetung schuld, traegt [die] Schuld an meiner Verspaetung- это несчастный случай виноват в моем опоздании.

Выражение “свалить вину на меня” содержит в русском варианте лексему *вина*, а в немецком языке данное значение реализуется лексемой die Schuld. Однако здесь *вина* и *долг* пересекаются по семам “нечто тяжелое, обременяющее, что приносит неудобство владельцу”. Если долг свалить нельзя, то вину можно переложить на другого, равно как и обязанности. Обязанности перекладывают на плечи другого человека, откуда их и складывают, подобно регалиям, или отличиям. Вину же сваливают на голову другого человека, таким образом, придают ей большее значение. Эту потенциальную сему “значительный, важный” несет лексема *голова*.

Ассоциация местоположения и значимости долга и вины связана у русских с ценностью частей тела, тогда как у немцев ее представляют как нечто движимое, что можно перекатить подобно катку *waelzen* (предмет), или отодвинуть подобно любому предмету - *schieben*.

Необходимо заметить, что религиозная практика первична для всех сфер человеческой деятельности и обставлена ритуалами, принявшими в данное время уже исключительно бытовой характер.

Родовая эпоха изменяет содержание этих образов на основе тождества 'возмездия' и 'наказания' и выводит связь между 'нормой' и известным ее нарушением 'виной', связь между 'виной' и 'наказанием за вину' держится на семантическом тождестве поступка и проступка, проступка и кары.

Как мы видим, окружающая действительность по-разному преломляется в сознании человека, несмотря на идентичные ментальные процессы. В процессах концептуализации и категоризации проявляется национальное своеобразие или "дух народа" (В.Гумбольдт). Неуловимо следуя ему, мы оказываемся в "разных мирах" одного "мира".

В.А. Калугина

Воронеж

Концепт «тепло» в семантическом пространстве русского и английского языков

Для данного исследования особый интерес представляют концепты - представления, которые являются обобщенными чувственно-наглядными образами предметов и явлений и объективируются в языке преимущественно лексическими единицами конкретной семантики.

Нами предпринята попытка сравнить семантические структуры, репрезентированные прилагательными *теплый/warm* с общим значением «достаточно высокая температура, близкая к норме человеческого тела» на материале двух неблизкородственных языков – английского и русского.

По денотативной семеме лексемы *теплый/warm* сочетаются с существительными, обозначающими кожу, части тела человека или животного –

*Как-то приятно было смотреть в его красивую морду и чувствовать на ладони его мягкие, **теплые** губы, проворно подбиравшие подачку. (Достоевский)*

Отметим, что признак "теплый" в данном случае служит знаком нормального психического, либо физического состояния человека, что и объясняет обязательную актуализацию положительной потенциальной семы. Исключение составляет лишь использование ЛЕ *теплый* в сочетании с существительным *уши*, где наблюдается вербализация значения «испытывающий стыд, дискомфорт по какой-либо причине» -

*Максима уши стали **теплые**, и он отвернулся к окошку. (Березин)*

В сочетаниях ЛЕ *теплый/warm* по семеме Д1 с именами помещений может передаваться положительная потенциальная оценка в случае, когда достаточно высокая температура является следствием того, что там живут люди –

В храме тепло, вернее сказать, жарко. Хорошо натоплено. У печного створа свалены дрова. (Бунин)

Вполне естественно, что при характеристике реалий погоды и климата по признаку "теплый", потенциальная оценочная сема не актуализируется потому, что источником температурных изменений и является состояние воздуха, погоды, климата –

*Как всегда, лил, почти не переставая, **теплый ливень**.* (Паустовский)

*A **warm south wind** was melting the snow.*

Для обоих языков типичны сочетания ЛЕ *теплый/warm* с группой существительных, обозначающих периоды времени: части дня, времена года, месяцы. В этом случае передается положительное отношение говорящего к температуре воздуха; такая температура приятна для человека –

*Сгущались **теплые сумерки**, переходя в полную неги ночь.* (Набоков)

*Wheat is grown in places, which have cold winters and **warm, dry summers** ...*

При описании жидкостей и напитков прилагательные *warm* и *теплый*, помимо нулевой потенциальной оценочной семы (*теплое молоко, теплая вода*), могут передавать также положительную или отрицательную оценочные семы в случае, когда обозначается отношение говорящего к данному объекту (*warm water*), или присутствуют температурные отклонения от нормы температуры напитка, и последний теряет свой вкус, потому как данные напитки предполагается по вкусовой традиции пить либо холодными, либо горячими. Например, *теплое шампанское, теплая водка, пиво, warm wine, lemonade, Cola, Tonik*, если они не достаточно охлаждены, или напротив, *чай, кофе, шоколад, какао* при недостаточной степени нагрева –

*На столе стояли две бутылки **теплого шампанского**, бутылка скверного рому; стояли тарелки с кондитерскими конфетами, пряниками и орехами трех сортов.* (Достоевский)

Расхождения в семантике исследуемых прилагательных наблюдаются в сочетании с существительными *напиток/drink*. В отличие от русского языка, в котором словосочетание *теплый напиток* обозначает подогретую жидкость, словосочетание *warm drink* в английском языке вербализует значение «напиток, содержащий алкоголь»: *A **warm drink** before going to bed may help to keep you warm.* Такой смысл передается в русском языке словом *горячительный*.

В обоих языках часто наблюдается употребление исследуемых лексем с названиями пищи. Обычно приготовленные блюда подают горячими, и это считается нормой. При нарушении температурной нормы актуализируется отрицательная потенциальная оценочная сема. Например, *теплый суп* – «остывший». Однако существует ряд блюд, которые не обязательно подавать и употреблять в горячем виде. В этом случае лексемы *warm/теплый* не передают какую-либо оценку: *Pour the syrup over the **warm** cake and leave until completely cold and all the syrup has been absorbed.*

Исследуемые прилагательные сочетаются также с существительными, обозначающими объекты неживой природы (металлические, каменные, стеклянные): *Приятно пахло теплым гравием. They stood on the warm asphalt.* Для языковой картины мира существенно, что камни вокруг нас, под ногами, нагреваются под солнцем, раскаляются на огне и т.д. Мы естественным образом, постоянно прикасаясь к ним, «измеряем» их температуру и знаем, что она может быть любой. При сочетании прилагательных *теплый/warm* с такими существительными может быть передана положительная оценка, что обнаруживается в специальных контекстах, где не только передается факт теплой поверхности предмета, но и подчеркивается отношение говорящего к нему.

Исследование, проведенное методом компонентного анализа, показывает, что семемы Д1 прилагательных *warm* и *теплый* включают архисему «состояние», видовые дифференциальные семы – «достаточно высокая температура, близкая к температуре человеческого тела», дифференцирующие семы - а) «поверхность», б) «температура воздуха», в) «средняя степень». Возможна актуализация потенциальной оценочной семы положительной или отрицательной оценки.

Качественная оценка в структуре рассматриваемых прилагательных является чрезвычайно подвижной, зависящей от фактора температурной нормы для сочетающихся существительных и от семантики высказывания в целом.

Отрицательная оценочная сема проявляется в сочетаниях с теми существительными, которые обозначают жидкости и продукты питания, температура которых ниже или выше существующей нормы их употребления. В сочетании с другими существительными ЛЕ *warm/теплый* актуализируют положительную оценку в тех контекстах, где озвучивается не только факт достаточно высокой температуры воздуха, теплой поверхности чего-либо, но и передается положительное отношение говорящего к ним.

Семема Д1 прилагательных *warm/теплый* обладают высокой частотностью употребления. Думается, что в основе этого явления лежит экстралингвистическая причина: температурный уровень имеет для жизнедеятельности людей определяющее значение.

В целом, сравнивая семантические структуры лексем, репрезентирующих концепт «тепло», приходим к выводу, что обе лексемы чрезвычайно емки по своему семантическому наполнению. Носители обоих языков во многих случаях дают схожие трактовки конкретной температуры. По этой причине русское прилагательное *теплый* реализует семему Д1 с теми же типами существительных, что и английское прилагательное *warm*. Кроме того, отрицательные и положительные потенциальные семы, присутствующие в исследуемых прилагательных, эквивалентны.

Письмо в диахронии и когнитивные процессы

Будучи отличным от устной речи и в значительной мере противопоставленным ей, письмо опирается на во многом общие с речью психофизиологические механизмы. К тому же в истории письма до определенной степени воспроизводятся основные вехи глоттогенеза: совершенствование речи и аналитических способностей *homo sapiens*, развитие межполушарного взаимодействия и специализации. В процессе формирования письменных систем проявляются такие этапы глоттогенеза, как более выраженный консонантный характер праязыка, "силлабоцентризм" последнего. При этом глобальное развитие письма происходит под знаком все более адекватной репрезентации звучащей речи наряду с совершенствованием, диверсификацией письменного кода.

Исторически и в определенной мере онтологически письмо когнитивно – как всякая целенаправленная деятельность. Процессы отражения действительности в сознании, формирование замысла, поиск вещественной формы его воплощения – природных объектов, материалов и орудий – неотъемлемы от рефлексии, целенаправленных усилий уже в первых опытах наскальных рисунков, затем протописьменностях (счетные и мнемонические системы, объемные иероглифические изображения – Дьяконов-1990в, с. 402-403; Черниговская, с. 267). В наскальных изображениях (палеолит) и в протописьменностях (с 8-го тыс. до н.э. – Шумер, Элам, Египет, позднее Индия) помимо вещественной и/или визуальной экстериоризации социального опыта формировались пространственные представления и приемы расположения символов (размеры, пропорции, линейаризация, дискретность), осваивались способы работы с материалами и орудиями. Однако предписьменность если и можно отнести к сфере коммуникации, то только условно: набор символов нерегулярен, смысл всего изображения весьма диффузен.

Материалы и орудия письма, будучи внешними по отношению к письменной системе, тоже играют определенную роль. На глиняных табличках оптимальными оказались выдавленные заостренным тростником клинописные символы, но исключались опыты в области цвета; последние связаны с использованием папируса, шелка, пергамента и бумаги. Одними из первопроходцев были египтяне: "красная строка", рубрика < лат. *ruber*.

Направление письма в современных системах также связывается с культурно-историческими традициями, внешними по отношению к системе. Вместе с тем способы линейного развертывания сообщения свидетельствуют о довольно сложной и длительной рефлексии о пространственном размещении символов в филогенезе. Древнейшие системы (египетская, шумерская, китайская) следовали схеме: справа налево и сверху вниз (столбцы) (Борухович, с. 66). В настоящее время принято горизонтальное развертывание (кроме китайской и некоторых других систем), но при преобладании

направления слева направо сохраняется и направление справа налево (арабица, иврит и др.). Древние греки и римляне также изначально писали справа налево. Не исключено, что направление письма в филогенезе определенным образом коррелирует с межполушарной асимметрией и ведущей рукой. Пиктография и идеография связаны с фиксацией пространственных представлений и соответствующих символов, последние обладают более сложной конфигурацией, нежели графемы. За пространственные представления отвечают зоны правого полушария (ПП). Развитие речевых зон левого полушария (ЛП) и специализированных нейролингвистических механизмов связано с усложнением логических операций (Генидзе, с. 25) при преимуществе правой руки. При левшестве удобнее писать справа налево, и есть некоторые основания предполагать, что в древности левшество было более распространено, чем в последующий период. В условиях постепенного приобретения ЛП доминантной роли можно высказаться в пользу возрастания числа праворуких, для которых удобнее писать слева направо. Далее, история письма свидетельствует о широкомасштабном *переходе от репрезентации целостных представлений* (пиктография, частично идеография) в условиях доминантности ПП к *фиксации более расчлененных единиц* как продукта аналитической деятельности ЛП. Известно, что у современных китайцев (тип письменности – сочетание идеографии и силлабографии) наиболее активны зоны ПП (Лурия, с. 57). По мнению Вяч. Всев. Иванова, возникновение письма алфавитного типа сыграло решающую роль "если не в формировании левополушарного аналитического мышления, то в его внешнем оформлении" (Иванов, с. 47).

Собственно письмо начинается тогда, когда *рисунки* в своей последовательности *репрезентируют сообщение*, будь то донесение о военных победах или записи сборщика податей. Диффузные рисунки, метки, зарубки, узелки дают начало *пиктографии* (4-3 тыс. лет до н.э. – Шумер, Египет, Китай, Древняя Индия). Для пиктограммы свойственна передача смысла сообщения, а не языковой/речевой формы, на основе иконического принципа (Кондратов, с. 374-375). И все же это был когнитивный прорыв, цивилизационный переворот, первый шаг в преодолении времени (*verba manet*). Переход к последующему этапу, *идеографии*, зачастую был связан с "ребусными написаниями", когда в метаязыковом сознании осуществлялся *анализ звучания* разных слов и сопоставление звучания и значения. В идеограмме ребусного типа два символа обозначают новый денотат без введения нового символа: др. египет. msdr < ms (связка шкур шакала) + dr (сноп льна) = "ухо". Идеографические системы позднее дополнились набором вспомогательных знаков, детерминативов и комплементов, уточняющих значение/тематическую сферу, грамматические показатели, иногда звучание основных символов (Дьяконов-1990б)

Репрезентация звучания сначала посредством вспомогательных символов (чаще это черточка) – новый когнитивный ход, растянутый во времени и сложный, требовавший осознания, что слово-символ не есть нечто неделимое; а, напротив, складывается из единиц меньшего объема и другой природы. Как отмечают известные исследователи письма И.Гельб и И.Фридрих, осмысление

того, что слово может быть представлено как состоящее из меньших единиц – очень сложный и длительный процесс (Гельб, Фридрих). Введение дополнительных символов обогащало возможности кода, создавало дополнительный ресурс варьирования в соответствии с онтологией письма (Орехова-2000, 2003), что проявлялось впоследствии.

Этап *силлабографии* связан с переходом к графической репрезентации слога как составляющей слова, это новый шаг в осмыслении членимости последнего. Существует мнение, что именно слог представляет собой реальную единицу языкового сознания (см. Попова, Стернин, с. 112), а речепорождение осуществляется посложно, не пофонемно, поскольку фонема более абстрактна. Как бы то ни было, в силлабограммах представлены символы разной конфигурации (клинопись, иероглифы, скоропись), отвечающие схеме "согласный + любой гласный" (Дьяконов-1990б, Кондратов-1990б). Это весьма симптоматично как запечатленный когнитивный этап, когда сознанием вначале вычленяются *согласные* как более дискретные и информативные звукотипы. При этом гласные как континуальный звукотип еще не дифференцируются на метаязыковом уровне, но их роль уже интуитивно ощущается. В некоторых письменностях огласовки обозначались особой нотацией (детерминанты, *matres lectionis* – "матери чтения", штрихи, точки, лигатуры) – еще один ресурс обогащения кода.

Возникновение *фонографии* (звукобуквенного, алфавитного письма) явилось когнитивным прорывом, ознаменовавшим создание наиболее рациональной, экономной системы, ориентированной на передачу звучащей речи. Как отмечалось, первые попытки репрезентации звучания зафиксированы уже в идеографии и силлабографии, с другой стороны, в современных фонографических системах письма сохраняются логограммы (математическая, химическая и др. нотация) как свидетельство преемственности культурного и когнитивного опыта. Первое фонографическое письмо, финикийское как модификация египетского письма (II тыс. лет до н.э.), было *консонантным*, что вполне предсказуемо, однако в процессе его создания метаязыковое сознание уже фиксировало гласные, для обозначения которых использовались штрихи и "матери чтения" – символы согласных, *близких по месту образования к соответствующим гласным*, напр. [w] для [o] [и] (Дьяконов-1990а, с. 163-164, Шифман, с. 548). В развившемся на основе финикийского арабском письме постепенно были введены графемы для отдельных гласных и система диакритиков для других огласовок; древнееврейское письмо (и современный иврит) сохраняет консонантный характер с развитой системой надстрочных и подстрочных диакритиков для обозначения 12 гласных фонем и субфонем ((Дьяконов-1990б, с. 378, Гельб, с. 191).

Зафиксированное с VIII до н.э. греческое письмо, в отличие от своего финикийского прототипа, изначально было более адекватным средством фиксации речи, содержащим особые графемы для гласных: специально созданные символы Ε, Ι, Η, Ο, Υ. Симптоматично, что первыми были вычленены *долгие гласные* – как перцептивно более дистинктивные, позднее – краткие, и обе разновидности получили графическую репрезентацию (ср.:

Трофимова, Фонология речевой деятельности, с. 19-21). Стоит упомянуть и то, что греческий алфавит дошел до наших дней с минимальными изменениями, утратив только 3 символа из начальных 27.

Небезыntenерсны веки развития *латинского письма* на основе западно-греческого (с IV в. до н.э.). В процессе адаптации в греческий прототип были введены символы для специфических согласных, не имевшие греческих аналогов: F, C, Q, V (согласный v, гласный u), H, G (Дрбоглав, Федорова, с. 253-255). Тесные контакты римлян с греками в доимперский и имперский период стимулировали поэтапный приток греческой лексики, обогатившей сферы культуры, философии, теологии. Римляне, обладавшие опытом графических инноваций и высокой филологической культурой в целом, осознавали такую особенность греческой фонетики, как придыхание. Был сделан следующий когнитивный шаг – введение *диграфов* в греческих заимствованиях, для передачи аспирации и фарингальности посредством графемы h [ɣ]: Theseus, schola, philosophia, rhetor (в последнем случае диграф rh скорее пленастический, ср. <`ρητορ).

Создававшиеся в ходе христианизации народов Европы письменности на латинской основе также изначально базировались на фонографии. Хотя христианские миссионеры отвергали связанную в их понимании с языческими представлениями и магией руническую письменность германцев, de facto была признана целесообразность рунических символов для межзубных согласных и билабиального сонанта Ъ, Ѣ, р [w], позднее введена лигатура æ для монофтонга переднего ряда. Стоит также отметить, что все эти символы сохранились в современной письменности исландского и фарерского языков (Гиляровский, Гривнин), а ирландское письмо, сохранявшее до конца 60-х гг XX в древний унциал во всей совокупности "крючковатой" конфигурации графем, рунических написаний и внеалфавитных символов, было переведено на "общеевропейскую" латиницу. Регулярные контакты древневерхненемецких диалектов с рах gotana способствовали более раннему, чем в других ареалах (ср. изолированные англосаксонские диалекты) использованию диграфов для репрезентации формирующихся аффрикат и взрывных согласных, что зафиксировано уже в памятниках IX в: khuning [k], folches [k], gheist [ɣ] , diutisc [sk'] (Чемоданов, с. 18).

Греческое письмо легло в основу славянской письменности, при этом его создатели изначально действовали целенаправленно. Славянская азбука как инструмент христианизации сохранила все графемы греческого письма как одного из трех официально признанных папским престолом сакральных языков (включая латынь и древнееврейский). Было добавлено 19 (20) специальных символов, отражающих специфику славянской (точнее, древнебогарской или древнемакедонской) фонетики: графемы для аффрикат и сибилантов Ж, З, Ч, Ш, Щ, Ц, носовых, сверхкратких и др. гласных – Ъ, Ы, Ъ, юса большого и малого. В кириллических памятниках восточнославянского извода уже с XI в представлены специфические *йотированные гласные* (ю, ia). Формирование важнейшей фонологической оппозиции "твердость-мягкость" в результате вторичного смягчения согласных было репрезентировано посредством удачного когнитивного хода, без введения специальной

символики для передачи палатализации, а при помощи уже наличествующих букв Ъ, Е, И, Ь. Впоследствии ранее использовавшиеся для этой цели лигатуры "ижеи + гласная" вышли из употребления (дольше всех продержались ІЕ, ІА – Камчатнов, с. 12, Осипов, с. 25).

Наш пока еще схематичный экскурс в историю письма и связанных с ним когнитивных процессов был бы неполным без освещения места и роли внеалфавитных вспомогательных знаков (в т.ч. диакритиков). Однако более детальное освещение этого вопроса выходит за рамки данной публикации.

Литература

1. Борухович В.Г. В мире античных свитков. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1976.
2. Гельб И. Опыт изучения письма. – М.: Радуга, 1982.
3. Гиляровский Р.С., Гривнин В.С. Определитель языков мира по письменностям. – М.: Наука, 1965.
4. Генидзе Н.К. Основы современного языкознания. Учебное пособие. – Спб., 2003.
5. Дрбоглав Д.А., Федорова Е.В. Латинское письмо. // Лингв. энцикл. словарь. – М., 1990.
6. Дьяконов И.М. Западносемитское письмо. // Лингв. энцикл. словарь. – М.; 1990а.
7. Дьяконов И.М. Письмо. // Лингв. энцикл. словарь. – М., 1990б.
8. Дьяконов И.М. Протописьменности. // Лингв. энцикл. словарь. – М., 1990в.
9. Иванов Вяч. Всев. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. – М., 1978.
10. Камчатнов А.М. Старославянский язык. Курс лекций. 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2001.
11. Кондратов А.М. Пиктография. // Лингв. энцикл. словарь. – М., 1990а
12. Кондратов А.М. Силлабическое письмо // Лингв. энцикл. словарь. – М.; 1990б.
13. Лурия А.Р. Письмо и речь: Нейролингвистические исследования. – М.: Академия, 2002.
14. Орехова Н.Н. Пунктуация и письмо. – Ижевск, 2000.
15. Орехова Н.Н. Письменность в контексте взаимодействия языков и культур. // Проблемы межкультурной коммуникации в современном образовательном пространстве. – Тобольск, 2003.
16. Осипов Б.И. Учителю об истории русского письма. Учебное пособие. – Омск, 2000.
17. Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание. Учебное пособие для университетов. – Воронеж, 2004.
18. Трофимова Е.Б. Фонетическая транскрипция с позиций антропоцентризма. // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2003.

19. Фонология речевой деятельности. /Под ред. Л.В. Бондарко. – Спб., 2000.
20. Фридрих И. История письма. – М.: Наука, 1979.
21. Чемоданов Н.С. Хрестоматия по истории немецкого языка VIII–XVI вв. – М.: Высш. шк., 1978.
22. Черниговская Т.В. Современная психолингвистика и процессы письма. // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. II. – Барнаул, 2003.
23. Шифман И.Ш. Финикийское письмо. // Лингв. энцикл. словарь. – М., 1990.

Раздел 4.

Сопоставительная лингвокультурология

И.В. Домбровская, Л.В. Молчанова

Воронеж

Одинаково ли созерцают американцы и немцы?

Настоящая статья представляет собой опыт апробации научного метода исследования средствами лингвистики и статистики (см. Кретов, Молчанова, Гамова, Домбровская) литературных и общекультурных процессов в вербально-зрительной сфере интерпретации действительности американцами и немцами.

Данная цель достигается путём проведения сопоставительного анализа функционирования языкового представления ситуации *созерцания* в американском варианте английского языка и немецком языке в 1-й пол. XIX века – 2-й пол. XX века (4 хронологических среза: 1-я пол. XIX в. – 1-й срез; 2-я пол. XIX в. – 2-й срез; 1-я пол. XX в. – 3-й срез; 2-я пол. XX в. – 4-й срез). Данная ЛСГ наряду с ЛСГ *смотрения* и ЛСГ *видения* составляет лексико-семантическую группу зрительного восприятия (см. Кретов).

В статье рассматриваются как качественные, так и количественные характеристики указанной группы. Одновременно выделяются и сравниваются синтаксические модели, в которых реализуются лексико-семантические единицы (ЛСЕ) группы созерцания.

Материалом для исследования послужили нарративные тексты американских и немецких писателей 1-й пол. XIX – 2-й пол. XX веков.

Можно выделить ряд признаков, по которым глаголы созерцания отличаются от глаголов смотрения и глаголов видения:

а) своеобразие объекта (большой, трудновыделяемый из окружающей среды);

б) целенаправленность процесса, углубление в объект;

в) постепенность охвата, "ощупывания" зрением поверхности объекта.

Важнейшим признаком глаголов созерцания как в американском варианте английского языка, так и в немецком языке является целенаправленность и

активность зрительного процесса. Особенность ЛСЕ созерцания состоит также в их семантической иерархии. Рассматриваемая группа представляет собой сложно организованную микросистему ЛСЕ, обнаруживающих связи как с ЛСГ смотрения, так и с ЛСГ видения.

Объект восприятия глаголов созерцания может быть:

1. Простым – движущимся в пространстве, изменяющимся или выполняющим какое-либо динамическое действие.

2. Сложным статичным (описания ландшафтов, пейзажей, сложных сооружений и скульптурных композиций).

3. Сложным – движущимся, изменяющимся или выполняющим какое-либо действие, а также зрелищем, действием, протекающим во времени.

Указанные характеристики объекта позволили выделить 3 подгруппы внутри ЛСГ созерцания в немецком языке и в американском варианте английского языка: простого созерцания (тип объекта 1), усложнённого (тип 2), сложного созерцания (тип 3).

Анализ глагольной лексики, входящей в ЛСГ созерцания, показал, что во всех срезах роль доминанты, несущей основную функциональную нагрузку, в американском варианте английского языка принадлежит глаголу *see*, а в немецком языке – глаголу *sehen*, которые, в свою очередь, являются доминантами ЛСГ видения в обоих языках. Однако при этом позицию вице-доминанты в немецком языке занимает эта же ЛСЕ, а в американском варианте английского языка – ЛСЕ *look at*, являющаяся доминантой группы смотрения.

При определении границ дистрибуции мы учитываем и разграничиваем облигаторное и факультативное окружение глагола. Эти понятия, трактуемые некоторыми лингвистами как понятия «структурной обязательности» и «структурной факультативности» (Почепцов, с.65), являются актуальными при анализе любых синтаксических единиц.

Основные синтаксические модели для ЛСГ созерцания представлены в таблице 1, где S – субъект, V – предикат, O_A - объект восприятия, выраженный дополнением в винительном падеже; O_{Ak+ Inf} - объект восприятия, выраженный конструкцией *accusativus cum infinitivo*; O_{Ak+ PartI} - объект восприятия, выраженный конструкцией *accusativus cum participio*; O_{SC} - объект восприятия, выраженный *придаточным изъяснительным* предложением (Subordinate Clause), P - предлог.

Таблица 1.

№ п/п	Американский вариант английского языка	Немецкий язык
I.	S – V – O _A	S – V – O _A
II.	S – V – O _{Ak+ Inf}	S – V – O _{Ak+ Inf}
III.	S – V – O _{Ak+ PartI}	S – V – O _{Ak+ PartI}
IV.	S – V – O _{SC}	S – V – O _{SC}
V.	S – V – P – O	S – V – P – O

При совпадении в пяти основных дистрибутивных моделях реализации ЛСЕ созерцания в обоих языках в немецком языке выделяется еще одна, не имеющая места в американском варианте английского языка: **S-V-O_{G,D}**, где **O_{G,D}** - объект восприятия, выраженный дополнением в родительном и дательном падежах. Однако данная модель находится на периферии ЛСГ созерцания, имея лишь единичные случаи реализации в текстах 1-й пол. XIX века, где в качестве сказуемого выступают ЛСЕ и идиоматические выражения созерцания (*sich in Betrachtung verlieren*, *versunken sein in Anschauung* и др.)

Самой частотной дистрибутивной моделью реализации ЛСЕ созерцания как в одном, так и в другом исследуемом языке является модель **S - V - O_A**, в которой номинируются все три признака объекта созерцания (примеры приводятся согласно порядку перечисления типов объекта созерцания).

I. a) ... seitdem **betrachtete** man **ihn neugierig**, sogar mit einer gewissen Achtung. (Hauff)

b) I have **seen the gibbet raised**, when no place of refuge offered. (Cooper)

II. a) Ich **bemerkte** auch **einige beynahe reife Kornfelder**, und **etliche Stellen die mit Haide bedeckt** zu seyn schienen. (Forster)

b) He could see from afar the many-candled lustres reflected in the polished parquertry and beyond that the depth of a conservatory where camellias and tree-ferns arched their costly foliage over seats of black and gold bamboo. (Wharton)

III. a) Wir stiegen hinab und **sahen** uns **den brennenden Haufen an**. (Hesse)

b) I looked out, and **beheld a procession of villagers advancing along the road, attired in gay dresses, and marching merrily on in the direction of the church**. (Longfellow)

Несколько уступая, второй ранг частоты имеют модели **S-V-O_{Ak+Inf}** и **S-V-O_{Ak+Part I}**. В них также представлены все три типа объекта. В роли именной части при глаголе выступают, в основном, собственные и нарицательные существительные, обозначающие одушевленные объекты в значении лица (группы лиц).

1. a) Ich **sehe Kat sich bewegen** und krieche hinüber. (Remarque)

b) Dorothy was puzzled at this, for it sounded queer to hear a stuffed man speak, and to see him **bow and walk along beside her**. (Baum)

2. a) Bisweilen konnte man vor dem Schein dieser Süd-Lichter die darunter verborgenen **Sterne** nicht entdecken, und zu anderen Zeiten **sahe** man **sie** höchstens nur ganz blaß **hindurch schimmern**. (Forster)

b) If we pass now across the country to the western slope, we **see a range of mountains running parallel with the coast at a comparatively short distance from the sea**. (Abbot)

3. a) Als **ihn** Hektor so **in die Menge der Trojaner zurucktauchen sah**, rief er ihm voll Unmut zu... (Schwab)

b) He heard a strange sound approaching him, and raising his eyes he **saw** a well-beaten **path leading** from the margin of some water to a cabin which was very near him, and which he had not observed before, and up this path a strange looking old woman was coming, thumping her stick upon the ground as she came. (Abbot)

Все конструкции с *accusativus cum infinitivo* трансформируются в немецком языке в сложноподчинённые предложения с придаточным изъяснительным, вводимым союзным словом *wie* и союзом *dass*. Например:

Ich sehe Kat sich bewegen und krieche hinüber. - Ich sehe, wie/ dass sich Kat bewegt und krieche hinüber.

Придаточные изъяснительные предложения с союзами *wie/ dass/ was...* обладают высокой частотностью и входят в большое ядро ЛСГ созерцания во всех четырёх срезах, реализуя все 3 типа объекта. Это понятно, поскольку придаточные конструкции тоже легко преобразуются в оборот *accusativus cum infinitivo*.

Er sah nur noch, dass Uschka dort oben sprach und sich bewegte (Brezan). - *Er sah nur noch Uschka dort oben sprechen und sich bewegen.*

В американском варианте английского языка конструкции **S – V – O_{Ak+ PartI}** и **S –V – O_{Ak} + Inf** лишь в очень редких случаях трансформируются в сложноподчинённые предложения с придаточным изъяснительным, вводимыми союзами *as, that* и *how*.

Trough the trees he watched the black figures of gunners as they worked swiftly and intently (Crane).

Конструкция **S-V-O_{SC}** является малопродуктивной в современном варианте американского английского языка.

Предложная конструкция **S-V-P-O** с характеристикой локализации ЗВ по отношению к внешнему ориентиру включает в себя семантику глаголов смотрения, но теряет присущий им признак направленности от субъекта к объекту. Предложные компоненты структуры указывают пути локализации ЗВ по отношению к объекту созерцания. В данной модели представлен, главным образом, третий тип объекта.

Для выявления ЛСЕ созерцания необходимо учитывать, в первую очередь, семантику объекта. Подтверждение этому находим у О.И.Москальской: "...может создаться впечатление, что семантический тип предложения полностью определяется лексическим значением глагола. В действительности же он вырастает всегда из взаимодействия глагола-сказуемого с именными компонентами модели и поддаётся обобщениям как на лексическом, так и на логико-семантическом уровне" (Москальская, с. 182).

Заметим, что ЛСЕ созерцания в описанных моделях характеризуется способностью компонентов к свободному распространению и усложнению сказуемого. В факультативном окружении глаголов созерцания могут быть:

1. атрибутивные распространители субстантивных компонентов: *big, huge, small/ groß, endlos, kolossal, unendlich* и др.;
2. обстоятельственные детерминанты: *up, down, skyward, forward/ starr, von Kopf bis Fuß, sehnsuchtsvoll* и др.
3. модальные глаголы *can, may/ wollen, müssen, sollen*;
4. фазовые глаголы: *begin, try, start/ versuchen, vorgeben* и др.

Рассмотрим динамику изменения функциональной нагрузки (ФН) на ЛСГ созерцания на протяжении 4-х срезов и сравним полученные результаты, которые позволяют определить тенденции в функциональном развитии лексико-

семантической сферы созерцания в американском варианте английского языка и немецком языке (см. таблицу 2).

Таблица 2.

Срез	Языки	Средняя ФН	Доверительный интервал	Относительная ошибка средней
I	Ам	0,24	0,15 - 0,32	25,9%
	Нем	0,29	0,27 – 0,31	14,3%
II	Ам	0,33	0,22 - 0,44	26,3%
	Нем	0,22	0,15 – 0,29	7,4%
III	Ам	0,31	0,25 - 0,37	14,6%
	Нем	0,17	0,10 – 0,24	3,3%
IV	Ам	0,26	0,19 - 0,32	19,3%
	нем	0,17	0,10 – 0,24	4,2%

Показатель относительной ошибки средней не превышает 35%, что позволяет нам считать результаты подсчётов достоверными.

Изучение динамики ФН на ЛСГ созерцания в американском варианте английского языка по срезам показало, что характер изменения средней ФН на ЛСГ созерцания в американском варианте английского языка является плавным восходяще-нисходящим. Такой же восходяще-нисходящий характер динамики имеют как нижняя, так и верхняя границы доверительного интервала. Кривая, демонстрирующая изменения величины функциональной нагрузки, представляет собой плавную линию, имеющую максимальную величину ФН в срезе II.

График динамики ФН на ЛСГ созерцания в немецком языке является как бы зеркальным отражением процесса функционирования языкового представления ситуации созерцания в американском варианте английского языка. Он также является плавным, но нисходящим, переходящим в прямую в IV срезе. Вершина графика находится в срезе I.

Проведённый качественный и количественный анализ функциональных характеристик ЛСГ созерцания в обоих языках позволил выявить ряд общих черт и различий и определить следующие тенденции в вербально-зрительной интерпретации действительности американцами и немцами:

1. Качественный состав доминант группы в обоих языках остаётся стабильно неизменным на протяжении всего исследованного временного периода. Существенно и то, что *see* и *sehen* происходят от одного древнегерманского корня.
2. Для американского варианта английского языка и немецкого языка характерны общие и специфические синтаксические модели реализации ЛСЕ созерцания и потенциальные возможности их трансформации с тенденцией преобладания конструкции **S – V – O_{Ak+Inf}** и **S – V – O_{Ak+Part 1}**, характерной для обоих рассматриваемых языков.

3. Функциональное соотношение трёх подгрупп ЛСГ созерцания проявляется в обоих языках во взаимной обусловленности подгрупп усложнённого и сложного созерцания при функциональном преобладании ЛСЕ усложнённого созерцания. Подгруппа простого созерцания имеет невысокий уровень ФН с постепенным трендом понижения к срезу IV.
4. ФН на ЛСГ созерцания в американском варианте английского языка выше, что говорит о большей степени созерцательности американцев в целом и об общей тенденции американских авторов давать более панорамное или же детальное описание объектов окружающей действительности.

Литература

1. Гамова О.Л. Прогностика глаголов перемещения в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. Наук. - Воронеж, 2001. – 248 с.
2. Домбровская И.В. Динамика и прогностика лексико-семантической группы зрительного восприятия в американском варианте английского языка : автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2004. – 23 с.
3. Кретов А.А. Семантические процессы в лексико-семантической группе глаголов зрительного восприятия современного русского языка : дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1980. – 228 с.
4. Молчанова Л.В. Качественный и количественный аспекты лексико-семантической прогностики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2000.– 23 с.
5. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка). – Москва : Изд-во Высшая школа, 1981. – 175 с.
6. Почепцов Г.Г. Об обязательном и факультативном окружении// Вопросы языкознания. – 1976. - № 2.

Е.В. Милосердова
Тамбов

О некоторых типологических расхождениях в немецком и русском языках на прагматическом уровне

В последние годы в лингвистике делаются попытки создать типологию диалогических стратегий, видов диалога, типов языковой личности. Проблема эта непростая, как и все, что связано с человеческим фактором, с многоаспектностью, многогранностью человеческой личности. Тем не менее, думается, что в отношении целого языкового сообщества, как и в отношении отдельно взятого человека, можно говорить о преобладании того или иного типа ведения диалога, той или иной коммуникативной стратегии. Закономерности диалогического общения, свойственные отдельным личностям, могут быть сопоставлены и с общением на межкультурном уровне.

При описании коммуникативных стратегий и типов диалога чаще всего называются два принципиально противоположных и резко отличающихся друг

от друга - диктальное и модальное виды общения, с одной стороны, и конфликтное и кооперативное диалогическое взаимодействие, с другой.

В работах по теории коммуникации и по теории речевых актов, где затрагиваются вопросы, связанные с данными явлениями, связь между ними не проводится, хотя, по нашему мнению, наличие этой связи не заметить трудно. И определяется она тем, что любой коммуникативный процесс включает в себя отношения двух уровней: содержательного и межличностного. Очевидно, что содержательный уровень скорее будет соответствовать диктальному виду общения, а межличностный - модальному. А.А.Романов, вслед за другими авторами, отмечает, что межличностный уровень является определяющим по отношению к содержательному (Романов, с. 113). Необходимо, однако, уточнить, что определяющим он является именно для атмосферы общения, для своего рода психологического комфорта коммуникантов, тогда как с точки зрения конечной цели, ради которой, собственно, и происходит общение (например, совместная работа, достижение какого-то конкретного результата и т.п.), содержательный уровень, без сомнения, является главным.

При диктальном общении собеседники реагируют на диктум, то есть на информативную, предметную сторону высказывания собеседника, при модальном - на его модус, который в этом случае находит выражение в таких модальных характеристиках высказывания, как тон, форма сообщения, коммуникативный тип предложения, отдельные модально окрашенные элементы высказывания. Сравним два диалога: 1) - *Я хочу поехать в Москву.- Когда?* 2) - *Я хочу поехать в Москву.- Мало ли что ты хочешь.* Совершенно очевидно, что второй случай, где собеседник реагирует на модус высказывания партнера, гораздо легче будет провоцировать конфликтную ситуацию, чем в случае, где собеседник реагирует на диктум.

Сравнивая немецкий и русский языки с точки зрения преобладания в них коммуникативных стратегий, нельзя не заметить их принципиального различия: если для немецкого языкового сообщества более характерным является диктальное общение и - как следствие - кооперативный диалог, то в русском языке господствует модальное общение, которое А.А.Леонтьев называет "выяснением отношений", и соответственно - конфликтный тип диалога. Проявляется это в том, что в результате реакции на модальные характеристики высказывания говорящий реализует в первую очередь свое личностное отношение не к содержанию сообщения, а к этим модальным параметрам высказывания, что в итоге выливается в выражение отношения к собеседнику. В результате общение с содержательного уровня переходит на межличностный, что очень часто может вести к конфликтам и просто сложностям в коммуникации.

Конфликтный тип диалога проявляется в русском языке и в том, что реакция собеседника на реплику говорящего нередко начинается со слова "нет", причем даже в том случае, когда у него нет принципиальных возражений по поводу услышанного. Вспомним, как часто мы говорим *Нет, это надо же! Нет, ты только послушай/ подумай! Нет, ты только представь себе!* Конечно, в какой-то мере это связано с тем фактом, что для

русского языка вообще более типичным, чем для немецкого, является употребление отрицания в несобственной функции, ср., вопросительные формы типа *He Хотите ли сливок? He желаете ли чего-нибудь? He разрешите ли ...*, перевод которых на немецкий язык отчетливо демонстрирует это типологическое расхождение: *Wollen Sie Sahne? Wunschen Sie noch etwas? Wurden Sie erlauben, ...?*

Частое употребление отрицания как реакция на реплику собеседника бросается в глаза иностранцам, которые удивляются этому факту, так как ждут возражения или несогласия от партнера, а выясняется, что это далеко не всегда так.

Помимо этого, конфликтный тип диалога может проявить себя и в тех случаях, когда один из собеседников воспринимает услышанное прежде всего и часто только на уровне значения, тогда как другой рассчитывал быть понятым на уровне смысла. Примером может служить диалог отца с сыном, в котором сын предпочитает не замечать истинного смысла замечания отца: Vater: *MuBt du lauernd diese Platte spielen lassen?* - Sohn: *Nein, wenn ich will, kann ich sie auch abstellen.*

Как видим, сын акцентирует внимание на интеррогативной семантике сказанного отцом и реагирует на него, как на истинный вопрос, тогда как отец явно имел в виду побуждение - *Schalt das Gerat aus!* Подобное рассогласование коммуникативных стратегий участников коммуникативного процесса также является вполне реальным основанием для возникновения конфликта.

Важной характеристикой типа общения является употребление в диалогах прямых или косвенных речевых актов. Как это ни парадоксально, но конфликтный диалог гораздо чаще реализуется в прямых речевых актах, тогда как кооперативный тяготеет к косвенному способу выражения. Парадоксальность же этого факта состоит в том, что прямой речевой акт с прагматической точки зрения однозначен, интенция говорящего при этом совершенно очевидна, прозрачна: *Hilf mir! Geben Sie mir Ihren Ausweis!*

Казалось бы, такая ясность коммуникативной цели собеседника должна облегчать коммуникацию, однако, факты говорят об обратном.

Самым ярким примером прямого речевого акта может служить императив как форма выражения побуждения: призванный выражать в первую очередь волю говорящего, императив - при всей его явной обязательной ориентированности на адресата - не оставляет в своей структуре места для отражения личности этого адресата. Тем самым коммуникативная однозначность императива (побуждение = воля говорящего) накладывается на своеобразную обезличенность слушающего, заложенную уже в самой этой форме. Конфликт же может возникнуть именно в силу того, что собеседник не согласен с таким подходом к своей личности и протестует против этого.

Такая обезличенность не вписывается в культивируемую на Западе политику, всю систему воспитания, согласно которой каждому человеку с детства внушается мысль, что он является, прежде всего, индивидуальностью. В противоположность этому русской национальной культуре больше свойственна невыделенность личности из социальной среды, что во многом

было обусловлено традиционным образом жизни, той соборностью, о которой много писали великие русские философы, считая ее одной из важнейших черт русского менталитета.

Каждое языковое сообщество может быть охарактеризовано еще с точки зрения преобладания в нем прямых или косвенных речевых актов. Сравнение немецкого и русского языков показывает, что и в этом отношении они существенно различаются. В русском очевидно преобладание прямых речевых актов, тогда как в немецком и еще более в английском в аналогичных ситуациях говорящий отдает предпочтение косвенному или даже имплицитному стилю выражения. Проявляется это в широком употреблении в русском языке императива. Подсчитано, что в русском языке даже при выражении просьбы на долю императива приходится 60%, тогда как в немецком и особенно в английском языках говорящие предпочитают косвенные речевые акты, чаще всего имплицитные, такие, как намек. М.А.Егорова приводит следующие данные: для выражения просьбы британцы лишь в 3,1% случаев используют императив, американцы в 7,48%, русские же - в 58,25% (Егорова, с. 28). Предпочтение имплицитных способов побуждения в англоязычной среде автор связывает с тем, что для говорящих в этом случае важнее забота о собственном "лице", тогда как для русского человека на первый план выходит эффективность воздействия (там же, с. 32).

Привыкших к косвенному выражению иностранцев смущает прямолинейность русского императива, в результате они начинают говорить о безапелляционности, авторитарности, резкости и даже грубости русских. Интересно, что иностранцы, опираясь на опыт общения в своем национальном сообществе, пытаются и в русском языке использовать те же языковые структуры: *Не могли бы вы быть так любезны ... Не составит ли вам труда ...*, которые в обычном бытовом общении воспринимаются носителями русского языка как высокопарные, архаичные или даже как издевательские. Главное, что они видят в них явные отклонения от социопрагматических норм и правил русского языка.

Проведенные кросскультурные исследования подтверждают, что учет таких норм чрезвычайно важен для межкультурного общения.

Литература

1. Егорова М.А. Социокультурная вариативность способов обращения с просьбой // Коммуникативные и прагматические компоненты в лингвистических исследованиях. - Воронеж, 1995.
2. Романов А.А. Типология проявлений конфликтного диалога // К юбилею ученого: Сб. науч. трудов, посвященный юбилею д.ф.н., профессор. Е.С.Кубряковой. - М., 1997.

Категория красоты в разносистемных языках (на материале английского и кабардинского языков)

Красота является ключевым аспектом в рассмотрении эстетических категорий. Содержание понятия красоты социально обусловлено, при этом различия в мировидении этносов чаще всего связаны с расстановкой акцентов, а не с кардинальными расхождениями в мировосприятии.

Категория красоты актуальна для каждого человека. Как отмечает Н.О. Лосский, «красота есть абсолютная ценность, т.е. ценность, имеющая положительное значение для всех личностей, способных воспринимать её» (Лосский, с. 33).

Для выявления культурных различий двух этносов, английского и адыгского, в их представлении о красивом необходимо рассмотрение трех языковых пластов: лексического, фразеологического и паремиологического.

Между лексемами эстетической оценки в английском и кабардинском языках существуют типовые соответствия. Так, русскому слову «красота», являющемуся доминантным в данном семантическом поле, в английском языке соответствует существительное *beauty*, а в кабардинском языке – *дахагъэ*, а слову «красивый» соответствуют прилагательные *beautiful* и *дахэ*.

Однако сочетаемость этих лексем в исследуемых языках различается. И в английском языке, и в кабардинском красивыми могут быть: лицо – *beautiful face* (красивое лицо), *нэгу дахэ* (красивое лицо); женщина [девушка, девочка] – *beautiful woman* (красивая женщина), *цыхубз дахэ* (красивая женщина); одежда – *beautiful clothes* (красивая одежда), *цыгъын дахэ* (красивая одежда); стихотворение – *beautiful poem* (красивое стихотворение), *усэ дахэ* (красивое стихотворение). В то же время нередко английское *beautiful* или кабардинское *дахэ* нельзя передать по-русски как «красивый», например: *beautiful ride* – приятная прогулка, *beautiful weather* – прекрасная погода, *beautiful patience* – отменное терпение, *псалъэ дахэ* – теплое слово, *лэху дахэ* – хорошее дело, *гъэгуанэ дахэ* – светлый путь (а не красивый путь).

Красота не обязательно является врожденным свойством человека или предметов. Она может приобретаться в процессе целенаправленного действия. В обоих языках это подтверждается рядом синонимичных глаголов: *beautify* – украшать, *embellish* – украшать, *adorn* – украшать, *prettify* – украшать, *decorate* – украшать, декорировать; *гъэдэхэн* – украшать, *гъэцлэрэцлэн* – украшать.

Как и в других языках, по-английски и по-кабардински о красоте говорят, прежде всего, имея в виду нечто зрительно воспринимаемое. Это подчеркивается и в словарных дефинициях лексем семантического поля «красота»: *beauty* (красота) – the quality of being pleasing, especially to look at, or someone or something that gives great pleasure, especially by being looked at; *sightly* (красивый, приятный на вид, видный) – pleasing to the eye, of pleasant appearance; *well-favored* (красивый, приятный на вид) – pleasing in appearance especially by reason of conformity to ideals of form and proportion; *bonny*

(красивый) – *healthy looking*; *personable* (красивый, с привлекательной внешностью) – *good-looking, handsome*; *comely* (миловидный, хорошенький) – *pleasant to look at* (usually of a person); *дахэ* (красивый) – гуаклуэ, узылпызышэ, теплэз гъуэзджэ зилэ, екly; *дэгъуэ* (привлекательный внешне) – фэ дахэ зытет, гуаклуэ; *теплэафлэ* (приятный на вид) – гурыхь, теплэз, дахэ зилэ.

Поскольку красота в сопоставляемых языках является, прежде всего, атрибутом прекрасного пола, то в каждом из них можно выделить единицы, относящиеся именно к женщине. Так, о красивой женщине англичане могут сказать: *beauty* – красавица; *pumph* (поэтич.) – красивая, изящная девушка; *peri* – красавица, *bell* – красавица; *the fair* (уст.) – красавица; *fair one* – прекрасная женщина; *a glamour girl* (разг.) – красотка, шикарная девица; *as pretty as a picture* – очаровательная, хороша как картинка; *a pretty-pretty face* – куколка, смазливое личико; *as fair as a lily* – прекрасна как лилия; *as fair as a rose* – прекрасна как роза.

Кабардинский язык также богат словами и выражениями для обозначения женской красоты: *тхьэлхухуд* – красавица, очень красивая женщина (букв.: фея: тхьэ – 'бог', луху – 'светлоустый'); *тхьэлхухудшыр* – необычайно красивая (обычно о девушке, букв.: маленькая фея: тхьэлхухуд – 'фея', шыр – 'детеныш'); *тхьэлхухуд нэзакъуэ* – писаная красавица (букв.: нэзакъуэ – 'один глаз'); *къуипцхьэ гуащэ* – красавица, куколка (букв.: кукла из кости: къуипцхьэ – 'кость', гуащэ – 'кукла'); *назычэ* – очень красивая, прекрасная (устаревшее); *тхьэрыкъуэ пцэху* – красавица, красна девица (букв.: голубка белошейка); *нэтх-пэтх* – о девушке, женщине очень красивой на лицо (букв.: написанные глаза и нос: нэ – 'глаза', пэ – 'нос', тхын – 'писать, рисовать'); *набдзэ къурашэ* – красавица (букв.: брови с красивым изгибом: набдзэ – 'бровь', къурашэ – 'с красивым изгибом'); *набдзэ зытелъым я нэхъ дахэ* – писаная красавица (букв.: красивейшая из тех, кто с бровями); *лэклэ яцлал хуэдзу дахэ* – писаная красавица (букв.: красива, словно руками вылеплена).

Но для женщины в английской культуре, равно как и в адыгской, не достаточно быть красивой только лицом. Она должна быть стройна – *shapely, having a good figure*, должна обладать длинными ногами – *long legs* и маленькими ступнями – *short feet*, тонкой талией – *small waist* и белыми руками – *white hands* с длинными пальцами – *long fingers* и, конечно же, обязательным компонентом красивой женской внешности – белой шеей, по цвету сравнимой со слоновой костью – *neck white as ivory*.

Этот же стереотип женской красоты прослеживается и в адыгской культуре. Женщина должна быть хорошо сложена – *лэхулэху* (букв.: лэ – 'руки', лъэ = льякъуэ – 'ноги', ху = хужь – 'белый, светлый') и изящна – *клантлэ*, вдобавок к белому лицу – *напэху* (букв.: напэ – 'лицо', ху = хужь – 'белый, светлый') обладать белой шеей – *пцэху* (букв.: пцэ – 'шея', ху – 'белый, светлый'), иметь осиную талию – *лэклуэцлыр зибг* (букв.: лэклуэцл – 'кулак', бгы – 'талия') и нежные, как перья, изящные пальцы – *къабзий лэнэ* (букв.: къабзий – 'птичье перо', лэнэ – 'пальцы') и, конечно же, обладать женственностью – *цыхубзыгъэ*.

Красота, являясь понятием многосторонним, изменчивым, также обусловлена субъективным характером восприятия и оценки этого явления

человеком. Об этом свидетельствуют как английские, так и кабардинские пословицы и поговорки: *Beauty is in the eye of the beholder* – Красота в глазах смотрящего (Не по хорошу мил, а по милу хорош); *Beauty lies in lover's eyes* – Красота в глазах любящего (Каждому своя милая – самая красивая); *Jack is not judge of Jill's beauty* – Джек не судья красоты Джилл (Любовь слепа); *Псэр зэхъаунсэр дахэц* (посл.) – Красив тот, в ком души ни чаешь; *Псэм флэфлыр нэм флэдахэц* (посл.) – Что приятно душе, то красиво и для глаза; *Гум флэфлыр нэм флэдахэц* (посл.) – Что мило сердцу, то и глаз ласкает; *Зэгуаклуэр дахэц* (пог.) – Красив тот, в кого влюблен.

Как видно из некоторых пословиц, и англичане и адыги, признавая и славя красоту, не утверждают абсолюта красоты, например: *Beauty is but skin deep* – Красота не толще кожи (С лица воду не пить); *Beauty are old companions* – Красота и глупость рука об руку ходят (Личико беленько, да ума маленько); *All that glitters is not gold* – Не все то золото, что блестит; *Дохэ нсори дахэкъым* (посл.) – Не все красивое красиво (не все то золото, что блестит); *Дыгъэрэ мазэрэ пэт дыркъуэ ялэц* (посл.) – Даже солнце и луна, и те с пятнами (т.е. несовершенны).

Внешняя красота никак не исчерпывает представлений человека о красоте. Красота без внутреннего содержания является пустой. Значит, главная ценность человека в его душе, характере, отношении к людям. Как для английской, так и для адыгской этики актуальны извечные общечеловеческие ценности, которые предписывают человеку быть справедливым – англ. *just*, каб. *захуэцлэ*; великодушным – англ. *generous*, каб. *гуихуэ зыклуэцлылэ*; воспитанным – англ. *well brought up*, каб. *хуицхыр*; тактичным – англ. *tactful*, каб. *цэныфлэ*; уважительным – англ. *respectful*, каб. *нэмысыфлэ*; совестливым – англ. *conscientious*, каб. *нанэ зулэ*. Именно эти качества делают полным портрет красивого человека.

О первостепенной роли внутреннего содержания человеческой красоты говорят и многочисленные пословицы и поговорки на обоих языках: *Handsome is as handsome does* – Красив настолько, насколько красиво поступает (Человека дела красят); *Virtue lives when beauty dies* – Красота умирает, а достоинство живет (Красота до вечера, а доброта навек); *A fair face may hide a foul heart* – Красивое лицо может скрывать грязное сердце (Внешность обманчива); *Напэниэ нэхэрэ нэкэапакъэ* – Лучше некрасивый, чем бессовестный (Не имей красоты, но имей совесть); *Уи дахагъэм уримытагэу, уи лэжьыгъэм ирипагэ* – Не гордись своей красотой, а гордись своим трудом; *Шы дахэ мыжэ* (пог.) – Красивая лошадь, да плохо скачет (Снаружи мило, а внутри гнило); *Дохэжылэ фымыцлэ* (пог.) – Тот, кто говорит красиво, но не делает хорошего (Речи сладки, да сам гадкий; Говорит красиво, да делает криво).

Приведенный языковой материал свидетельствует о том, что и в английской и в адыгской культуре категория красоты, отраженная в языке, прежде всего основывается на гармоничной взаимосвязи красоты внешней и красоты внутренней, а, следовательно, эстетические представления носителей этих языков связаны с этическими нормами и принципами.

Стоит отметить также, что в отличие от кабардинского языка, в котором считается уместным говорить только об одном временном состоянии красоты, её расцвете – *дахэгъуэ*, в английском языке встречаются такие обозначения как, *a ripe beauty* – зрелая красота, *beauty waning* – увядание красоты и такие выражения как *age before beauty* – букв.: возраст перед красотой, *age after beauty* – букв.: возраст после красоты.

Кроме того, следует обратить внимание на наличие в современном английском языке большого числа слов и выражений, относящихся к так называемой “индустрии красоты”, например: *beauty-parlor* – косметический кабинет, *beauty salon* – косметический кабинет, *beauty aids* – косметические средства, *beauty box* – косметический набор; *beauty competition* – конкурс красоты, *beauty consultant* – косметолог, *beauty doctor* – косметолог, *beauty cream* – косметический крем, *beauty mask* – косметическая маска, *beauty culture* – косметика, массаж, парикмахерское дело и т.п., *beauty culturist* – косметолог, *beauty preparations* – косметика, средства ухода за кожей.

В кабардинском языке количество подобных слов весьма незначительно, и они не отражают отношения к красоте в современном обществе, например: *гъуджэ-мажэ* – женские туалетные принадлежности (зеркало, расческа и т.д.), *напэцыхуэ* – крем для лица – крем для лица, *хупэцыхуэ* – губная помада, *набдэццлэч* – пинцет.

Факт такого существенного различия можно объяснить более ранним появлением перечисленных атрибутов красоты в английской культуре по сравнению с адыгской. Все эти явления, предметы и их наименования проникают в адыгскую культуру и язык только через русскую культуру и русский язык, тогда как Англия по праву может считаться одним из неизменных законодателей в области красоты и моды.

Литература

1. Лосский Н.О. Мир как осуществление красоты. М., 1998.. Адамчик. Большой англо – русский словарь.- Минск, 1998.

А. А. Ткаченко
Тамбов

Сравнительное описание речи пользователей русскоязычного и немецкоязычного чата

В последние десятилетия развилось и расширилось новое средство коммуникации, которое в состоянии изменить наше общество так же, как это уже сделали телефон и телевидение. Речь идет о все более разрастающейся международной компьютерной сети. Интернет перестал быть просто системой хранения и передачи сверхбольших объемов информации и стал сферой жизнедеятельности огромного числа людей. Его возможности, такие как оперативность, быстрота и доступность связи между пользователями на дальних и близких расстояниях, позволяют использовать Интернет не только



как инструмент для познания, но и как инструмент для общения представителей разных культур.

Являясь новой сферой общения людей, Интернет, как ни одно другое социально-техническое образование, отражает в наибольшей мере все то, что имеет место в реальной жизни человечества. Однако это отражение проходит сквозь призму тех ограничений, которые накладывают особенности виртуальной коммуникации. Общение в чате протекает синхронно, что характерно и для реальной устной коммуникации, но наряду с этим коммуникантам приходится осуществлять свои речевые действия в графическом виде.


Объектом данного исследования послужили фрагменты русскоязычного чата <http://chat.mail.ru> в виртуальном канале «Москва» и немецкоязычного чата на сайте www.chat.de в виртуальном канале «Nordrhein-Westfalen».

Приветствие и прощание являются неотъемлемой частью общения в чате. С их помощью чаттер сигнализирует свое присутствие в виртуальном канале и готовность общения. Формы приветствия и прощания, которые были выделены из анализируемых фрагментов чатов, мы разделили на несколько типов:

1. Формы приветствия и прощания, которые характерны для естественной устной коммуникации: в русскоязычном чате – «*Алиненко: накаченный: здаров*», «*щщ любовь он24: всем пока, будьте умничками, не шалите многа*», в чате www.chat.de – «*boxershortssuchtstring: hallo flocke*», «*Wikinger33: nabend*», «*Flocke_28: Guten Abend zusammen*».

2. Формы приветствия и прощания, которые характерны для естественной устной коммуникации, однако отличаются от них тем, что они направлены на определенную группу пользователей, находящихся в данный момент в комнате чата: в чате <http://chat.mail.ru> – «*User84 : Девушки привет*», «*skorpic : привет Москва!!!!!!!!!!!!!!*» (поскольку анализируемый фрагмент русскоязычного чата был зафиксирован в виртуальном канале «Москва», то можно предположить, что чаттер адресует свою реплику всем пользователям, находящимся в данный момент в этом канале), в немецкоязычном чате – «*TGB so bin jetzt weg zur arbeit bis die tage tööööööööööö*  *die süssen*  *die herren*».

3. Формы приветствия и прощания, которые характерны для синхронной виртуальной коммуникации: в русскоязычном чате – «*LoVe : трям*», в немецкоязычном – «*Duedorfer: huhu*», «*Bunny_Bernd_2004: cu dann ..Schlaf gut*» (англицизм «cu», характерный для коммуникации в чате, расшифровывается как «see you»-«увидимся», включается в реплику в качестве полноценного выражения и дополняется немецким словом «dann»).

4. Формы, описывающие прибытие и уход чаттера из виртуального канала: в чате <http://chat.mail.ru> – «*Ослик : ушел*», в чате www.chat.de – «*jessieohneNick wieder da is.....*», «*Duedorfer: ich auch wieder da bin*», «*angyuu so, ich bin denn auch mal wech* ». Примечательно, что подобные

реплики адресованы другим чаттерам и имплицитно также обозначают приветствие и прощание. При этом в части из них, как в русскоязычном, так и в немецкоязычном чате, чаттер описывает себя как бы со стороны, используя глагол в форме третьего лица и присоединяя его морфосинтаксически к псевдониму, который автоматически сопровождает любое сообщение пользователя в общем окне сообщений: « Ослик : *ушел* », «*jessieohneNick wieder da is.....*».

Стоит отметить, что пользователи русскоязычных чатов довольно редко используют такую форму глагола для описания действия и состояния. Поэтому в исследуемом нами фрагменте чата мы встретили лишь один случай подобного употребления глагола, приведенный выше. Однако в немецкоязычном чате подобное явление встречается довольно часто. Немецкие исследователи обозначают его термином «infinite Verb-Letzt-Konstruktion» (Runkehl, с.109), который можно перевести как «неопределенные конструкции с глаголом на последнем месте»: «*kleine nervensaege1987 *zum farmä renn.....was sagst du mit mir faust zeig** ». Они происходят из языка комиксов и представляют собой описание действия или состояния. Особым случаем таких конструкций является отдельное употребление одной глагольной основы, как в сообщении «*Farmer_Boy ich ess Fleisch nur noch Fleisch*sing**», где глагольная основа выделяется звездочками «*sing*».

В русскоязычных чатах динамическое описание действия и состояния реализуется дееспричастием. Так, фразу «**zum farmä renn.....was sagst du mit mir faust zeig**» на русский язык можно было бы перевести как «(подбегая к фермеру)...ну и что ты теперь мне скажешь (показывая кулак)». Однако такая форма также, по всей видимости, не прижилась в большинстве русскоязычных чатов и используется довольно редко.

Можно предположить, что описанная выше грамматическая конструкция в дальнейшем будет применяться и в сфере реального устного общения в немецком языке. Но чтобы подобная форма динамического описания действия и состояния смогла закрепиться в языке, требуется гораздо больше времени по сравнению со временем существования чата. Отметим, однако, что в немецком языке сетевой коммуникации неопределенные конструкции с глаголом на последнем месте занимают свою нишу и являются порой неотъемлемой частью общения чаттеров.

Одной из главных особенностей речи чаттеров как в русскоязычных, так и в немецкоязычных чатах, является фонетическое написание слов.

В чате www.chat.de это явление проявляется, прежде всего, в фонетическом написании региональных особенностей. Высокая степень региональной окрашенности речи чаттеров говорит об их стремлении приблизить общение в чате к естественной устной коммуникации. В большинстве случаев региональные фонетические явления, как в устной, так и в письменной форме, упрощают процесс производства реплик, что ведет к экономии времени. Использование регионализмов придает общению в чате живость и привлекательность реального общения.

Так как исследуемый фрагмент чата был зафиксирован в канале «Nordreihn-Westfallen», то в большинстве случаев можно говорить о признаках

данной географической области, где язык подвергается влиянию явлений, характерных для «Ruhrgebiets-Deutsch» («немецкий язык региона Рура»).

Одной из главных фонетических особенностей немецкого языка данной области является вокализация «г» в конце слога после гласной. Несмотря на то, что и в литературном немецком языке наблюдается данная тенденция, в языке региона Рура такое произношение проявляется в гораздо большей степени. Также и в чате присутствует фиксация данного фонетического явления: «NoseDigger imma diese Werbung tztztztz 😊», «NoseDigger alle voll am abdrehn hia 😊», где в словах «imma» и «hia» сочетание букв «eg» заменяется звуком «a».

Для языка данного региона характерно также произношение буквы «g» в конце слога после краткого, долгого или двойного гласного как звука «ch». В сообщениях «andib: tach auch» и «KÜCKEN ich muß mal wech vivi geht es nicht gut ich muß mal eben wech mit der zum doc aber ich komm danach mal wieder» описанное фонетическое явление присутствует в фиксации чаттерами слов «tach» и «wech».

Одной из бросающихся в глаза особенностей, учитывая вышеприведенные примеры «смягчения» некоторых звуков, является отверждение согласного в некоторых словах. В чате присутствуют все случаи отражения данного явления. Отверждение «s» на «t» или «d» в словах «das», «was», «es»: «Shalii: sacht dat doch eyy 😊», «Bonzai: goldy? Tech?????wann dad denn????», «NoseDigger wat mach ich?», «Bonzai andi???? 😊 ZWERGE bringen et nich 😊 *loooooooooooooooooooooooooooooooooooooo* ». Изменение произношения «chts» на «x» в слове «nichts»: «NoseDigger macht doch nix». Или же «icht» на «et» в слове «net», которое репрезентировано в сообщении «Julschen: geh mir net aufn sack penner».

Кроме того, была обнаружена тенденция присоединять определенные и неопределенные артикли к стоящим перед ними предлогам и союзам: «Farmer_Boy wer is schon morgens steif wien Brett?*sing*», где «wien» расшифровывается как «wie ein»; «Julschen: ma durchn paar channels hüpfän muss», «durchn» - обозначает «durch ein». Присоединение определенного артикля мы наблюдаем в сочетании «aufn» («auf den») сообщения «Julschen: geh mir net aufn sack penner». Здесь явление экстраполяции проявляется более ярким образом, чем в литературном немецком языке. Таким образом, становится очевидным, что в некоторых случаях обозначение рода существительного, к которому относится данный артикль, представлено имплицитно, так как формальная фиксация «n» совпадает у неопределенного артикля «ein» (форма среднего рода в аккумулятиве или номинативе) и у определенного артикля «den» (форма мужского рода единственного числа в аккумулятиве).

Немецкие исследователи отмечают, что для немецкой устной речи характерна ассимиляция конечного слога в некоторых словах (Bethge, с. 18; Mihm, с.19). Это явление мы встречаем в качестве письменной фиксации и в исследуемом фрагменте чата www.chat.de: «Bunny_Bernd_2004: hab mein ersten Namen von .chat.de verändert». Однако в данном случае речь уже идет не об

особенности речи в немецкоязычном чате, поскольку, как утверждает Йоханнес Швиталла, апокопа [-en] оказывает влияние не только на устную, но и на письменную немецкую речь. Все чаще можно встретить и в письменной речи написание неопределенного артикля «ein» в случае, когда имеется в виду «einen». Такую форму, например, использует переводчик при переводе партии в опере: «*Schicke ein Boten zu Tarvinius*» (Schwitalla, с. 39).

Местоимения, стоящие после глаголов, присоединяются к ним и укорачиваются: «*chatsüchtige: so schwierig isses hier doch nicht*», «isses» сокращение для «ist es»; «*kandib: hasse noch beisserchen auf der kante?*», «hasse»

обозначает «hast du»; «*chatsüchtige: willste hier rumfentern oder chatten?* 😊», «willste» является регионально окрашенным сочетанием «willst du».

Особым случаем региональных фонетических особенностей явилось изменение мягкого звука «ch» на «sch» в сообщениях: «Shalii: *DAT BIN ISCH*», «*Hannah_17 mir is langweilisch*».

Наличие редукции присутствует также в словах «ma» (редукция звука «l» в слове «mal»): «*kleine_nervensaege1987 moom ma*»; редукция «e» в безударной позиции в слове «übersehen»: «*NoseDigger habsch was übersehn?*»; отсутствие суффикса «t» в словах «ist» и «bist»: «*NoseDigger lol der Intelligenzquotient von manchen Leuten is echt unter 0* 😊», «Shalii: *du bis doof* 😊».

Фонетическое написание редукции, характерной не только для данного региона, можно отметить в сообщении «Sir_McFly1979: Wünsche euch allen noch nen schönen Abend», где слово «nen» является редукцией для слова «einen».

Региональным явлениям в немецкоязычном чате соответствуют просторечные формы в русскоязычном, которые представлены, однако, менее разнообразно. Можно предположить, что в чате <http://chat.mail.ru> эти формы, в отличие от фонетического написания регионализмов в немецкоязычном чате, носят скорее игровой характер, что можно проследить на примере следующих сообщений: «*((((ПАШКА ШУМ))) : ну хде невесту мне искать!!!!!!!!!!!!!!*», «*((((ПАШКА ШУМ))) : ЧЕХ (skarface): не я некочу!! и так все в тумане)))))))))))))) пасибо ромк) ЧЕХ (skarface) : (((ПАШКА ШУМ))) : как кошь», «*User84 : NeoNka)) : счаз узнаем*». Отметим, однако, что подобное написание носит скорее единственный характер.*

Наблюдаются также и устоявшиеся формы фонетического написания слов в сообщениях чаттеров, которые позволяют пользователю не только привнести в общение игровой характер, упростить его, но и сократить время напечатывания реплики: «*КРОШКА: Анюта: када?*», «*Морф : Vee_Master@: Малыш - даря тока кофе пьет и тока со мной*», «*Чуть пьяная на шипильках: ну и че тут...интересного происходит?*», «*Алиненко : накаченный: скак лет?*».

Порой исследователю бывает трудно определить, задумал ли пользователь напечатать то или иное слово с какими-либо изменениями, или же просто допустил ошибку. То есть можно ли говорить в том или ином случае об особенностях речи пользователей, или же речь идет о неграмотности пользователя, или об опечатке: «*((((ПАШКА ШУМ))) : НЕ ВЕРЬТЕ*

САМОЗВАНКЕ ПОД МАИМ НИКОМ», «ищу любовь он24 : всем пока, будьте умничками, не шалите много», «SERDG : ЕСТЬ ДЕФЧОНКИ ! от 10-15 лет? ЕСТЬ ДЕФЧОНКИ ! от 10-15 лет?».

Поэтому при исследовании речи в коммуникации в чате стоит обращать внимание на частотность использования пользователями тех или иных изменений, а также учитывать возможные варианты опечаток. Исследователь Михаэль Байсвенгер выделяет 4 типа опечаток, характерных для коммуникации в чате: 1. когда вместо задуманной буквы при большой скорости создания реплик печатается другая, находящаяся рядом на клавиатуре – . „Ingeborbbachmann“ вместо „Ingeborgbachmann“.; 2. когда случайно набирается лишняя буква – „wiederbelkomme“ вместо „wiederbekomme“; 3. когда в ходе напечатывания сообщения какая-либо клавиша на клавиатуре нажимается слишком интенсивно, или же слишком слабо, что приводит к повторению или отсутствию нужной буквы в слове – „anffangen“ вместо „anfangen“; 4. когда пользователь бессознательно при большой скорости создания реплики меняет буквы местами – „soweі“ вместо „sowie“ (Beißwenger, с. 74).

Таким образом, пользователи русскоязычных и немецкоязычных чатов используют частично сходные языковые формы для выражения своих мыслей, эмоций и состояния, употребляя в новом виртуальном пространстве языковые средства, которые им уже были знакомы из реальной жизни, из их родного языка. На данный момент можно выделить в каждом из языков определенные устоявшиеся способы написания тех или иных слов, которые характерны преимущественно для виртуальной синхронной коммуникации, как коммуникации письменной по форме и устной по содержанию.

Литература

1. Beißwenger, Michael: Kommunikation in virtuellen Welten: Sprache, Text und Wirklichkeit. –Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2000.
2. Bethge, Wolfgang: Beschreibung einer hochsprachlichen Tonbandaufnahme. =Phonai, Beiheft 1. –Tübingen, 1973.
3. Mihm, Arend: Die Realität des Ruhrdeutschen – soziale Funktion und sozialer Ort einer Gebietssprache. In: Ehlich, Konrad u.a. (Hgg.): Sprache und Literatur an der Ruhr. Essen, 1995. – S. 15-34.
4. Runkehl, Jens: Sprache und Kommunikation im Internet: Überblick und Analysen / Jens Runkehl; Peter Schlobinski; Torsten Siever. – Opladen; Wiesbaden: Westdt. Verl., 1998.
5. Schwitalla, Johannes: Gesprochenes Deutsch: Eine Einführung. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2003.

Поэтические образы и художественные параллели как способы передачи горестного чувства в английской и русской лирике

Поэтические образы и художественные параллели для выражения горестного чувства широко используются в лирике русских и английских поэтов, что обусловлено жанровой природой лирики, особенностями ее содержания. Посредством образов природы не в их прямом, а в переносно-поэтическом значении, выражаются всевозможные переживания не только в песенной и народной лирике, но и в лирике в целом.

Поэтический образ (или художественный символ) – это художественное изображение явлений или предметов окружающего мира через другое, более конкретное явление, путем их сравнения, уподобления. Например, *плачущий сад у Пастернака – образ человеческой тоски, смятения*. Материалом для поэтических образов служит объективный реальный мир, прежде всего весь окружающий человека мир природы (солнце, ветер, река, горы, растения, птицы), некоторые виды трудовой деятельности (сеяние, поливание, охота) и обрядовые действия. В основе создания поэтических образов в народной лирической песне лежит сопоставление (на основе подмеченных общих черт и признаков) явлений из человеческой жизни с предметами и явлениями из мира природного, выражение одного при помощи другого.

Поэтические образы птиц и животных, встречающиеся у русских и английских поэтов, как правило, различаются:

- Образом печальной девушки или горькой женской доли, как правило, в русских песнях выступает серая кукушка. Есть даже цветок ятрышник, в народе называемый «кукушкиными слезками», так как считалось, что черные пятнышки на лепестках – это следы слез кукушки, которые она пролила от горького одиночества, скучая по своим деткам. *На травушке тропинушка пролегала; / На тропинушке калинушка выростала; / На калинушке кукушечка куковала. (А.И. Соболевский)*
- У англичан в образе печали и уныния выступают черная собака (*black dog*), олицетворяющая колдовство, дьявольскую силу, смерть, и черный бык (*black ox*), которого в древности приносили в жертву Плутону.
- Ползущая змея, подколотная змея ассоциируется у русских поэтов с тоской, кручиной. *Извела меня кручина, / Подколотная змея! (С.И. Стромиллов)*
- Черный дрозд, черный ворон, голуби и жаворонки – предвестники горя и печали в английской лирике. *The blackbirds and thrushes sang in the green bushes/ The wood doves and larks seemed to mourn for the maid (Eng.folk song); There were three ravens sat on a tree,/ They were as black as black might be(Eng.folk song)*

В некотором смысле сходно используется в русской и английской лирике лишь образ лебедя –

- Согласно одной английской легенде, дети Лиры (отца моря) превратились в белых лебедей и все думали, что они погибли, с тех пор лебедь – образ печального ожидания, горького извещения. *Tells to the night-star her tale of woes/ When shall the swan, her death-note singing/ Sleep with wings in darkness furled?* (Eng.folk song) Образ печального, одинокого, умирающего лебедя встречается и в русской лирике, есть даже выражение «лебединая песня». Древнее поверье гласит, будто лебедь поет раз в жизни – перед смертью. *И когда блеснули звезды дальние,/ И когда туман вставал в глуши,/ Лебедь пел все тише, все печальнее,/ И шептались камыши.* (К. Бальмонт)

Еще шире, чем образы птиц и животных, в лирических произведениях представлены образы растительного мира. Например:

- берёза, на которой сидит кукушка, калина с опустившимися ветвями, горькие ягоды калины, листья явора (белого клёна, произрастающего во влажной местности), сосна, горькая осина – это образы печальной девушки в русской лирике. *На калине соловей-птица сидит,/ Горьку ягоду-калинушку клюет.* (П.В. Шейн) *На севере диком стоит одиноко/ На голой вершине сосна* (М. Лермонтов).
- рябина – образ тоскующей, одинокой женщины в русской поэзии, *Что шумишь, качаясь, / Тонкая рябина, / Низко наклоняясь, / Головою к тыну?* (И. З. Суриков), а в английской лирике, образы рябины и ясеня передают чувства легкой грусти, ностальгии, *Oh rowan tree, oh rowan tree,/ Thou l't aye be dear to me. Each step wakes a memory, as freely I roam / The ash grove, the ash grove alone is my home.* (Eng.folk song)
- шелест камышей у русских поэтов указывает на горестное чувство. *И, вздох повторяя погибшей души,/ Тоскливо, бесшумно шуршат камыши.* (К. Бальмонт)
- сломанный дуб в некоторых английских лирических песнях означает горькое разочарование, печаль. *I leaned my back up against some oak,/ Thinking it was a trusty tree./ But first he bended then he broke,/ So did my love prove false to me* (Eng.folk song).
- колючки у английских поэтов – образ всего того, что приносит страдания, горестные мучения, как и терновый венок на голове Иисуса Христа. *And the heart that is soonest awake to the flowers,/Is always the first to be touched by the thorns* (Eng.folk song).

Раскрытие содержания образов в русской лирике показывает, что их подавляющее большинство никак не связано с выражением религиозных представлений. На английской лирике лежит отпечаток древнегреческих легенд, религии и цветовосприятия.

Художественный параллелизм - основной прием устного лирического творчества, который сводится к сопоставлению явлений душевного мира с явлениями природы. Например, у А. Пушкина «*унылая пора! очей*

очарованье!» - осень. Увядание природы, «прощальная краса», падение листьев, постоянные дожди, напоминают человека, пребывающего в печали (или в «осеннем настроении»). *Скоро Осень проснётся —/ И заплачет спросонья.* (К. Бальмонт) *Она же в поблекшей аллее/ Блуждает печальна, как осень.* (К. Н. Лёдов)

Некоторые лингвисты считают, что параллелизм возник из анимистического мировоззрения, согласно которому природа представляется обществом живых существ, подобным патриархально-родовой общине людей. Другие доказывают, что сопоставление человека (его действий, чувств и мыслей) с природой было уже не проявлением анимистического мирозерцания, а поэтическим приемом (хотя генетически и восходящим к древнему анимистическому мышлению) (Лазутин).

И в русской, и в английской лирике параллели, отражающие горестные чувства, имеют ярко выраженное сходство, создают определенный эмоциональный колорит. Видимо, это объясняется близостью всех людей к природе. Отражаются в поэзии, например, солнце и небо, закрытое тучами; закат и сумерки; дождь; туман; сильный, воющий ветер; бушующее море; роса на траве: *Ах! не туча развилася, / Льёт не сильный дождь, гроза — / То по друге пролилася, / Горькая моя слеза.* (Н. П. Николаев) *Не схаживать туману со сияя моря, / Злой кручинушке с ретива сердца* (П. В. Киреевский) *И черные волны, вздымаясь бушуют, / И тяжкие вздохи грудь белу волнуют.* (В.А. Жуковский) *А еще грустней багрец/ Потускневшего заката.* (Я. Хелемский) *Сумерки./ Тоска в душе такая, / Что часы остановили ход.* (А. Яшин) *As night dew that weeps/ On the grave o'er his head* (Eng.folk song); *Mild the mists upon the hill, / Telling not of storms tomorrow; / No; the day has wept its fill, / Spent its store in silent sorrow* (E. Bronte) *The twilight is sad and cloudy/ The wind blows wild and free/ And like the wings of sea-birds/ Flash the white caps of the sea.* (Longfellow) *Tears of despair from the weeping sky, / Falling to the earth beneath, / And o'er the gloomy heath/ Hangs a misty pall of death* (Eng.folk song). Падение веток, листьев; наклонение деревьев, цветов к земле; увядание цветов; шум и колыхание листьев также говорят у русских и английских поэтов о печали, грусти, разлуке и тоске: *Как цветочек от засухи/ Увядает, / Так и сердце без подруги/ Унывает.* (П. М. Кудряшов) *По-под лес шла, млада, — на древах листья шумят;/ Шумят-гремят листочки, осиновы говорят* (рус. нар. песня); *Белая моя березонька, приклонясь к земле, стоит, / На эту белу березоньку солетались птиицы, / Птиицы — горяицы* (А. И. Соболевский). *And if you come, when all the flowers are dying/ And I am dead, as dead I well may be* (Eng.folk song). И в английской, и в русской поэзии человек обращается к водной стихии, ветру, птицам, чтобы излить своё горе и тоску, как будто хочет таким способом избавиться от них, утопив в воде или развев по ветру: *Унеси моё ты горе, / Быстро реченька с собой!* (Ю. А. Нелединский-Меледский) *Волга — реченька глубока!/ Прихожу к тебе с тоской;/ Мой сердечный друг далеко, / Ты беги к нему волной.* (рус. народ. песня) *Полно, сизенький кружиться, / Голубочек надо мной!/ Лучше в даль тебе пуститься, / Вдаль ... туда, где милый мой.* (Н. П. Николаев) *O blow ye winds over the ocean, / And bring back my Bonnie to me.* (English song)

В английской литературе на печаль указывает еще тишина и пустота; пустошь; волны, бьющиеся о скалы; вой собаки; а в русской – мутная вода; жемчуг; луна; звезды; горы (скалы); поле и равнины: *Deserted is my own good hall, / Its hearth is desolate/ Wild weeds are gathering on the wall, / My dog howls at the gate (G.G.Byron); Heavy the beat of the weary waves/ Falling, falling, o'er and o'er upon the rocky shore,/ When he comes no more alas! (Eng.folk song). И в первый раз не кровь вдоль по тебе текла,/ Но светлая слеза – жемчужина страданья. (М. Ю. Лермонтов) Месяц матовый взирает,/ Месяц горькой грусти полон (К. Бальмонт). Звезда вечерняя, печальная звезда,/ Твой луч осеребрил увядшие равнины, / И дремлющий залив, и черных скал вершины (А. Пушкин).*

В заключение заметим, что поэтические образы и художественные параллели в русской лирике указывают в большинстве случаев на наиболее острое горестное чувство тоски, а в английской на более размытое горестное чувство печали, что свидетельствует о национальной специфике переживания горестного чувства.

Литература

1. Лазутин С. Г. Вопросы поэтики русской народной песни // Славянский сборник. - Воронеж, 1958, вып. 2, филол. - С. 185-196.

О.И. Палагина
Воронеж

Вещественные коннотации понятий ум, разум /esprit, intelligence, raison в русском и французском языках

Предметом рассмотрения в данной статье является вещественная коннотация, связанная со способностью отвлеченного существительного «иметь такую лексическую сочетаемость, как если бы оно обозначало некоторый материальный предмет, и поэтому в мысленном эксперименте может быть воспринято как конкретное существительное, обозначающее этот предмет». (Успенский, с.147). Важными являются следующие положения, связанные с представлением о вещественной коннотации. 1. Вещественная коннотация сопровождает абстрактное понятие, реализуя его в конкретном образе. 2. У абстрактного понятия существует несколько различных вещественных коннотаций. 3. Вещественная коннотация свидетельствует о мифологизации современного сознания. 4. Она проявляется в общезыковых метафорах. 5. Вещественная коннотация не осознается носителями языка, образуя метафорический концепт понятия, который выявляется путем реконструкции. 6. Вещественная коннотация существует не в индивидуальном подсознании, но в коллективном, отражая специфику того или иного этноса.

Нами осуществлена попытка представить национальные особенности интерпретации таких понятий, как *ум, разум и esprit, intelligence, raison* в русском и французском языках через их вещественную коннотацию. Сначала описываются русские понятия, затем французские, считающиеся переводными

эквивалентами заданных русских понятий, после чего проводится контрастивный анализ значения и выявленных из метафорической сочетаемости вещественных коннотаций, сопровождавших понятие в двух языках, устанавливаются различия в семантике единицы одного языка в сравнении с возможными соответствиями.

В древнерусском и старославянском языках слово **ум**, зафиксированное с XI века, означало ум, душу, мысль и понимание. В. Далем **ум** понимается как земная и приземленная человеческая способность, отмеченная несовершенством всего исключительно человеческого (Даль, с.1019). Этот аспект понятия **ума** практически исчез в современном русском сознании. Ум ассоциируется в первую очередь со способностью человека принимать решение, т.е. порождать новое знание. Сочетаясь с большим количеством слов, **ум** мыслится неодушевленным и имеет такие вещественные коннотации, как 1) **ум** как инструмент или как ресурс, (его можно) занять, им можно понять (его может хватить / не хватить), связь **ума** с идеей практического действия отчетливо видна по его дериватам «умение» и «уметь»; 2) **ум** как твердь, как основа, на которой стоит человек (например, сойти с ума, свести с ума означает лишить его почвы под ногами); 3) **ум** как вместилище (держат в уме, считать в уме, ума палата).

Синоним слова **ум** – **разум**, это слово латинского происхождения и не слишком употребительно, т.к. восходит к чуждой для обыденного сознания античной традиции (Головановская, с.137). Эти синонимы, по мнению Е.В. Урынсон, различаются по смысловым признакам (в слове **ум** – акцент на получении знания, выработке качественно нового знания, **разум** – на результате этого процесса. **Разум** акцентирует достигнутое понимание, ассоциируется с хорошо известным знанием и высшими этическими ценностями) (НОСС, с.967). Установить происхождение вещественной коннотации помогает (наряду с данными психофизиологии и этимологической памятью слова) мифология (Головановская, с.26). Образы мифологического сознания могут быть реконструированы в сказке. Семантический анализ русской народной сказки выявляет ряд интересных фактов относительно употребления слова «**разум**» (*оставить не в разуме, попытать разум, надумать не своим разумом, бойкий разумом, потягаться разумом, испытать разум* - см., напр., сказку «Мудрая дева»). Хотя в современном языке понятие **разум** не слишком активно с точки зрения сочетаемости и жизни в языке, анализ образцов мифопоэтического творчества говорит об обратном.

Вещественная коннотация (**разум**) может быть чужим; он сродни силе, тот, кто им обладает, смел, ловок и находчив; его можно испытывать, проверять) помогает разглядеть специфическое, поскольку в ней в более яркой форме, чем в словарных определениях, выражена суть понятия – определение **разума** как инструмента.

Значение **esprit** эволюционирует от значений «суть нетелесной жизни человека, душа» (X век), «дыхание, ветер, воздух, дыхание, посланное богом», «сознание, совесть», «нематериальное существо, призрак» (XII век) до значения «настроение, характер» и обозначения «легкости», точности, тонкости ума, остроумия и интеллектуального дара» (XVI век) (DHLF). Эта

эволюция позволяет явственно увидеть колебание значения между рациональным и эмоциональным полюсами.

На основании сочетаемости выделяются следующие вещественно-образные коннотации 1) *esprit* как некоторый предмет и инструмент, машина из металла, которая может заржаветь (*rouiller l'esprit*), он может быть игольчатым (*épineux*), треснутым (*fêlé*), его можно чинить (*faire réparation à l'esprit*), его можно держать в кармане (*dans sa poche*); 2) *esprit* ассоциируется с одушевленным существом, живущим внутри человека, которое крайне эмоционально, его можно успокоить/беспокоить (*calmer/troubler*), развращать (*dépraver*), путать (*se brouiller l'esprit*), прогуливать (*promener son esprit sur*); 3) *esprit* ассоциируется с некоторой емкостью, находящейся внутри человека, которая может быть пустой, ее можно открывать, из нее можно извлекать, ее можно затемнять, освещать (*ouvrir, enlever qch de son esprit, éclairer, obscurcir l'esprit*); 4) *esprit* связан с образом некоего органа, который можно бинтовать (*bander l'esprit*), затыкать (*boucher l'esprit*), он может быть слабым (*faible*), вялым (*veule*); 5) во французском языке акцентируются практические качества *esprit*, частая ориентированность его на прагматическое действие, связанное с зарабатыванием денег (*avoir de l'esprit en argent comptant* «иметь ум в наличных деньгах», «деловой ум» (*esprit des affaires*); 6) различным ситуациям соответствует свой склад ума — духа: командный (*esprit d'équipe*), дух справедливости (*esprit de justice*).

Французская волшебная сказка представляет благодатный материал для исследования коннотаций, сопровождающих понятие *esprit*. Так, например, в сказке Ш.Перро «*Riquet à la houppe*», повествующей об уродливом, но умном принце, наделившем благодаря своему дару свою прекрасную, но глупую возлюбленную тонким умом, слово *esprit* представлено в следующих сочетаниях (*être plein d'esprit, donner un peu d'esprit, du côté de l'esprit, entendre des choses pleines d'esprit, l'avantage de l'esprit, avoir beaucoup (assez, le plus) d'esprit, être mécontent de son esprit, réfléchir sur toutes les bonnes qualités de son esprit*). Принимая во внимание то, что в 16 веке за словом *esprit* закрепилось значение «легкость, точность и тонкость ума, остроумие», а волшебные сказки Ш.Перро появились в 1697 году, то под *esprit* следует понимать именно данное значение. Т.к. некоторые сочетания представляют количественную характеристику *esprit* (*beaucoup, peu, assez, le plus d'esprit*), следует предположить еще одну вещественную коннотацию: ассоциация *esprit* не только с емкостью, но и с ее содержимым. Кроме этого, сочетание *les bonnes qualités de son esprit* направляет к мысли о том, что существуют, очевидно, *les mauvaises qualités*.

История значения слова *intelligence* свидетельствует о связи этого слова с идеей понимания и с причастностью к элитарному скрытому знанию. *Intelligence* сначала обозначало способность понимать, затем во множественном числе «дипломатическую информацию» и «людей, засланных в лагерь противника». *Intelligence d'Etat* приобрело значение «человек, играющий в государстве особую роль», затем «человек, отличающийся умом».

В средние века аллегорически разработанное Чезаре Рипо понятие *intelligence* представляет юношу, раздетого в золотые одежды (золото

подчеркивает чистоту, т.к. это чистейший из металлов), на голове корона и венок из горчичника (от горчицы горит рот и очищается, проясняется мысль). В правой руке он держит скипетр (символ власти, которую он имеет над всеми страстями души и против слабой воли). Левой рукой он указывает на орла. Ум побеждает летящего орла – самую сильную из всех птиц. Волосы юноши светлы, из макушки бьет пламя (огонь – естественное желание знать).

У этого же автора еще одно описание характеризует *intelligence* как защиту, украшение и оружие (Головановская, с.152). Следует обратить внимание, что умный человек (во французском представлении) – тот, кто умеет разумно (логично) и красиво говорить.

Благодаря сочетаемости слово *intelligence* ассоциируется с двумя довольно ясно прочитываемыми коннотациями: живым существом, живущим в мозгу (*le cerveau – siège de l'intelligence*), функциями которого являються проникновение в объект и овладение им, и фабричным механизмом (*tendance fabricative de l'intelligence, intelligence est une machine à fabriquer les systèmes d'abstraction*). Образ *intelligence* как машины, порождающей абстрактные схемы, создан по аналогии с одной из коннотаций *esprit*. Связь понятия *intelligence* с идеей понимания просматривается в известном высказывании Андре Жида: «*Il faut de l'esprit pour bien parler, l'intelligence pour bien écouter*».

Raison обычно воспринимается как эквивалент русского *разума*. Особенности этого понятия в том, что оно связывается непосредственно с действием, а не с состоянием человека, за ним не проглядывается «души», а только лишь конкретный этимологически мотивированный образ счета, расчета, эталона, не допускающего множественность трактовок. Так же как и *esprit*, и *intelligence, raison* – не инструмент, а качество человека, это то, к чему взывают, *raison* – данность, а не творение человека, созданное им для определенных целей.

Таким образом, контрастивный анализ русских и французских понятий позволяет заключить, что в русском языке центральным понятием является *ум*, во французском – *esprit*. *Ум* – это инструмент, которым человек добывает новое знание. *Esprit*, этимологически связанное с «духом и дыханием», является мыслящим и чувствующим началом. *Esprit* – не инструмент, а сущность человека, равно как и *intelligence*, делающее акцент на идее понимания, и *raison*, связанное с конкретным эталонным практически направленным действием человеческого разума. Во французском языке не обнаруживается точного эквивалента русскому *уму*. Русский *ум* и *разум* не имеют такой особой классификации и стратификации, как французское *esprit*, и такой особой выделенности и разработанности понятия практического ума, имеющего во французском языке возможность образно ассоциироваться с наличными деньгами. Такая отмеченность присутствует во французском языке во всех словах, обозначающих орган мышления. В русском же языке нет ни особой классификации, ни особой отмеченности ни одного из понятий, а слово *разум*, наделенное прежде большими возможностями, чем теперь, не образует понятийно-образных рядов.

В заключении следует отметить, что методом контрастивного семантического анализа реконструируется культурная коннотация.

Реконструкция происходит путем привлечения историко-этимологического контекста, современной метафорической сочетаемости и метафорической сочетаемости того или иного слова в мифопоэтических текстах. Последнее позволяет проводить коннотативное сопоставление, еще более рельефно обозначающее национальную специфику.

Литература

1. Головановская М.К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка. – М., 1997.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Под ред. проф. И.А.Бодуэна де Куртенэ. В 4-х томах. Т.IV. – М: Цитадель, 1998.
3. Новый объяснительный словарь синонимов. – М., 1995. - НОСС
4. Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. Вып. 11. – М., 1979.
5. Dictionnaire historique de la langue française. - P., 1992. - DHLF

В. В. Детинкина

Ижевск

Рекламные тексты как источник контрастивного исследования

Коммуникация в жизни современного человека в значительной мере связана со средствами массовой информации и, в частности, с рекламой. Под влияние рекламы попадают все живущие и работающие в современном мире.

Несмотря на многообразие научных исследований, посвященных рекламе (Г.А. Абрамова, Л.А. Баркова, Н.Н. Кохтев, Д.Э. Розенталь, А.Д. Солошенко, В.Н. Степанов и др.), все более ощутима необходимость в качественных, а не количественных подходах. Реклама выходит за рамки экономической сферы и становится явлением человеческой культуры; по рекламным текстам можно судить об идеалах нации.

Для современной цивилизации реклама начинает выполнять функцию, ранее принадлежавшую искусству - создание структур значений. Она занимается идеологической трактовкой себя и мира, а также выступает как структура, трансформирующая язык объектов в язык людей, и наоборот.

Сложная природа рекламы как социально-экономического явления определяет междисциплинарный характер исследования данного предмета. Реклама изучается на сегодняшний день не только экономистами и политологами как составная часть рыночных отношений, различные ее аспекты привлекают внимание специалистов других отраслей научного знания: лингвистов интересуют вербальные способы организации информации в рекламном тексте, психологов – психологическая основа взаимодействия содержания рекламного сообщения с сознанием потребителя, психолингвистов – вопросы речевого воздействия рекламного текста на сознание потребителя-

реципиента и, соответственно, вопросы создания рекламных текстов, их восприятия и кодирования в них воздействующего эффекта.

Общеизвестен тот факт, что в интерпретации одного и того же текста разными реципиентами часто наблюдаются значительные расхождения. Человек, воспринимающий текст, может создать для себя его собственную проекцию, которая коренным образом может отличаться как от проекций текстов других реципиентов, так и от авторского замысла.

Вариативность восприятия одного и того же текста объясняется, на наш взгляд, несколькими психологическими причинами. В первую очередь сюда следует отнести проявления мотивационной, когнитивной и эмоциональной сфер личности: те потребности, мотивы и цели, которые побудили человека обратиться к тексту данной рекламы; эмоциональный настрой в момент восприятия рекламы; степень концентрации внимания на воспринимаемой информации и т. д. (Вежбицкая).

Проблемы межкультурной коммуникации и увеличение торгово-экономических контактов вызывают необходимость контрастивного изучения семантических и прагматических особенностей рекламных текстов. Сопоставительный анализ отношений между языковыми средствами, которые используются в рекламе в русском, французском, испанском и английском языках, позволит выявить особенности функционирования отдельных языковых элементов, специфику организации и национальный колорит текста, а также некоторые стереотипы национального коммуникативного поведения. Данные, полученные в результате подобного сопоставительного исследования рекламных текстов в разных языковых культурах, будут иметь непосредственно практическое применение и могут использоваться для выработки рекомендаций по совершенствованию рекламной деятельности, избежания эффекта неадекватного восприятия и уменьшения финансовых рисков.

Тексты коммерческой рекламы последних лет стали повсеместно распространенными, а потому нельзя не учитывать их мощного влияния на формирование языковой картины мира. Иногда эти тексты претендуют на абсолютное руководство всеми сферами человеческого бытия (вроде: «Изменим жизнь к лучшему», - хотя понятно, что речь может идти лишь не более чем о повышении уровня бытового комфорта) (Васильев).

Люди вольно или невольно воспринимают этнокультурные стереотипы, которые многими понимаются как миф, как образцы, которым надо соответствовать, чтобы быть таким, каким 'положено' быть его народу. Поэтому стереотипные представления об особенностях 'национального характера' на самом деле оказывают определенное влияние на людей, стимулируя у них формирование тех черт характера и тех норм речевого поведения, которые отражены в прагматических клише и которые являются важным фактором в межнациональных отношениях. От них в немалой степени зависит атмосфера, в которой развиваются контакты между представителями разных национальностей. Это надо учитывать в наше время, когда многие люди очень остро реагируют на малейший намек, задевающий их национальное чувство. Чем больше мы будем знать о правилах речевого

поведения носителей языка, тем эффективнее мы сможем общаться с ними, используя различные языковые средства, приемлемые для данного общества, тем эффективнее будет реклама. Без умения понимать и уважать чужие обычаи невозможно жить в современном мире, а тем более невозможно успешное продвижение товаров и услуг на рынках других стран.

Рекламный текст представляет собой пример максимально эффективного использования языковых средств. Прагматический аспект рекламного текста непосредственно проявляется в его своеобразной организации (выбор грамматических и лексических единиц, стилистических приемов, особый синтаксис, использование элементов различных знаковых систем). В основе создания рекламных текстов лежат две тенденции: сжатость, лаконичность выражения и выразительность, емкость информации. Как отмечает Т.М. Капуза, способ подачи рекламного текста отчасти напоминает телеграфный стиль (см. Капуза). Важно сохранить первоначальную свежесть информации, донести ее взрывной потенциал, сосредоточив текст в нескольких легко усваиваемых и простых для запоминания словах. Текст рекламы относится к тем видам текстов, которые призваны оказать по возможности более прямое и непосредственное воздействие на аудиторию (там же).

Символ можно отнести к нетрадиционным средствам рекламного воздействия на потребителя. С ним намного проще создавать эффективную рекламу, но для этого нужно внимательно изучить его историю, понять его сущность, и только тогда использовать символ в рекламных целях.

Символы существовали всегда и во всем. Человечество издревле пользовалось языком символов. Осваивалось окружающее пространство - освоение метилось и закреплялось пространственной символикой: право, лево, верх, низ, центр, граница. Выделялись сознанием наиболее «влиятельные» приметы ландшафта - они тут же переводились в символику гор, камня, воды, деревьев и знаков. Звери - тотемы, мифические предки, покровители рода выбирались из числа уже символизированных животных, рыб, птиц. Человек учился считать по символике числа, культурологически различать цвет по цветовой символике, исчислять время по символике солнечной (суточной и годичной) и лунарной (месячной и недельной).

Символы не обитают в ограниченном пространстве, они разлиты повсюду. Они - воздух культуры и всего человеческого бытия. Мы можем отречься от них, ниспровергать их - все едино - они нас не покинут, так как они в нас.

Сегодня в поисках путей создания эффективной рекламы мы обращаемся к семиотике - науке о знаках и символах. В огромном арсенале знаков и символов, которыми обладает любая культура, таятся бесконечные возможности увеличения эффективности рекламных сообщений. И здесь семиотика окажет необходимую помощь. Ведь она включает в себя такие дисциплины, как прагматику, изучающую результаты последовательного воздействия знаков и символов на индивидуальное и массовое сознание, семантику, смысл, которые они несут, синтаксис - законы структуры, строения и соединения сообщений, передаваемых с помощью знаков и символов.

Символика – это одновременно и инструмент познания, и фундаментальный древнейший метод выражения действительности, способный вскрыть различные ее аспекты, неуловимые для прочих средств.

Реклама – специфическая коммуникация. Коммуникативным актом является обмен сообщениями между адресантом и адресатом, при котором используются разнообразные знаки и символы (слова, изображения, цвета, звуки и т.д.), несущие сами по себе, в своей совокупности и различных сочетаниях ту или иную информацию.

Чаще всего сообщение рекламы сразу же после ее восприятия забывается. Поэтому большое количество информации должно быть передано в легко усвояемой эмоциональной форме. Символ позволяет активизировать подсознание, вспомнить необходимую информацию, извлечь ее из подсознания, чтобы затем оформить ее в осознаваемую потребность.

Символ ни в коем случае не разрушает содержательный аспект текста, а только лишь усиливает воздействие на потребителя, на его эмоционально-чувственную сферу.

Таким образом, реклама как одна из социокультурных разновидностей текстов представляет собой сложный полифонический речевой жанр, комплексный по своей структуре, композиции, направленный на реализацию коммуникативного взаимодействия между производителем товаров и услуг и их потребителем. При составлении рекламных текстов необходимо учитывать культурно-языковой фон коммуникативного пространства, а не транслитерировать или переводить буквально тексты зарубежной рекламы. В связи с вышеизложенным, наиболее актуальным представляется сопоставительное исследование лингвокультурологического, прагматического и семиотического аспекта рекламных текстов.

Литература

1. Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления – М.: Флинта: Наука, 2003.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Язык славянской культуры, 2001.
3. Капуза Т.М. Лингвистические аспекты порождения испанских рекламных объявлений по семантическим признакам. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 2002.

А.М. Костин
Воронеж

Гендерная идентичность и выбор никнейма

Одним из основных факторов, обуславливающих выбор языковых средств при коммуникации, является гендер. В этой связи цель данной статьи можно определить как изучение влияния фактора «гендер» на конструирование гендерной идентичности средствами вербального кода. Для этого в качестве эмпирической базы привлекаются никнеймы из форумов и чатов сети Интернет как одного из видов коммуникации, при которой конструирование

идентичности человеком является одной из существенных предпосылок для определенного течения коммуникации.

В настоящее время в лингвистической литературе отсутствует последовательное употребление термина «гендер», который вошел в лингвистику довольно своеобразным путем: английский термин «gender», означающий грамматическую категорию рода, был изъят из лингвистического контекста и перенесен в исследовательское поле других наук - социальной философии, социологии, истории, а также в политический дискурс.

В языкознание же гендер пришел (а в англоязычное – вернулся в новом значении) несколько позднее из сферы социальных наук, когда гендерные исследования получили статус междисциплинарного направления. Наряду с этим понятие «гендер» функционирует в англоязычной лингвистической литературе, разумеется, и в своем старом значении. Хотя термин «гендер» активно используется в последнем десятилетии представителями разных наук, существует ряд трудностей, связанных с некоторыми различиями в понимании гендера и сравнительной новизной этого понятия.

По мнению А.В.Кирилиной, гендер создается (конструируется) обществом как социальная модель женщин и мужчин, определяющая их положение и роль в обществе и его институтах (семье, политической структуре, экономике, культуре и образовании, и др.). Гендерные системы различаются в разных обществах, однако в каждом обществе эти системы асимметричны таким образом, что мужчины и все "мужское/маскулинное" (черты характера, модели поведения, профессии и прочее) считаются первичными, значимыми и доминирующими, а женщины и все "женское/фемининное" определяется как вторичное, незначительное с социальной точки зрения и подчиненное. Сущностью конструирования гендера является полярность и противопоставление. Гендерная система как таковая отражает асимметричные культурные оценки и ожидания, адресуемые людям в зависимости от их пола. С определенного момента времени почти в каждом обществе, где социально предписанные характеристики имеют два гендерных типа (ярлыка), одному биологическому полу предписываются социальные роли, которые считаются культурно вторичными (см. <http://www.owl.ru/gender/012.htm>).

И.О.Жеребкина подчеркивает, что важную роль в развитии и поддержании гендерной системы играет сознание людей. Конструирование гендерного сознания индивидов происходит посредством распространения и поддержания социальных и культурных стереотипов, норм и предписаний, за нарушение которых общество наказывает. Дифференциация понятий «пол» и «гендер» означала выход на новый теоретический уровень осмысления социальных процессов. В ходе гендерных исследований рассматривается, какие роли, нормы, ценности, черты характера предписывает общество женщинам и мужчинам через системы социализации, разделения труда, культурные ценности и символы, чтобы выстроить традиционную гендерную асимметрию и иерархию власти (Жеребкина).

М.В.Рабжаева полагает, что в данный момент существует несколько направлений разработки гендерной теории. К основным теориям гендера, принятым сегодня в социальных и гуманитарных науках, относятся теория

социального конструирования гендера, понимание гендера как стратификационной категории и интерпретация гендера как культурного символа (см. <http://www.owl.ru/gender/015.htm>).

Как отмечает И.В.Сидорская, существуют две стратегии коммуникативного поведения: мужская и женская. Если женская стратегия "предполагает беседу, построенную на взаимопонимании" даже при формальном общении, то мужская подразумевает бизнес-информацию, которая распространяется даже на интимную сферу коммуникации. Главное отличие между характеристиками этих стратегий в отношении к обратной связи: считается, что женщины даже при деловой тематике разговора много внимания уделяют обратной связи, которая понимается, по мнению И.В.Сидорской, "не просто как реакция на сообщение, а именно как достижение состояния понятости". Мужчины же рассматривают ее как реакцию на сообщение, "которая, несомненно, может быть ошибочной и, безусловно, не совпадающей с состоянием понятости" (Сидорская). Деление стратегий коммуникативного поведения на два типа по гендерному признаку подтверждает и исследование М. Путровой, которая делает вывод о том, что мужчины стремятся интерпретировать мир с точки зрения справедливости - несправедливости, женщины же - "с точки зрения заботы, удовлетворения запросов всех сторон". Соответственно, данные типы интерпретации должны существенно влиять на поведение людей в процессе коммуникативного акта, а значит можно говорить о гендерных особенностях коммуникации (Путрова).

В настоящее время, в связи с широким развитием компьютерных технологий, особый интерес представляет изучение особенностей коммуникации мужчин и женщин в сети Интернет.

Настоящее гендернолингвистическое исследование посвящено именно этой проблеме и осуществлялось в несколько этапов.

На первом этапе исследования методом случайной выборки было отобрано 300 никнеймов из русско-, немецко-, англо- и франкоязычных чатов и форумов сети Интернет.

Отдельно рассматривались никнеймы, полученные в результате анализа базы данных взб-пейджера ICQ. Следующий этап был посвящен изучению специальной литературы по процессу Интернет-коммуникации и выработке теоретической базы исследования и параметров для разграничения материала. Далее следовал теоретический анализ проблемы коммуникации в Интернет-среде в их гендерном аспекте. Особое внимание было уделено выявлению закономерностей самопрезентации Интернет-пользователей различных стран и связи, возникающей между выбором никнейма пользователем и задекларированной темой чата или форума.

В ходе исследования выявлены следующие особенности:

Из 88 никнеймов, полученных методом случайной выборки из пяти чатов и форумов русскоязычного сегмента сети Интернет, 39 проявили свою принадлежность к мужскому гендеру, 38 – к женскому. Гендерную принадлежность еще 11 никнеймов установить не удалось. Критериями для определения гендерной референции никнейма послужили следующие факторы: указание коммуникантом его пола в анкете пользователя,

использование мужских или женских имен (*Арте́м, Камилл, Albina, H@T@Ш@*), использование в качестве никнейма имен существительных мужского или женского родов (*Professional, Admiral, Goblin, Queen, Vampirella*), использование коммуникантами имен прилагательных в мужском или женском роде (*Крутой, Мечтательная*). В ряде случаев посетитель форума или чата добровольно указывал свой пол в специальной графе учетной записи пользователя (см. обобщение в таблицах).

В качестве никнеймов 14 пользователей русскоязычного сегмента сети Интернет, отнесенных к мужскому гендеру, использовали собственные имена людей (*Alex, Yura, Александр*), среди которых встречались и имена персонажей литературных произведений (*Камилл, Гудвин*), спортсменов (*Ronaldo, Fabio*) и политических деятелей (*Saddam*) (см. таблицу 1).

Тенденция использования имен собственных в качестве никнеймов характерна и для женской половины Интернет-аудитории (*Diana, Julia, Albina, Надежда*). В том числе: имен эстрадных знаменитостей (*Алсу*), имен персонажей литературных произведений (*Арвен*), имен героев мультипликационных фильмов (*daisy5*). Использование имен собственных в качестве никнейма наблюдается в 15 случаях (см. таблицу 1).

Часто выбор никнейма участником коммуникации бывает обусловлен темой чата или форума, в котором происходит общение. Наибольшее разнообразие в выборе никнеймов наблюдается среди пользователей ICQ, а также в чатах и форумах без ограничения темы общения. В этом случае выбор пользователя будет ограничен лишь рамками его фантазии.

Несколько иначе обстоит дело в форумах и чатах, ориентированных на общение в рамках какой-либо заданной темы. Ряд пользователей, общающихся здесь, выбирает никнеймы, логически связанные с объявленной темой форума. В качестве примера можно рассмотреть ветвь форума сайта www.flashpoint.ru, посвященную военной и политической тематике. Здесь коммуникантами используются в качестве никнеймов воинские звания (*Ефре́ймоф, Admiral*), имена военачальников (*Жуков*), названия военной техники (*Tiger, MiG-29*), родов войск (*МопТех, SOBR*), марки стрелкового оружия (*Stinger, Galil*) и так далее. На форуме музыкального портала www.delit.net зачастую можно наблюдать использование коммуникантами в качестве никнеймов названий любимых групп (*Scooter, Блестящая*), имен эстрадных знаменитостей (*Коля Басков, Vitas, Алсу*) или названий песен (*Rainbow_Warrior*). Для посетителей же чатов или форумов, посвященных обсуждению компьютерных игр, характерно использование названий игр (*Master of Orion, Imperator, Panzer General*), названий существ игрового мира (*Nali, Scaarj, Zerg*) и имен игровых персонажей (*Lara Croft*). Тенденция использования коммуникантами в чатах, форумах и гостевых книгах никнеймов, логически тесно связанных с задекларированной темой характерна не только для российского сегмента сети Интернет. Например, на форуме сайта www.bier.de сразу несколько коммуникантов использовали никнеймы Bierhunter, различавшиеся лишь формой написания.

Сопоставимые тенденции выявлены и для немецкого сегмента сети Интернет.

Из 13 случаев использования имен собственных в качестве никнейма, отмеченных в немецких чатах и форумах, 9 относятся к мужскому гендеру (*Diederik, Berni_74*), 4 – к женскому (*Yasmina, Giselle*). Как и в случае с русскоязычными коммуникантами, для пользователей чатов и форумов Германии характерно использование имен героев литературных произведений (*flying_dutchman, Wanderer*), имен героев мультипликационных и художественных фильмов (*popay, Captain_Frost, Morpheus23*).

В случаях с англо- и франкоязычными коммуникантами использование имен собственных носит единичный характер.

Отмечая использование сложных слов в качестве никнеймов, нельзя не отметить их значительное преобладание в немецкоязычных чатах и форумах. В первую очередь это связано с особой моделью словообразования, используемой в немецком языке. В 62 никнеймах, отобранных в пяти немецкоязычных чатах и форумах, 16 представляли собой сложные слова. Тенденция к использованию сложных слов характерна как для мужской (7 никнеймов), так и для женской части Интернет-сообщества (6 никнеймов). Если для значительной части никнеймов коммуникантов, отнесенных к мужскому гендеру, характерно использование слов, обозначающих агрессивные настроенных персонажей (*PsychoDad, Rainbow-Warrior, hunter, billkiller*), то для коммуникантов, отнесенных к женскому гендеру, характерно использование сложных слов, включающих в себя названия природных объектов (*silbermond, Maimond, Sternchen*) и фаунонимов (*Frettchen, ganzliebemaus*).

Значительно меньше сложных слов используется в никнеймах посетителей русскоязычных чатов и форумов (10), из них 5 можно отнести к мужскому гендеру, а 3 – к женскому. Как и в случае с никнеймами немецких пользователей, для мужской части пользователей русского сегмента сети Интернет характерно использование слов, обозначающих агрессивно настроенных персонажей (*LorD_NecromanceR, RedDevil_87*), а для женской – использование флоронимов (*Semizvetik, nezabudka*) и фаунонимов (*Мыша, Ежичиха*).

Характерно, что во франко- и англоязычных чатах и форумах сложные слова практически не используются.

Еще одной интересной особенностью при выборе никнейма является обращение к числам. Случаи использования чисел в никнеймах характерны для коммуникантов всех четырех стран. Число, входящее в структуру никнейма в рассмотренных примерах, может выполнять следующие функции: замена сходной по написанию буквы (*NE4TO*), замена сходного по звучанию слога (*a2kam*), дополнительная информация об участнике коммуникации. Например, его год рождения (*Mike1979*), возраст (*Marco23*) или год регистрации обладателя никнейма на форуме или на почтовом сервере (*Demon2003*). Число может автоматически добавляться к никнейму пользователя во время регистрации новой учетной записи для разграничения аккаунтов двух или более пользователей с одинаковыми никнеймами (*Radix5*).

Еще одной особенностью, характерной для никнеймов пользователей всех стран, является использование уменьшительных суффиксов –chen (нем.), -очк (рус.), -ette (фр.) женской половиной Интернет-аудитории.

К никнеймам пользователей, чью гендерную идентичность не удалось определить, относятся: аббревиатуры (*DRN, КГБ*), междометия (*YO, WoW*), бессмысленные наборы знаков (*Дxxx, qwery*), транслитерированные слова русского языка среднего рода (*Zerkalo*).

Отличительной особенностью ряда никнеймов, отобранных в чатах и форумах Рунета, является их происхождение от слов русского языка, записанных впоследствии методом транслитерации (*nezabudka, Almaz, Prorok*). Как показывают примеры, данное явление характерно для представителей как мужского, так и женского гендера. Написание слов русского языка латиницей производится с целью их корректного отображения в зарубежных веб-чатах и форумах.

В процессе исследования удалось выделить следующие способы словообразования, используемые коммуникантами во всех рассматриваемых сегментах сети Интернет в процессе создания никнеймов:

1. Приставочный способ словообразования – образование слов присоединением к производящему слову приставок. Приставочным способом могут образовываться разные части речи (в примерах: существительные, прилагательные, глаголы, наречия), при этом производящее и производное слова всегда относятся к одной и той же части речи, например: *Superman, Megadeath, тов.Премудрый*.

2. Суффиксальный способ словообразования – образование слов присоединением суффиксов к производящей основе, например: *Sternchen, Butzelchen, Semizvetik, Annette*.

3. Приставочно-суффиксальный способ словообразования – образование слов присоединением к производящей основе одновременно приставки и суффикса, например: *Сверхчеловечище, Неизбежность*.

Часто такие слова образуются на базе сочетаний предлога с существительным. При этом добавляется суффикс, а бывшие предлоги становятся приставками.

4. Сложение – образование слов соединением двух или более основ или слов. Выделяются следующие разновидности сложения:

- Сложение слов, например: *Человек-оркестр*.
- Сложение основ с помощью интерфейсов например: *Носорог, Samovar*.
- Сложение сокращенных основ, в результате чего получается сложносокращенное слово, или аббревиатура. Аббревиатура имеет то же значение, что и исходное словосочетание. Этот способ в русском языке характерен только для существительных. Наиболее частые случаи – это сложение начальных букв слов (*SOBR, КГБ, SWAT*), сложение слогов или частей слов полного названия (*Спецкор, Комбат*) и сложение начальной части слова с целым словом (*Главврач, Медбрат*).

Таким образом, рассмотрев в качестве примеров ряд никнеймов, используемых Интернет-пользователями в процессе коммуникации, мы пришли к следующему выводу: никнеймы, взятые как из русско-, так и из

немецко- и англоязычных чатов и форумов образованы, по всей видимости, по одним и тем же правилам словообразования, что объясняется как структурными особенностями языков каждого из рассмотренных сегментов Сети, особенностями культуры и гендерными различиями, так и технической стороной интернет-коммуникации. Например, ограничением на количество символов, составляющих никнейм.

Следует также отметить, что, опираясь на одни лишь лингвистические средства, представляется возможным с большой долей вероятности определить гендерную идентичность пользователя, участвующего в дискуссии в том или ином веб-форуме или чате.

Обобщенно результаты проведенного исследования можно представить в следующих таблицах:

Таблица 1.
Русскоязычный материал

Характер определения гендерной референции	Гендерная идентичность		
	Мужской пол	Женский пол	Не подлежит определению
Явно	Александр Jones Alex Fabio Yura Камилл LorD_NecromanceR Saddam Джей 14%	Diana Sophitia Julia Надежда Ulyasha H@T@III@ NiceGirl Monika Жена_Иуды 21%	YO DRN Zerkalo Lynx Дxxx M&M My_name MKRDA NE4TO *NUINU* OUT O.K.
Не явно	Professional NightGuest Потомок Hamster ATAMAN DetectIV 75%	daisy5 Dreamy Semizvetik Tayna ~KACHORRA~ Gianella3 StArLeT 65%	
Не опред.	Almaz SOBR Kwass Spacer AnZond Veresk 11%	Diza A'Rgma 14%	

Таблица 2.
Немецкоязычный материал

Явно	Diederik Mr.METAL[GeG] PsychoDad Tommix Maroc Berni_74 lkarl1 Joker71 tomsel popay 16%	Bella Prinzessin9583 grosseBANSHEE commanderin_nr1 badwomen Indianerwoman Frettchen Giselle Laluna64 Yasmina 20%	McAve isnogud79 M.S.70 waldi45 CKBI FrESH mc.elli ZGODAN Newone LOGIN
Не явно	franzi16 Chicken_Dan Wanderer tomsel flying_dutchman Barrington Morpheus23 Jobegood abtirolf 71%	Checky Sternchen De_Layla Schlumpfeline Frettchen Butzelchen Zauberhexe ganzliebemaus Giselle 67%	
Не опред.	wolf277 Joker71 flying_dutchman tigger666 Labradormix Jobegood billkiller abtirolf 13%	love100 tine65 silbermond Butzelchen Zauberhexe agga gitti61 Maimond 13%	

Таблица 3.
Англоязычный материал

Явно	Admiral Anubis Apokalipsis BLACKBOY Boyfree Casper Controller 16%	Aila Anna Edita GoldenLady Olddeva Queen Vampirella Venera 21%	Akunamatata Bomba BMW320 ColD Cool Danger Disko Espero F1
Не явно	ALF Advocate Apokalipsis Beginner Casper Controller Cooler Dragon Dominator Goblin Operator Painter 75%	April Ama Lyzarda Leah Sinful Angel BlackY 65%	
Не опред.	 9%	Leiz 14%	

Литература

1. Жеребкина И. О статусе гендерных исследований: взгляд культуролога // Высшее образование в России. 2001.- №2. - <http://www.owl.ru/gender/015.htm>.
2. Пугрова М. Интерпретация значения слова: гендерный контекст// Материалы 2-й международной междисциплинарной научно-практической конференции "Женщина. Образование. Демократия", 1999. - <http://envila.iatp.by>.
3. Сидорская И. "Женская" и "мужская" стратегии анализа проблем коммуникации// Материалы 2-й международной междисциплинарной научно-практической конференции "Женщина. Образование. Демократия" 1999. - <http://envila.iatp.by>.

Е.В. Алексеева
Москва

Выявление сходств и различий национальных культур через сопоставление ценностей в журнальной публицистике Англии и России

Данная публикация является попыткой обобщить результаты проведенного нами исследования, направленного на выявление, изучение и сравнение ценностных представлений в журнальной публицистике Англии и России 2-ой половины XVIII века. Материалом для исследования послужили публикации английских периодических изданий “Universal Magazine of Knowledge and Pleasure”(1759), “Annual Register”(1783, 1787), “Observer” (1788) и русских периодических журналов «Почта духов» (1789), «Беседующий гражданин» (1789), «Московский журнал» (1791-1792), «Зритель» (1792), «Санкт-Петербургский Меркурий» (1793).

Анализ содержательной стороны английских и русских публицистических произведений позволил нам выявить ряд ценностных представлений, значимых в Англии и России. При этом важно подчеркнуть, что, сопоставляя эти два комплекса ценностных представлений, мы попытались выявить особенности национального мировосприятия англичан и русских в указанный период. Проведенное нами исследование позволяет отметить тот факт, что ценностные представления англичан и русских того времени отразили модусы общественного поведения, воплотили культуру, исторический и духовный опыт этих двух народов.

Проведенный нами анализ содержания английских публицистических текстов 2-ой половины XVIII века показал, что их авторы стремились привить своим читателям вполне определенный комплекс ценностных представлений. Среди наиболее значимых ценностей можно выделить *социальные* (благо Родины, социальное равенство, справедливость, благоденствие), *моральные* (мудрость, взаимовыручка, благожелательность, сочувствие, братская любовь, милосердие), *религиозные* (всепрощение, набожность, утешение).

Говоря об исследованных нами русских журнальных публицистических произведениях, следует отметить, что их авторы и издатели также обращались к определенному кругу понятий и представлений, показывая значимость и социальную важность целого ряда ценностей. Как и в случае с английской публицистикой, мы выделили следующие типы ценностей: *социальные* (служение Родине, справедливость, равенство в обладании достоинствами, национальные идеалы), *моральные* (честь, порядочность, совесть, долг, мудрость, человеколюбие, благородство души, взаимопомощь, верность), *религиозные* (божественные закон, Бог, вера, любовь Божия).

Даже беглого обращения к составленным нами спискам ценностей, наиболее акцентируемых на страницах английских и русских изданий, достаточно, чтобы отметить, что эти списки полностью не тождественны. Некоторые различия лежат в социальной плоскости, и сравнение текстов

позволяет выделить различия социальных ценностных представлений, связанных, прежде всего, с историческим опытом наций.

Сравнение русских и английских текстов показало, что некоторые **социальные ценности**, такие как «служение Родине (Отечеству)», «равенство», имели большую значимость, как для английских, так и для русских авторов. Однако анализ содержательной стороны текстов выявил культуроспецифичные аспекты толкования этих концептов.

Обращение к русским источникам показало, служение Родине (Отечеству) рассматривалось в них как обязательство, долг, высшее предназначение гражданина и подлинного патриота своего Отечества. Очень часто звучал мотив жертвенности, смерти за Родину. Следующие выдержки дают наглядное представление о том, как авторы русских изданий апеллировали к гражданскому чувству своих читателей: «Надобно для пользы Отечества отваживаться на все, проливать кровь, жертвовать жизнью» («Храм воспитания Российских героев» из «Зрителя»), «Герои стремятся за честь своего Отечества на несомненные мучения» («Нравственные удовольствия» из «Московского журнала»), «Для истинного человека нет низкого состояния в служении Отечеству. Ежели он уверен, что смерть его принесет крепость и славу Отечеству, не страшится пожертвовать жизнью» («Беседа о том, что есть сын Отечества» из «Беседующего гражданина»).

Подобная пафосность публикаций русских изданий отчасти связана с проникновением идей классицизма на русскую почву. Распространение классицизма в России напрямую связано с развитием и укреплением русского абсолютизма. Концепция, представляющая монарха как воплощение силы и единства своего государства, импонировала всем русским императорам. Классицизм в России стал художественным направлением, определившим развитие общественной мысли. Его главным правилом было просвещать и наставлять публику, обращая ее к возвышенным чувствам и возвышенным примерам.

Однако у мотива жертвенности есть более глубокие православные корни, он связан с мотивом искупления. Иисус Христос спас человечество, приняв муки. Путь к спасению видится православным через жертвенность. Неслучайно на Руси особо почитались мученики и святомученики, которые ценой мучения и страдания, ценой собственной жизни утверждали Истину (см. Волкова).

Английские же источники лишены мотива жертвенности, они прививали своей публике идеи патриотизма и служения Родине в другом ключе. Служение Родине представлено в «The advantages of public education exemplified in the story of Geminus and Gemellus» как созидательное начало. Для главного героя приоритет общественного над личным однозначен, достижение положения в обществе, дающего ему возможность проявить себя, сделать что-то на благо общества (Родины), стало для него началом нового жизненного этапа. Его патриотизм и гражданственность сопряжены с активной деятельностью на благо его страны, активным и плодотворным участием в ее жизни. Такое поведение часто обозначают как целерациональное. Модель же поведения, представленную в русской

публицистике, можно обозначить как ценностно-рациональную (человек, охваченный высоким порывом, не задумывается о возможных опасностях) (Егоров, с.308).

«Равенство» - это одно из основных понятий эпохи Просвещения. Неслучайно девизом Французской революции, считающейся пограничием Просвещения, были «Свобода, равенство и братство». Но нельзя забывать о том, что сама новая философия и соответственно новые понятия и ценности зародились на британской земле. И именно особенности общественного устройства Англии определили значимость этого понятия для нации, о чем свидетельствуют публицистические тексты 2-ой половины XVIII века: Гемеллюс, воспитанный в духе школы, водил дружбу со слугами своего отца и не видел в этом ничего зазорного («The advantages of public education exemplified in the story of Geminus and Gemellus»); в эссе «Prejudice» Р. Кумберленд выступал против национальных и сословных предрассудков, разделяющих общество, говорил об одинаковых людских стремлениях, слабостях и потребностях (“Observer”).

Важность для английского общества XVIII века представлений о равенстве граждан независимо от происхождения наглядно показана в публикации Г.Е. Смирновой, где автор связывает понятие о равенстве с понятием Отечество (Смирнова, с. 319).

Русские источники показывают несколько иное понимание равенства. В силу многих причин крепостное право прочно разделило общество на несоотносимые между собой части. Вопрос о социальном равенстве в обществе с четкой сословной системой носил чисто утопический характер, обращения к истории показывают, что он возникал в умах немногих и не имел практического выхода или решения. Однако русские публицистические тексты фиксируют стремление авторов оценивать людей с одних и тех же позиций: «И самый низкий хлебопашец, исполняющий рачительно должности своего состояния, более заслуживает быть назван честным человеком нежели гордый вельможа и несмысленный судья» («Почта духов»); «У нас добродетель в нищенском рубище почтенна, а порок и в самой порфире пренебрежен» («Беседующий гражданин»). Таким образом, авторы текстов отмечали равенство людей в обладании достоинствами и недостатками, которое отразило представление о равенстве людей перед Богом, Божьим законом, определяющее православно-мировосприятие.

Моральные ценности выражают человеческие убеждения о типах поведения, это определенные понятия, с которыми люди соотносят свои поступки. И хотя о ценностях можно говорить как о чем-то идеальном, не всегда тождественном с реальным человеческим поведением, многие мемуаристы, а вслед за ними и исследователи, отмечали, что моральные ценности глубоко чтились и в английском обществе, и в русском обществе 2-ой половины XVIII века. Так, М.А. Крючкова отмечала этическое нормотворчество, определяющее жизнь представителя русского дворянства того времени, и в доказательство приводила несколько выдержек из источников личного характера (переписка, мемуары). Процитируем некоторые: «До гроба не забуду сих одолжений, коим обязан правилам его,

ибо причиной был не случай, а характер, готовый на все благородное, возвышенное и доброе» (И.М. Долгорукий); «Если человек захочет сохранить себя нетленным, надобно присвоить себе нерушимые правила. Я сказал правила, но какие: разум, честь и совесть» (Ф.И. Голицын) (см. Крючкова, с. 170). М.А. Крючкова указывала на то, «что абсолютные истины и сформулированные на их основе «непреложные правила» выступают во второй половине XVIII века в качестве главного инструмента жизнестворчества: при их помощи человек обретает внутреннюю определенность, осознает свою сущность, выражает идеальный план жизни» (там же).

Что касается наиболее значимых моральных ценностей в английском обществе, то интересными могут показаться замечания, сделанные Роем Портером в книге «Английское общество XVIII века»: «Писатели, учителя, родители, не щадя красноречия, убеждали в необходимости прививать добродетели, так как старые инструменты - христианские заповеди и абсолютный авторитет традиции - уже пришли в негодность. Большое внимание уделялось «культуре сердца», чувствительности и внутренним моральным стимулам. Дружба, прощение, верность вышли на первый план» (Porter, с. 305).

Некий сводный список чтимых в английском обществе конца XVIII – начала XIX века моральных ценностей, составленный по заметкам русских путешественников, можно найти в книге Н.А. Ерофеева «Туманный Альбион». Так, «готовность помочь», «взаимовыручку» отмечал Паулович, «любовь к ближнему» отмечали Н.И. Греч, Паулович и А.С. Хомяков, «честность» отмечал Паулович, «справедливость» отмечали Н.И. Греч и Паулович (Ерофеев, с.245) .

Однако, как мы уже убедились в случае с социальными ценностями, совпадение лексем не всегда означает полного совпадения понятий и концептов, стоящих за ними, так как последние представляют собой сгусток культуры в сознании человека. Именно культурный опыт отдельных наций и влияет, в конечном счете, на особенности восприятия и толкования понятий. Поэтому мы предлагаем сравнение истолкования концепта «дружба», а также обращаемся к культуроспецифичным концептам, выделенным нами только в английской публицистике («благожелательность»), и только в русской публицистике («совесть»).

Дружба

Обращение к текстам выявило следующие толкования понятия «дружба»:

- Дружба как привязанность, как естественная форма единения людей, близких по духу, взглядам, привычкам и традициям, единение, построенное на обязательствах;
- Дружба как единение всего человечества представлена в эссе Р. Кумберленда “Prejudice” (“Observer”);
- Дружба как единение людей, исключающее меркантильность.

Представления о «дружбе», изложенные в проанализированных нами публикациях английских изданий, отразили согласие или несогласие с философскими концепциями, лежащими в основе общественной дискуссии

того времени. Важно отметить, что спектр концепций был чрезвычайно велик: от утилитаризма до антропоцентризма. Трезвые, скептически настроенные наблюдатели жизни, например, Т. Гоббс, отмечали, что «по природе мы ищем не друзей, а почета и выгод, которые можем от них получить, этого мы желаем, прежде всего, а друзей уже потом» (Гоббс, с.300). Философы моралистического толка считали дружбу в противоположность любви спокойным и рассудочным отношением, основанным на соображениях разума и морали. Так, Д. Юм полагал, что дружба – «спокойная и тихая привязанность, направляемая разумом и укрепляемая привычкой, возникающей из долгого знакомства и взаимных обязательств» (Юм, с. 201). Видя в дружбе глубокую разумную и моральную основу, А. Шефтсбери значительно расширил сферу дружеских отношений, утверждая, что дружба с одним человеком невозможна без широкого чувства ко всему человечеству (см. Мееровский, с.295). Новое антропоцентричное мировоззрение возводило дружбу в ранг символа подлинных человеческих отношений и делало дружбу предметом настоящего культа, что проявилось в зарождающемся на английской почве сентиментализме и, в основном, в художественной литературе.

Что же касается русского общества последней трети XVIII века, содержательные дружеские отношения только начинали складываться, и, по замечанию Е.Н. Марасиновой, они приобретали значимость только для наиболее восприимчивой к гуманистическим идеям интеллектуальной элиты (Марасинова, с. 185). Именно образованная верхушка, захваченная проблемами нравственного совершенствования, религиозной морали, поэтическим творчеством оказалась в расцвет романтизма в начале XIX века готовой к дружбе. Однако интересны и крайне своеобразны замечания русских авторов конца XVIII века о дружбе, основанной на стремлении души и сердца, но в то же время подчиненной рассудку и разуму. Так, у И.А. Крылова в «Зрителе» мы находим: «Без дружества жизнь теряет свои приятности, человек, оставленный самому себе, чувствует в своем *сердце* пустоту, которую единое дружество наполнить может, от природы заботливый и беспокойный, в недрах дружества *утишает он свои чувства*. Выбрать друга значит дать обществу свой образ и открыть своё *сердце*».

Русская журнальная публицистика 2-ой половины XVIII века отразила зарождение нового культа дружбы, эмоционально-напряженного духовного, интеллектуального общения, сменившего, возможно, культ соратников петровских времен. Но сами рассуждения выявили и особенности русского миропонимания и русского мышления. Так, обращение к жизни души и сердца было отнюдь не данью английскому сентиментализму, наоборот, зерна последнего легли в благодатную почву русского миропонимания. Приводимые выше рассуждения о дружбе, апелляции к жизни души и сердца ярко иллюстрируют и русский характер мышления, который В. К. Егоров характеризует как эмоциональный (Егоров, с. 514).

Совесть

Концепт «совесть» встречается в проанализированных нами русских публицистических текстах в следующих контекстах: «Честный человек не

только старается делать добро, но и при делании прилежно себя совестью испытывает. «Какая нужда превозносить свои дела? Довольно, если совесть их одобрила. Человек спокоен». «Справедливость требует, чтобы вы слушали то, что вам вещает совесть ваша и разум». Обращение к этому концепту на страницах журналов было не случайно. По замечанию Е.Н. Марасиновой, категория совести проблемно осмысливалась в русском обществе, что отразилось в русской общественной дискуссии (т.е. отчасти на страницах журналов) и переписке. Исследовательница выделила несколько аспектов восприятия этого понятия (Марасинова, с.185):

- Совесть становилась главной нормой, дисциплинирующим началом в самых различных сферах деятельности;
- Внутренняя свобода, преодоление зависимости от общества: «Желая угодить людским мнениям, никогда не можно быть спокойну, всего лучше посоветоваться во всех случаях с совестью своей: она то есть судия первейший, естли только страсти не заглушат глас его» (из переписки А.М. Кутузова и И.П. Тургенева);
- «Спокойная совесть» превращается в идеал внутренней гармонии и условие счастья

Приведенные выше аспекты понимания концепта «совесть» перекликаются со смыслами, заложенными в проанализированных нами публицистических текстах, что явственно показывают, что концепт «совесть» в русской культуре XVIII века был связан с понятием внутреннего «я» человека, его внутренним миром и внутренней гармонией и содержал в себе некоторое противопоставление внешней среде.

Благожелательность (benevolence, charity, beneficence, philanthropy)

Наиболее часто встречающимся понятием является «благожелательность», представленная в тексте лексемами «benevolence», «beneficence», «philanthropy», «charity» и производными от них (их многократное употребление отмечено в 6 из 12 публикаций). Синонимичность лексем «benevolence», «beneficence», «charity», «philanthropy» была установлена нами при обращении к «Richardson's New Dictionary of English» (1844): “benevolence - good will, a will or wish for good, for the good or happiness of others” (с. 164); “beneficence – benevolence, good will, kind wish (in operation or endeavour)” (с.162); “charity – a feeling caused by the perception of the wants or sufferings of others, love for fellow creatures or good will or benevolence” (с.297); “philanthropy - a feeling of kindness and love for all people” (с.385).

Появление самого феномена «благожелательность» как формы человеческих отношений на страницах журнальной периодики не случайно, а является отражением тех представлений, которые сложились в английском обществе под влиянием английских моралистов, и, прежде всего, А.Шефстбери и Ф. Хатчетсона. На основе природных аффектов А.Шефстбери выделил «социальное» чувство, которое он определил как чувство сопричастности с человечеством (Мееровский, с. 295). Концепция А.Шефстбери задавала векторное направление общественной мысли, обусловив интерес к проблемам морали и нравственности. Возвращаясь к английским публицистическим текстам, послужившим материалом для нашего

исследования, необходимо отметить, что они отразили рассуждения, а также представления людей, воспринявших и разделивших концепцию А.Шефстбери.

Анализ содержания и сравнительное изучение английских и русских журнальных текстов 2-ой половины XVIII века выявил большую частоту обращения к **религиозным ценностям** в русской публицистике. Это различие ценностных ориентаций помогает, на наш взгляд, понять некоторые особенности национального мировосприятия.

Английский материал представлен двумя типами публикаций. С одной стороны, эссе в духе деизма: "A Demonstration of Spirituality and Immortality of Human Mind", «Demonstration of The Existence of God grounded upon the Knowledge of Nature» («Universal Magazine of Knowledge and Pleasure»), в которых превалирует материалистический подход, рациональное объяснение сути явлений, представляющих основу человеческой жизни и бытия. С другой стороны, в поле зрения английского читателя 2-ой половины XVIII века попадали теологические рассуждения Р. Кумберленда, рассматривающие человеческое бытие через призму божественного откровения и основные заповеди.

Русские публицистические тексты, исследованные в нашей работе, отразили важную особенность, а именно, связь с религиозным мировоззрением. Как отмечает Л.А. Чёрная, рождение секуляризированного сознания в России было эволюционным процессом, а не революционным (см. Чёрная). Идеи и философия Нового времени осваивались русской мыслью постепенно, как бы наслаиваясь на уже существующие представления. Г.Е. Смирнова отмечает, что под влиянием идей Просвещения происходит некоторое переосмысление роли церкви и религии в формировании личности (Смирнова, с.229). Самый революционный мыслитель конца XVIII века А.Н. Радищев писал следующее: «Отечество наше есть приятное божеству обиталище, ибо сложение его не на предрассудках и суевериях основано, но на внутреннем нашем чувствовании щедрот отца всех. Родившись среди свободы сии, мы, истинно братьями друг друга почитаем, единому принадлежим семейству, единого отца имеем Бога» (цитата дана по вышеуказанной работе Г.Е. Смирновой). Такое рассуждение очень показательно для мыслящего русского дворянства, которое, по мнению Ю.М. Лотмана, стремилось отделить христианство от церковности и вычленить в нем гуманистическое ядро (Лотман, с. 37).

Обращение к русским публицистическим текстам как раз и показало этот поиск некоего гармонизирующего начала человеческого и общественного бытия. В 5 из 15 публикациях имеются непосредственные указания на определяющую роль божественного (православного) закона или порядка в жизни человека: «Закон православный определяет жизнь Россиян и, прежде всего, их благочестие» ("Зритель"); «Честный человек признает только один закон, который изваян на сердце его перстом создателя» («Санкт-Петербургский Меркурий»); «Бог создал тебя – он лучше знает наши нужды, наше сердце, нашу волю» ("Зритель"); «Царствие Божие в сердце человека должно начаться в настоящей жизни, иначе не свершится в будущем»

("Беседующий гражданин"); «Соглашение находится подлинно между богом и нами человеками, его совершенства обещают и обещанного придерживаются» ("Беседующий гражданин").

Существенной религиозной ценностью является **вера**. Достаточно часто авторы подчеркивали значение веры как силы, формирующей человека, устанавливающей отношение с Богом, определяющей цель человеческой жизни в канонах православия: «Вера обуздывает силу природного свойства» («Санкт-Петербургский Меркурий»); «Бог живет в сердце нашем единственно через веру» («Беседующий гражданин»); «Вера дарует жизнь вечную» («Санкт-Петербургский Меркурий»).

Еще одной безусловно значимой ценностью для религиозного сознания явилась **любовь Божия**. Эта Любовь показана в русской публицистике как одно из главных гармонизирующих начал. Она воспринималась как великий дар, великая способность, основа (или первооснова) человеческого бытия, закон человеческого социума:

- Любовь есть Божественный путь.// Без любви всякое знание тщетно, бесполезно и вредно.// Какова твоя любовь, таков и ты сам. Бог живет в сердце единственно через веру – через любовь, а любовь Божия в душах избранных своих водворяется через Святого Духа. («Беседующий гражданин»).
- Верховный Законодатель повелевал нам любить друг друга. («Беседующий гражданин»).

Приведенные выше цитаты показывают, насколько сознание русского человека конца XVIII века было проникнуто христианскими религиозными ценностями, такими как любовь Божия, Святой Дух, вера, благочестие, царствие Божие, благодать. Эту особенность русского характера и сознания отмечали многие философы (Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский). Так, например, у Н.О. Лосского находим следующее: «Основная наиболее глубокая черта характера русского народа есть религиозность и связанное с ней искание абсолютного добра» (Лосский, с. 5). В определяющей роли религиозности в русском миропонимании убеждает и анализ разных типов ценностных представлений, предпринятый в данном исследовании.

В целом, проведенное нами исследование английской и русской журнальной публицистики 2-ой половины XVIII века позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Национальное миропонимание отразилось в первую очередь в уникальных (культуроспецифичных) ключевых концептах, воплотившие в себе ценностные представления, а также в особой трактовке универсальных для двух культур концептов.
2. Глубокая русская православная религиозная традиция утвердила значимость религиозных ценностных представлений, таких как «закон божий», «любовь Божья», «вера» и определила содержание концептов русской культуры.
3. Анализ английских и русских текстов и их сравнительное изучение выявили важную для русской культуры черту «жизнь сердца»/«жизнь души», во многом определяющую характер

- русского мышления, который можно определить как более эмоциональный.
4. Сравнительный анализ английских и русских текстов позволяет охарактеризовать изучаемый нами период как переход английского общества от религиозного традиционализма к смешенной системе ценностей.

Литература

1. Волкова Е.Н. Спасение в Воскресении: сотериологические аспекты литературы и культуры//Вестник МГУ, Серия 19, № 4. - 2001.
2. Егоров В.К. Философия культуры России: контуры и проблемы. - М.: РАГС, 2002.
3. Смирнова Г.Е. Понятие «Отечество» в английской культуре XVIII века. Россия и Запад: диалог культур / Материалы 9-ой международной конференции. –МГУ, 2002.
4. Крючкова М.А. Человек в русской культуре 2-ой половины XVIII века. Дисс..... канд. ист. наук. – МГУ, 1994.
5. Porter, Roy. English society in XVIII century: Penguin book Ltd., 1990.
6. Ерофеев Н. А. Туманный Альбион. - М.,1982.
7. Гоббс, Т. Избранное в 2 т. - М., 1964. - Т. 1.
8. Юм. Соч. в 2 томах. - М.1965. - Т.2.
9. Мееровский Б.В. Английские моралисты о природе человека. // История философии и вопросы культуры.- М., 1975.
10. Марасинова Е.Н. Психология элиты русского дворянства последней трети XVIII века. - М., 1999.
11. Егоров В.К. Философия культуры России: контуры и проблемы. М.:РАГС, 2002.
12. Richardson's New Dictionary of English. In II volumes. – London: William Pickering, 1844. - V.1.
13. Черная Л.А. Проблема человеческой личности в русской общественной мысли второй половины XVII- начале XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1981.
14. Смирнова Г.Е. Понятие «Отечество» в русской культуре XVIII века. Россия и Запад: диалог культур //Материалы 10-ой международной конференции. –МГУ, 2003.
15. Лотман Ю.М. Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция //Лотман. Ю.М. и тартусско-московская семиотическая школа. - М.: Гнозис, 1994.
16. Лосский. Н. О. Характер русского народа. - М., 1957.

Раздел 5.

Сопоставительные исследования и перевод

Н.А. Козельская, Сун Яньян
Воронеж

К проблеме сохранения/ утраты национальной специфики лексики при переводе

Толчком к нашим наблюдениям стали впечатления от работы над текстом рассказа М.Шолохова «Судьба человека» в китайской аудитории. Студенты, желая облегчить себе задачу, пытались параллельно читать произведение в переводе и в оригинале. Через некоторое время они отказались от этой практики, обнаружив, что не только многого не находят в переводе, но и по-иному воспринимают прочитанное: текст на родном языке не очень трогает их, не вызывает столько переживаний, сколько оригинал. Этот пример является одним из многих свидетельств того, как сложно бывает переводчику добиться и смысловой, и импрессивной эквивалентности при преобразовании речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке.

Имея ввиду классические постулаты о невозможности полной эквивалентности текста перевода тексту оригинала, о неизбежности потери национально-культурного, жанрового колорита художественного произведения (Харитончик, с.121), мы поставили перед собой задачу уточнить характер этих потерь и их влияние на смысловое и эмоциональное восприятие переведенного текста иностранным читателем.

Материалом исследования послужили свыше трехсот слов и словосочетаний из рассказа «Судьба человека», среди которых были установлены примеры двух типов проявления национальных особенностей лексики: национально-культурного характера (безэквивалентные слова) – 30% единиц и национально-языкового характера (стилистически отмеченные слова, диалектизмы, профессионализмы, фразеологизмы, устойчивые сравнения) – 70% единиц, а также фоновая лексика, представленная тематической группой «Война».

Для перевода слов с национально-культурной спецификой семантики и фоновой лексики используются следующие способы:

- описание-объяснение (50% ед.), например, *щи – овощной суп, ушанка – теплая шапка, семилетка – школа с семью годами обучения, совхоз – государственная ферма;*
- функциональный аналог (25% ед.), например, *хутор – деревня, алтарь – жертвенник, артель – группа рабочих, плетень – изгородь;*
- калька (10% ед.) – *военврач, ватная стеганка, военкомат, артогонь, эрзац-хлеб;*
- родо-видовые соответствия (5% ед.) – *«Виллис» - легковая машина, картуз – фуражка.*

Сопоставление переводов с толкованиями слов в китайском словаре показывает, что переводчик практически буквально повторяет словарную статью. В целом, при некоторой потере культурологической информации, отдельных случаях искажения реалий (*чайная* переведена как *чайный домик*), переводчику удается передать национально-культурный колорит рассказа.

Лексика с национально-языковой спецификой также переводится разными способами:

- 38% слов – при помощи описания (с потерей стилистической маркированности), например: *хатенка* – *крестьянский дом, жратва* – *еда и питье, крученка* – *самодельная свернутая сигарета, загорать* – *остаться без дела, язык* – *пленный, который дает сведения*;
- 26% переведены нейтральными соответствиями:

разговорные	просторечные	диалектные
<i>хибарка</i> – <i>домик</i>	<i>распыл</i> – <i>расстрел</i>	<i>крылатка</i> – <i>письмо</i>
<i>гоняет</i> – <i>водит</i> (машину)	<i>загнуться</i> – <i>умереть</i>	<i>чухаться</i> – <i>медлить</i>
<i>получка</i> – <i>заработная</i> <i>плата</i>	<i>видать</i> – <i>кажется</i>	<i>глушно</i> – <i>звон в ушах</i>

- 12% слов (просторечий) переведены разговорными соответствиями, например: *губошлеп* – *растяпа, гостинец* – *подарок, милаха* – *полюбовница*.

Как видим, стилистически маркированные слова при переводе практически полностью заменяются нейтральными и разговорными соответствиями. Наиболее последовательно сохраняется разговорная окрашенность.

Употребленные в повествовании разговорные фразеологизмы переведены описательно, например: *в чем мать родила* – *голый, по чем фунт лиха* – *жизненные муки, хоть шаром покати* – *ни родных ни друзей*; постоянные эпитеты переданы приблизительными соответствиями: *чистое поле* – *открытое поле, при ясном солнце* – *днем, люди добрые* – *хорошие люди*. Устойчивые сравнения, являющиеся одним из самых характерных выразительных приемов в речи рассказчика (65 ед.), в 70% случаев переводятся абсолютно точно, причем как общеязыковые (*как белка в колесе; злой, как черт; как сквозь сон*), так и авторские (*твердая, как дерево, рука; как овцы в темном катухе; как тополь в буре*). Однако в ряде примеров буквальный перевод не вполне понятен китайскому читателю, образ кажется странным, необычным, например, *прижался как лист к ветке; приютился, как воробей под застрехой; губы как лед*. Замена реалий в устойчивом сравнении встретила нам лишь в трех случаях: *взбрыкивает, как козленок* – *кит. как заяц; губы белые как мел* – *как бумага; гибнут, как мухи осенью* – *кит. как саранча*.

Особо хотелось бы оговорить «нейтрализацию» диминутивов, которые оказываются важнейшим стилистическим средством в заключительной части рассказа, повествующей о сближении Соколова и Вани. Герой называет мальчика «сыннок, сынишка, Ванюшка», повторяя эти слова много раз, потому что сам только привыкает к ребенку. Нежное отцовское отношение Соколова к Ване передается в описании его внешности, поведения при помощи слов с

уменьшительно-ласкательными суффиксами (*глазенки, ручонка, личико, бровки, волосенки, ножонка, поджачок, рубашонка*). В китайском тексте используется переводные соответствия только для названия Вани: *маленький сын, дорогой сын, милый сын, малыш*, другие диминутивы переводятся нейтральными существительными без дополнительной окраски.

Один из известных английских переводчиков М.Шолохова Р.Даглиш заметил, что иностранного читателя «больше интересует что, говорят герои, а не то, как они говорят». Наши наблюдения показали, что «как» может повлиять на степень понимания того, о чем говорится.

Главный герой рассматриваемого произведения – Андрей Соколов – является и основным рассказчиком. Писатель раскрывает характер Соколова в первую очередь через речь, в которой обнаруживается не только его происхождение «из народа», профессия шофера, солдатская судьба, но и восприимчивая, богатая натура, не утратившая способности к сопереживанию и любви. В китайском переводе А.Соколов говорит языком достаточно образованного городского жителя, в котором нет той эмоциональной силы, интонации доверительного, душевного разговора, что звучит в русском тексте. Национально-языковой колорит является доминирующей художественной краской данного произведения, поэтому его нейтрализация – это заметная потеря, которая влияет как на смысловую, так и на импрессионную эквивалентность текста.

Литература

1. Харитончик З.А. О семиотических основаниях перевода // Перевод: язык и культура. – Воронеж, 2000. - С.121-123.

Ю.А. Мартынова
Саратов

Некоторые особенности лексико-стилистических трансформаций при переводе на английский язык образных средств в поэтическом тексте

Данная статья посвящена проблеме литературного перевода образных средств с русского языка на английский на примере переводов стихотворений А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Тютчева, И. Бунина, А. Блока и А. Ахматовой, сделанных известной русской переводчицей Ириной Железновой. Несмотря на то, что изучение лексико-стилистических трансформаций и видов компенсации потерь образности ведется давно (см. работы Комиссарова, Бархударова и др.), этот вопрос остается актуальным и по сей день. В последние десятилетия, как отмечают некоторые исследователи (Складчикова), в лингвистической теории наступил этап, который характеризуется повышенным интересом к дифференциации задач в рамках исследования перевода. Если в предыдущую эпоху в переводческой практике господствовали «чисто эмпирические представления» о процессе передачи информации с одного языка на другой (Латышев, с.105), то теперь ученые

стремятся определить и описать закономерности этого процесса, выявить их системность и разработать базу для концептуально единой трактовки и типологизации переводческих приемов.

Основной задачей переводчика является создание такого текста на языке перевода, который вызывал бы у носителей языка коммуникативный эффект, равный по воздействию его аналогу на исходном языке (см. Латышев, с. 90). Сила коммуникативного эффекта, производимого текстом, определяется как свойствами текста (его содержанием, структурой и т.д.), так и совокупностью лингвистических и экстралингвистических условий, в которых функционирует текст. Определение объема образной информации, содержащейся в слове, представляет собой особую проблему. Интерес, который в последние десятилетия переживает по отношению к себе метафора, коснулся и проблем ее перевода. Ученые предпринимают попытки анализа перевода метафор с одного языка на другой (см. перечень работ в пособии Складчиковой). Большое внимание уделяется культурно-значимой интерпретации метафор, так как последние зачастую отражают характерные черты мировидения носителей языка.

Слова и словосочетания с метафорическим содержанием требуют к себе особого подхода в процессе перевода. Семантическая структура ассоциативно-образного употребления содержит информацию об образе источника, образе цели и логико-понятийном основании переноса. В языке перевода может отсутствовать один из перечисленных компонентов, перенос может быть построен на других основаниях, или быть отнесенным к другому денотату. При отсутствии межъязыковых параллелей при переводе образного средства на другой язык возникает необходимость в лексико-стилистических трансформациях. Исследователи рассматривают способы «реставрации метафор в переводе» (см. Литвинова), а также разрабатывают параметры для определения качества перевода образных средств (Складчикова). В случае перевода стихотворного произведения вышеперечисленные требования осложняются необходимостью придания тексту перевода поэтической формы.

Способы перевода образных средств распадаются на две основные группы: 1) перевод, основанный на межъязыковых соответствиях, и 2) перевод с помощью лексико-семантических трансформаций.

Перевод, основанный на межъязыковых соответствиях, наиболее близок к исходному тексту, однако является возможным при наличии в языке перевода эквивалентного узуального образного употребления (языковой метафоры, сравнения и т.п.): «Буря мглою небо кроет,/ Вихри снежные крутя;/ То, как зверь, она завоет,/ То заплачет, как дитя» (Пушкин) – «O'er the earth a storm is prowling./ Bringing whirling, blinding snow./ Like a beast I hear it howling./ Like an infant wailing low». Сравнение бури с воющим зверем или с плачущим ребенком является естественным как для русского, так и для английского языка, поэтому перевод представляется адекватным и легко воспринимается читателем. Таким же узуальным для обоих языков является сопоставление снега с ковром: «Под голубыми небесами/ великолепными коврами,/ Блестя на солнце, снег лежит» (Пушкин) – «'Neath lucid skies of clearest azure,/ Great snowy carpets, winter's treasure,/ A rich and dazzling sight, lie spread». Как в

русском, так и в английском языке тело человека часто метафоризируется как вместилище, «container» (см., Lakoff, Johnson), представая в образах различных строений – дворца, тюрьмы либо просто жилища: «Скажи: есть память обо мне,/ есть в мире сердце, где живу я» (Пушкин) – «And say, “He still remembers me./ His heart alone still pays me homage» - (сердце – дом); «В хмельной и злой своей темнице/ Заночевало, сердце, ты» (Блок) – «In its dark prison cell benighted./ The heart in drunken rapture reels» (тело – тюрьма). Как тело, так и душа представляются местом, где можно находиться: «Лишь жить в себе самом умей -/ Есть целый мир в душе твоей/ Таинственно-волшебных дум» (Тютчев) – «Live in the world of self – thy soul/ Of magic thoughts contains a whole/ Bright universe» (душа – вместилище). К устойчивым параллелям в обоих языках относятся также сравнения жизни с птицей, полей с морем: «Жизнь, как подстреленная птица» (Тютчев) – «Life, like a bird shot down»; «В темнеющих полях, как в безграничном море...» (Бунин) – «As in a boundless sea in darkening fields and meadows».

Во многих случаях возможен перевод авторской художественной метафоры словарными эквивалентами составляющих тропа – воспроизводящий перевод (Складчикова): «Фонтан любви, фонтан живой!/ Принес я в дар тебе розы./ Люблю немолчный говор твой/ И поэтические слезы» (Пушкин) – «Two roses do I bring to thee./ O fount of love that “fore me dances./ Thy tears poetic comfort me./ Thy tender voice my soul entrances». (любовь – бьющая фонтаном вода). Объемы значений слов, служащих основанием метафоры, практически совпадают: *фонтан* – «сооружение для подачи и выбрасывания воды под напором; архитектурное, художественное обрамление такого сооружения» (Ожегов, Шведова); ср. в англ.: *fountain* – «spring of water, esp. one made artificially with water forced through holes in a pipe or pipes for ornamental purposes» (Oxford Advanced Learner’s Dictionary). Поскольку фонтаны существуют в реальности обеих культур и обладают похожими свойствами (вода, вытекающая под напором, издает журчание, которое легко ассоциируется с человеческой речью), не возникает препятствий для воспроизведения в языке перевода авторского образа. Сравним также: «И, жалкий чародей перед волшебным миром,/ Мной созданным самим, без веры я стою -/ И самого себя, краснея, сознаю/ Живой души твоей безжизненным кумиром» (Тютчев) – «A wretched sorcerer, who doubts himself and stifles/ Faith in the magic world by his own efforts wrought./ I know myself to be... I am —O bitter thought!-/ of your warm, living soul the idol cold and lifeless». (душа – волшебный мир). В обоих языках присутствует представление о душе как о некоем вместилище, а перенос образа чародея, творящего мир души, из русского языка в английский осуществляется с помощью соответствующих словарных эквивалентов, входящих в семантическое поле «магия»: *чародей* – *sorcerer*; *волшебный мир* – *the magic world*; *кумир* – *idol*.

При отсутствии межкультурной параллели перевод образных средств осуществляется при помощи тех или иных лексико-стилистических трансформаций. Лексико-стилистические трансформации могут выступать отдельно, а могут комбинироваться. Рассмотрим самые общие случаи.

Распространенным приемом является осуществление лексико-синтаксических замен, позволяющих сохранить образность текста: «...Теряю все права/ Над рифмой, над моей прислужницею странной:/ Стих вяло тянется, холодный и туманный./ Усталый, с лирою я прекращаю спор» (Пушкин) – «My wayward servant Rhyme ignores my goading... Dull are/ The lines that slowly form, cold, nebulous, of colour/ Bereft... The lyre is mute.../ by our long match worn out». Переводчица сохранила сложную и развернутую авторскую метафору (рифма – прислужница; поэзия – лира и т.д.), но при этом изменила синтаксическую структуру предложений, а также ввела некоторые лексические замены, не нарушающие общего смысла (*стих* – *lines*; *вяло тянется* – *dull*). В следующем примере персонификация мыслительной деятельности (*мысли волнуются*, *рифмы бегут*) сохраняется при небольших лексико-синтаксических заменах: «И мысли в голове волнуются в отваге,/ и рифмы легкие навстречу им бегут» (Пушкин) – «Thoughts flock to me in droves; they dance about and caper;/ Swift rhymes to meet them rush». В следующих примерах замены также сведены к минимуму, и необходимость их вызвана более различиями в структуре языков, нежели национально-культурными расхождениями: «И вдоль реки, где шхуны, как голубки,/ Друг к другу нежно прижимаясь,/ О сером взморье до весны тоскуют...» (Ахматова) – «...where schooners dove-like/ Rubbed noses tenderly and waited for/ Spring and the sea, its greyness specked with foam»; «Как в зеркало глядела я тревожно/ На серый холст...» (Ахматова) – «The canvas was a mirror; anxious-eyed/ I stared...».

Сохранения образности можно достичь с помощью использования в языке перевода другой метафоры или сравнения, передающего тот же смысл и являющегося синонимическим средством по отношению к исходному образу. В таких случаях при переводе сохраняется семантика высказывания и его прагматические характеристики: «И тут ко мне идет незримый рой гостей,/ Знакомцы давние, плоды мечты моей» (Пушкин) – «Toward me streaming,/ Come callers by the score, upon me fast they gain;/ Old friends they are of mine, the offspring of my brain». Результат умственной деятельности (*плоды мечты моей*) описан в языке перевода с помощью другой метафоры (*the offspring of my brain*), но и в том, и в другом случае это разные реализации базовой метафоры «Растения». При воспроизведении образа разрушений, производимых временем, переводчица заменяет слово *прах* на *dust*, а характеристику *полудикий* передает с помощью образа *the plaintive howling*: «И прах веков упал на прах святынь,/ На славный город, ныне полудикий» (Бунин) – «Upon the dust of shrines and temples falls/ The dust of ages, and the plaintive howling». В следующем примере общая для двух языков ассоциация смерти со сном и холодом воплощается в исходном тексте и в переводе разными средствами (*могила* – *death*; *ледяной сон* – *leaden, icy sleep*): «Но не тем холодным сном могилы.../ Я б желал навеки так заснуть...» (Лермонтов) – «Yet I dread the cold and clammy fingers/ And the leaden, icy sleep of death...». В английском варианте персонификация смерти разворачивается более подробно: смерть пугает лирического героя прикосновением холодных пальцев. Такая лексико-семантическая трансформация придает тексту новый

смысловой оттенок: лермонтовский герой говорит лишь о нежелании «заснуть холодным сном могилы», а в тексте перевода речь идет о страхе, боязни.

Иногда переводчик отказывается от поиска параллельного образного средства в языке перевода и пользуется прямыми номинациями. Так, например, утрата образности может произойти при отсутствии метафорического выражения эквивалентных смыслов в двух языках: «Чредой слетает сон, чредой находит голод» (Пушкин) – «The daily round of life brings me renewed delight». Иногда такая замена может быть вызвана и другими причинами: авторским решением переводчика при создании стихотворного текста в языке перевода, например: метафорическое употребление «потерять ум» заменено в переводе на передающее его смысл выражение в прямом значении «to turn confused, perturbed, unsure», несмотря на то, что в английском языке имеется близкое по значению выражение *to lose one's head* (to become confused or over-excited): «Когда я слышу из гостиной/ Ваш легкий шаг, иль платья шум,/ Иль голос девственный, невинный,/ Я вдруг теряю весь свой ум» (Пушкин) – «When your skirts rustle, when, my angel,/ Your girlish voice I hear, when your/ Light step sounds in the parlour – strangely,/ I turn confused, perturbed, unsure». В следующем примере авторская метонимия «лицо» в значении «портрет» также заменена переводчиком на слово «picture»: «Уж не мечтать о нежности, о славе,/ Все миновалось, молодость прошла!/ Твое лицо в его простой оправе/ Своей рукой убрал я со стола» (Блок) – «For ever gone my dreams of fame and passion;/ All, s in the past – youth, love... They've had their day.../ Your picture in its frame, one simply fashioned,/ With my own hand I put far, far away».

Одним из наиболее сложных приемов является компенсация, часто представляя собой сочетание нескольких замен. Рассмотрим следующие примеры: «Никогда не забуду (он был, или не был,/ этот вечер): пожаром зари/ Сожжено и раздвинуто бледное небо,/ И на желтой заре – фонари» (Блок) – «I shall never forget (was it real or fancied,/ That far evening?) the yellowish light/ Of a sky scorched and riven by flame and, against it,/ Rows of streetlamps already alight». Здесь переводчик передает образ в целом, используя набор составляющих его смыслов из языка-источника (*заря-пожар, горящие фонари, небо - сожженное и раздвинутое* - англ.: *flame, scorched and riven sky, rows of streetlamps*), но комбинируя их в соответствии с требованиями языка-перевода. При переводе следующей строки: «Высоко в небе облачко серело,/ Как белыча расстеленная шкурка» (Ахматова) – «The cloud up in the wintry sky was furry,/ A squirrel skin, pale grey, a trifle faded» сравнение переводится метафорой, которая еще дополнительно разворачивается (*a squirrel skin, pale grey, a trifle faded*). Прием компенсации, сочетающий в себе различные замены, является необходимым, если стихотворение строится по принципу разворачивания какого-либо метафорического образа. Так, в «Северных элегиях» Ахматовой исходным образом является сопоставление памяти и помещений (*свод, дом уединенный*): «Есть три эпохи у воспоминаний./ И первая – как бы вчерашний день./ Душа под сводом их благословенным,/ И тело в их блаженствует тени» (Ахматова) – «One's memories live long and have three epochs./ The first is close, like yesterday; within/ Its hallowed bower the soul

enjoys repose,/ And in its shade the body refuge finds». Метафора разворачивается: «Уже не свод над головой, а где-то/ В глухом предместье дом уединенный,/ Где холодно зимой, а летом жарко./ Где есть паук и пыль на всем лежит,/ Где истлевают пламенные письма,/ Исподтишка меняются портреты,/ Куда как на могилу ходят люди,/ А возвратившись, моют руки мылом./ И стряхивают беглую слезинку/ С усталых век – и тяжело вздыхают...» (Ахматова) – «The bower recedes, and in its place there stands/ A lovely house, unswept and hung with cobwebs,/ Where it is cold in winter, and in summer/ Insufferably hot, where lovers' letters/ Turn brown with dust, and treasured pictures fade,/ Where people come as to a grave to lay/ A wreath of flowers, and afterwards, at home, Their hands wash with great care, and brush away/ A fleeting tear, and sigh, and sigh again». Естественно, что при воссоздании сложного образа переводчиком производятся многочисленные перестановки и замены, как на лексическом, так и на синтаксическом уровне (*свод – bower, дом уединенный – a lovely house, где истлевают пламенные письма – where lover's letters turn brown with dust* и др.).

Итак, при наличии ассоциативно-образных параллелей в двух языках (языковых метафор, метонимий, устойчивых сравнений, фразеологизмов и т.п.) перевод, как правило, не вызывает трудностей и переводчик легко справляется с сохранением всех видов информации исходного текста. Перевод авторской художественной метафоры словарными эквивалентами составляющих тропа с целью построения образа, аналогичного авторскому, в языке перевода является возможным, если этот образ является проявлением какой-либо базовой, или ключевой, метафоры, функционирующей в обоих языках (Фауна: животные – люди; Строение: строительная деятельность – другие виды деятельности и т.п.). В тех случаях, когда образ, созданный автором, является окказиональным употреблением, не всегда возможно сохранить формальную лексическую эквивалентность и следует применить либо описательный перевод с потерей образности, либо прием смыслового развития или целостного преобразования.

При отсутствии в языке перевода лексико-стилистической параллели, переводчиком осуществляются трансформации разного вида и содержания. Лексико-стилистические трансформации могут выступать отдельно, а могут комбинироваться. К ним относятся разнообразные замены: лексико-синтаксические замены с сохранением образности; употребление синонимического метафорического средства, позволяющего сохранить образность; лексико-синтаксические замены с утратой образности в языке перевода. Сложным приемом, часто содержащим в себе ряд замен, является компенсация.

Таким образом, сравнение исходного и переводного текстов демонстрирует объективно существующие в сопоставляемых языках закономерности передачи метафорической образности художественной прозы.

Литература

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: «Международные отношения», 1975.

2. Комиссаров В.Н. Слово о переводе. – М.: «Международные отношения», 1973.
3. Латышев Л.К. Межязыковые трансформации как средство достижения переводческой эквивалентности. // Семантико-синтаксические проблемы теории языка и перевода. – М.: МГУ, 1986. - С. 90 – 105.
4. Литвинова М.Н. Деривационно-прагматический анализ метафоры: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СГУ, 1987.
5. Складчикова Н.В. Межязыковые отношения метафор. – Кемерово, 1987.
6. Lakoff J., Jhonson M. Metaphors We Live By. – Chicago, 1980.

Л.И. Зубкова
Воронеж

Особенности перевода русских имен собственных на английский язык

Во многих языках, как отмечают лингвисты, личные имена преимущественно заимствованы. Заимствованные имена почти всегда подвергаются изменению со стороны принявшей их системы языка, адаптирующей и приспособляющей их к своим нормам. Эти изменения могут происходить на любом уровне – семантическом, морфологическом, чаще всего – фонетическом. Так, например, имена *Павел* и *Михаил* имеют иную графическую форму и произносятся в соответствии с нормами английского языка *Paul* и *Michail*, хотя и имеют общий источник заимствования. В древних языках-источниках все эти имена звучали иначе. Произношение собственного имени в языке-источнике принадлежит к важнейшим факторам, определяющим его орфографическую форму в языке перевода.

Сейчас трудно поверить, что русское имя Иван и английское John (Джон) происходят от древнееврейского имени Yōhānān (Иоханаан). Но, произнося имя Иван, мы связываем его носителя с русской культурой, а имя John сигнализирует о принадлежности к английской антропонимической системе и, соответственно, о том, что носитель имени John — не русский, а иностранец — англичанин или американец. Следовательно, имя собственное обладает имплицитной информацией о принадлежности его носителя к определенной культуре, т.е. характеризуется национально-культурной спецификой.

Существует давняя традиция перевода имен собственных. До начала XIX века переводились любые имена, а сам процесс их перевода воспринимался как творческая деятельность. В XIX в. появилась новая тенденция – передавать иностранное имя его соответствием в переводящем языке (*Александр – Alexandre*). В этой связи приведем рассуждения К.И. Чуковского: «Англичанину Джеку или шотландцу Джону нельзя давать наименование *Яша*, окрашенное русским (или еврейским) бытовым колоритом... Дико читать ... в шотландской балладе про шотландскую женщину:

Но все же слезы льет она:
Милее Яша ей.

Впрочем, подстать этому шотландскому Яше, у нас существует француженка Маша, в которую переводчик пятидесятых годов превратил знаменитую Манон Леско». Нельзя вносить в художественное произведение элементы другой культуры. Но это еще не является основанием для того, чтобы объявить все имена собственные «непереводимыми» (Чуковский, с.118).

При передаче иноязычного собственного имени, как правило, взаимодействуют четыре системы – две фонетические и две графические – языка-источника (ИЯ) и переводящего языка (ПЯ). В настоящее время отмечается следующая основная тенденция перевода: «передавать звучание имени настолько близко к оригинальному, насколько это позволяет графическая система ПЯ» (Влахов, Флорин, с.222). Произношение собственного имени в языке-источнике принадлежит к важнейшим факторам, определяющим его орфографическую форму в ПЯ.

При встрече с сокращенными и суффиксальными именами в переводе художественных произведений с русского языка на английский переводчики сталкиваются с огромными трудностями. Дело в том, что в английском языке, в отличие от русского, дериваты личных имен слабо связаны с их полной формой. Они перестают восприниматься как таковые, приобретают статус самостоятельных имен. Для английских имен характерны усечения полных форм: Agatha – Ag, Ronald – Ron; а также прибавление суффикса -у к усеченной форме для образования ласкательной формы имени: Davey, Maggy, Freddy, Jonny и т.п.

Обилие суффиксальных форм русского имени всегда поражало иностранных читателей. Подчеркивая разнообразие оттенков в отношениях русских людей, передаваемое словообразовательными аффиксами, А.Вежицкая сравнивает это качество с английским языком: «Степень и качество нежности, выражаемое русскими формами *Илюшечка* (в «Братьях Карамазовых» Достоевского) или *Надюшенька* (в романе «В круге первом» Солженицина), точно так же, как и грубое экспрессивное звучание формы *Митюха* (образованной от *Дмитрий*, *Митя* путем прибавления суффикса -уха) и ей подобных, просто не могут быть адекватно переданы по-английски» (Вежицкая, с. 50).

Анализ способов перевода на английский язык полной и сокращенной форм имен собственных, а также форм с суффиксами субъективной оценки проводился на материале переведенных рассказов В.М.Шукшина из сборников «I Want to Live» (М., 1978) и «Short Stories» (М., 1990), а также в переводах произведений В.Г.Распутина, вошедших в сборник «Money for Maria» (М., 1989).

Способ транскрибирования, характерный для перевода безэквивалентной лексики с национально-культурной спецификой значения, используется для перевода как полной формы имени (например, *Андрей* — *Andrei*, *Иван* — *Ivan*, *Василий* — *Vasili*, *Илья* — *Ilya* и др.), так и сокращенной (например, *Филя* — *Filya*, *Саня* — *Sanya*, *Настя* — *Nastya* и др.), и суффиксальной (например, *Васька* — *Vaska*, *Колька* — *Kolka*, *Агнюша* — *Agnusha*, *Элочка* — *Ellochka* и др.). Однако мы отмечаем и ряд случаев, когда переводчики исключали имена собственные из текста перевода, например: 1) — *Хватит смолить-то!* -

ворчала Алёна, хозяйка (В.Шукшин. «Думы»). — “Haven’t you burnt enough far for one day!” came his wife’s sleepy voice («Thoughts». Перевод Robert Daglish). 2) Тетя Вера, школьная уборщица, показала мне на стоящий в углу белый фанерный ящик... (В.Распутин. «Уроки французского»). — *Our school cleaner pointed to a white plywood box, the kind used for parcel post, standing in a corner* («French Lessons». Перевод Eve Manning). 3) Сочетание ‘*ded Северьян*’ из рассказа В.Шукшина «Стёпкина любовь» передается как ‘*the old man*’ (перевод Robert Daglish).

В данных случаях восприятие текста для англоязычного читателя облегчается, т.к. убираются иноязычные имена собственные, не несущие в конкретном примере информационно-стилистической нагрузки, при этом, что особенно важно, содержание повествования не искажается.

Принцип передачи форм имени собственного с помощью способа транскрибирования соблюдается не всегда. Часто переводчики ограничиваются одной формой имени в рамках одного произведения, например: — *Вот это да-а!* — ахнул Саня, подошедший последним. — *От и до, Санёк, а?!* — крикнул ему Митяй (В.Распутин. «Век живи – век люби»). — “Ooh!” exclaimed Sanya, coming up last. “From and to, Sanya, eh?” shouted Mitayî («Live and Love». Перевод Flex Miller). В некоторых случаях отмечается неоправданная замена суффиксальных форм их полными транскрибированными формами. Например, в повести В.Распутина «Деньги для Марии» («Money for Maria») переводчица Margaret Wettle переводит имя Галёк только как *Galya*. Замена переводчицей в этом же рассказе формы Витёк (*Vitka*) на Витя (*Vitya*) в отдельных примерах искажает просторечный характер повествования, избранный автором, и является, на наш взгляд, необоснованным, поскольку в тексте оригинала тональность общения не меняется: 1) *На крыльце сидел Витёк, старший из ребят...* — *Vitya, his eldest son, was sitting on the porch....* 2) *Перед ним стоял Витёк...* — *Vitka was standing in front of him...* 3) *Но Витёк не уходил...* — *Vitya, however, didn’t go away.*

В рассказе “The Stubborn Fellow” (В.Шукшин. «Упорный») формы имени Дмитрий (*Митрий*, *Моня*) передаются способом транскрибирования *Mitry*, *Monya*, но уничижительные формы *Мотёк* и *Митёк* – способом транскрибирования форм *Мотя* и *Митрий* — *Motyа* и *Mitry*. Эта замена в данном конкретном случае на фоне большого количества других форм одного и того же имени не несет ощутимых потерь в стилистическом и семантическом отношениях. Неподготовленному английскому читателю различать стилистические оттенки русского собственного имени в транскрибированном варианте довольно-таки тяжело, и, как отмечают С.Влахов и С.Флорин, «выйти из этого положения без потерь почти невозможно» (Влахов, Флорин, с. 223).

В следующих примерах замена в переводе уничижительных форм имени их сокращенными формами, нейтральными в стилистическом отношении, нивелирует разговорный стиль речи: — *Перво-наперво подай на Мишку на алименты. Манёк напиши, чтоб парнишку учил.* — *А Петёк что сказать?* — *спросила старуха* (В.Шукшин. «Как умирал старик»). — “First of all, try to get

*some old-age support from Mishka. Write to Manya and say that boy of hers needs an education". "What should I say to Petya?" – asked the old woman («How the Old Man Died». Перевод Holly Smith). В другом же рассказе В.Шукшина «Ванька Тепляшин» встречаются три формы имени – полная *Иван*, сокращенная *Ваня* и суффиксальная *Ванька*. Переводчица Holly Smith передает все эти три формы имени транскрибированием суффиксальной формы — *Vanka*. В результате достоверность фразы «Где, Ваня?» и подчеркнутое уважение в реплике «*He в этом дело. Зря, ты, Иван*» в английском переводе не передается.*

В рассказе «*Stepan in Love*» (В.Шукшин. «Стёпкина любовь») сокращенная форма имени *Стёпа* передается на английский язык транскрибированием полного имени *Stepan (Cmenan)*: - *Поздно хватился, Стёпа*, - громко сказал Васька. — “*You thought of it too late, Stepan*”, *Vaska proclaimed loudly* (перевод Robert Daglish). Национально-культурная специфика русского имени в английском переводе утрачивается – дружеское и непринужденное обращение по имени *Стёпа* передается в переводе официальным именем, которое используется применительно к друзьям в том случае, если адресант хочет подчеркнуть важность высказывания и меняет тональность общения с дружеской на официальную.

Аналогичный пример можно привести из перевода повести В.Распутина «Деньги для Марии»: — *Серёжа*, - доносится до Кузьмы голос старухи... — *Серёжа*, уж теперь телеграмма наша, наверное, пришла, правда?— *Теперь, конечно, получили*, - отвечает старик. — “*Sergei*”, he heard the old lady say... “*Sergei, do you suppose they’ve had our wire by now?*”

Использование сокращенной формы имени *Серёжа* в общении между пожилыми людьми указывает на теплоту их отношений. Тональность общения в переводе остается не переданной из-за использования транскрибированного варианта полной формы *Sergei* («Money for Maria»). Перевод Margaret Wettlin). Таким образом, в ряде случаев отмечается утрата национально-культурного своеобразия имени и искажение тональности общения.

Суффиксы эмоциональной оценки национально окрашены, и для компенсации потерь при замене суффиксальных форм имени полной формой переводчик Robert Daglish в рассказе «*Boots*» (В.Шукшин. «Сапожки») использует сочетание *old chap (старина, дружище)* в качестве дополнительного контекстуального средства: — *Да ведь жалко, Серёжа! Не нашёл же ты их, шестьдесят пять рублей-то*. — “*We’re sorry, Sergei, old chap!*” Дружеская атмосфера, таким образом, сохранена, а транскрибированное имя *Sergei* в переводе содержит имплицитную информацию о его отнесенности к русским антропонимам. В этом же рассказе при переводе ласковой формы имени *Сергунь* транскрибированная полная форма употребляется с постпозитивным определением *love (любовь)*: “*Sergei, love*”. Аналогичную компенсацию отмечаем в рассказе «*All Alone*» (В.Шукшин. «Одни») при переводе уменьшительно-ласкательной формы *Марфынька*, где используется постпозитивное определение *dear (дорогая)*: — *Чего пригорюнилась, Марфынька?* – спросил Антун. — “*What’s making you so*

sad, Marfa, dear? – asked Antip. Постпозитивные атрибуты передают, теперь уже эксплицитно, атмосферу общения и настроение адресанта.

Таким образом, чтобы не отягощать внимание читателя трудностью запоминания нескольких форм одного и того же имени, переводчики не вводили этот ряд имен в текст на английском языке, выбирая одну-две формы. В таких случаях отмечается определенная утрата эмоциональной окраски имен. С другой стороны, когда в одном тексте встречается целый ряд вариантов имен, и если все их транскрибировать, читатель не только не разберется в оттенках, он может подумать, что речь идет о разных людях. Выйти из этой ситуации без потерь, как показали приведенные примеры, практически нельзя. Переводчик сталкивается с необходимостью выбора: транскрибировать и пояснять или отбросить суффиксы и передавать характер эмоциональной оценки, вносимый тем или иным суффиксом, другими средствами.

Литература

1. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. – М.: Русские словари, 1997.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Междунар.отношения, 1980.
3. Чуковский К.И. Высокое искусство. – М., 1964.

Раздел 6.

Сопоставительные исследования в области словообразования и грамматики

Н.П. Ульянова, Гибало Е.Н.

Воронеж

Сопоставительный анализ структурных моделей народных фитонимов в современном английском и русском языках

Исследование русской и английской народных номенклатур с точки зрения их словообразовательных моделей показывает, что в них представлены как цельнооформленные (мономинальные), так и раздельнооформленные (биномиальные и полиномиальные) модели. В народной номенклатуре встречаются цельнооформленные номинативные единицы, производные и непроизводные. Наличие непроизводных лексем объясняется в основном большим числом заимствований в сфере народной номенклатуры, стихийно проникших в языки вследствие языковых контактов народов. Это главным образом устные заимствования, которые в принимающем языке претерпевают значительные фонетические искажения и нарушения морфологической структуры (напр. англ. *artichoke* из ит. *carciofo*, *daffodil* из греч. *asphodel*,

dandelion из фр. *dent de lion*) и др. Сюда относятся такие названия растений, как: рус. *аконит, астра, омег, куколь, камыш, вигонь, армерия, анемон* и др.; англ.: *jonquil, columbine, bugloss, alkanet, vervaine, milfoil, purslane* etc.

Производные номинативные единицы возникли путем деривации и композиции. Деривационные модели можно проиллюстрировать следующими примерами: рус. *перечник, огонек, орлик, ноготки, колокольчик, синюшник, золотарник, горькуха, чернушка, белянка* и др.; англ. *honesty, boots, daggers, cucumbers, drunkards, bells* etc. В роли словообразующих формантов часто выступают уменьшительные суффиксы и словоизменительные морфемы множественного числа в русском языке (*иванчики, бурачки, звездочки, кисточки, граммофончики, бубенчики, бабочки, петушки, шапочки* и др.) и словоизменительная флексия множественного числа «s» в английском языке (*bulldogs, niggers, caterpillars* etc.).

Композиционные модели имеют две разновидности: основосложение, представленное преимущественно в русском языке (*блохогон, молокоед, хворобой, живокость, златоцвет, чистотел, болиголов* и др.), и разнословное сложение. Разнословное сложение включает структуры с атрибутивными связями компонентов (рус. *полынь-трава, меч-трава, верба-трава, царь-зелие* и т.п.; англ. *starwort, milkweed, cornflower, lungwort, slipperwort, butterscup*). Сюда входят как простые, так и осложненные метафорой лексемы, а также сложения с сочинительной связью компонентов (рус. *иван-да-марья, мать-и-мачеха, брат-с-сестрой*, англ. *chariot and horses, our Lady in a boat*). Номинализованные сложные слова, образованные путем семантической компрессии синтаксических конструкций или предложений, особенно типичны для народной номенклатуры английского языка, в которой выделяются разные модели: а) композиты с опорным вербальным компонентом: *Billy-come-home-soon, wake-at-noon, jump-up-and-kiss-me, touch-me-not, John-go-to-bed-at-noon, call-me-to-you, good-night-at-noon*. б) сложения с опорным субстантивным элементом: *devil-in-the-bush, money-in-both-pockets, pennies-in-a-purse, love-lies-bleeding, love-in-a-mist, John-in-the-pulpit, captain-over-the-garden*. В русском языке также имеются сложные слова, состоящие из основы глагола в повелительном наклонении и существительного в именительном падеже: *повесь-борода, одуй-плешь, люби-друг, цвети-свет, перекажи-поле* и др.

Широко представлены в народной номенклатуре и раздельнооформленные номинативные единицы, прежде всего биномиальные устойчивые словосочетания, компоненты которых связаны простой когеренцией: рус. *полевые васильки, дикий мак, лесной чай, дикая фиалка, голубиный горох, летний тюльпан* и др.; англ.: *sweet woodruff, Greek valerian, French marigold, the common larkspur*. В русском языке отмечаются не только структуры типа A+N, но и модели с обратным расположением компонентов N+A. Например: *вишня полевая, лилия белая, вишня пузырная, гвоздика полевая* и др. Подобные структуры, состоящие из названия растения и характеризующего его эпитета, близки научным моделям, но менее определены.

Характерной для русского языка является модель словосочетания со вторым компонентом - *трава, - корень*, первый элемент которого называет

болезнь, против которой используется данное растение, или указывает на его ядовитые качества: *грудная трава, золотушная трава, сердечная трава, рвотный корень, кошачий корень, волчий корень* и др. В английском языке для выражения подобных отношений используется прием композиции: *cancer-root, madwort, throatwort* etc.

Биноминальные устойчивые словосочетания, компоненты которых связаны когеренцией, осложненной метафорическим переносом, представлены в обоих языках. Здесь выделяются словосочетания, в которых один из элементов является метафорическим: рус. *синие султанчики, рогатые васильки, голубой колокольчик, желтая кубышка, огненный цвет, шахматный цвет* и др.; англ. *blue bell, blue bottle*, а также сочетания с обоими переосмысленными компонентами: рус. *анютины глазки, барская спесь, бабий ум, собачья морда, царские кудри* и др.; англ. *monk's hood, cock's comb, bird's eye, golden cup*, etc. Английский язык предрасположен к использованию структуры N+N, так как категория относительных прилагательных в нем развита слабо. Кроме словосочетаний, включающих оба метафорических компонента (*prince's feather*), модель N+N используется в словосочетаниях со вторым компонентом – названием цветка или обобщенных слов типа *flower, wort, bane: monkey flower, flea bane, slipper wort, butter flower, leopard lily, etc.*

Граница между словосочетаниями и сложными словами в английских названиях растений очень нечеткая, свидетельством чего является нестабильная орфография одних и тех же наименований. Так, например, встречается как раздельное, так и слитное или дефисное написание фактически одних и тех же обозначений: *cock's comb* и *cockscumb, lark toe* и *larktoe*, etc.

Что касается полиномиальных фитонимов, то здесь прослеживается большое разнообразие структур, не поддающихся классификации по типам. Это такие индивидуальные названия растений как рус.: *девица в зелени, люблю и ненавижу, желтая адамова голова, волчий корень трава, цвет святой Марии и др.* англ.: *eleven o'clock Lady, good king Henry, our Lady tears, baby blue eyes, marvel of Peru*, etc. Стандартизации в английском языке подверглась лишь последняя модель, реализующая значение «цветок, растущий на, в...», поскольку она представлена рядом типичных структур: *glory of the snow, star of Bethlehem, jewel of the Veldt* etc.

Следует отметить, что большую роль в пополнении народной флористической лексики играют заимствования. Это касается, прежде всего, фоноструктурных заимствований, обусловленных устными языковыми контактами народов. Так, в русскую народную номенклатуру активно проникают заимствования из финских и тюркских языков, из украинского языка, являющегося в свою очередь посредником в передаче полонизмов, чехизмов, тюркизмов, а также заимствований из немецкого и латинского языков. Напр.: *касатик (польск.), львянка (польск.), барвинок (польск.), любисток (польск.), чернушка (польск.), свербезница (польск.), сасанка (чеш.), куколь (чеш.), омег (чеш.), камыш (тюркс.), зверобой (тюркс.), чинара (тюркс.), жонкиль (фр.), жасмин (фр.), гранат (лат.), эдельвейс (нем.), маттиола (ит.), табак (исп.), вахта (фин.-угор.)* и др.

Английские наименования растений также включают большое число заимствований из разных языков: *plantain* /lat./, *saxifrage* /lat./, *feverfew* /lat./, *cineraria* /lat./, *vervaine* /lat./, *dittany* /lat./, *primrose* /lat./, *periwinkle* /lat./, *purslane* /Fr./, *pansy* /Fr./, *dandelion* /Fr./, *campion* /Fr./, *hyacinth* /Fr./, *bergamot* /It./, *anemone* /Gk./, *celandine* /Gk./, *daffodil* /Gk./, *veronica* /Gk./ etc.

Проникающие стихийно в язык фоноструктурные заимствования обычно входят в него в нечленимой форме, но изредка подвергаются народному этимологизированию. Например, англ. *tuberoze* из лат. *tuberosa* ошибочно осмысляется как состоящее из двух компонентов – *tube* + *rose*; рус. *бельцы* из лат. *Bellis* и рус. *зверобой* из казахск. «*джерейбай*» ошибочно воспринимаются как сложные слова и т.д. Имеются в народной номенклатуре обоих языков и морфологические кальки, проникшие в язык разными путями. Например, рус.: *незабудка* (Germ. *Vergissmeinnicht* буквально «не забудь меня»), *чернушка* (lat. *Nigella damascena*), *лисохвост*, *бархатный цвет*, *птицмелчник*, *медвежий когти* и др. Также англ. *forget-me-not*, *passion flower* (lat. *Passiflora*), *monkey flower* (lat. *Mimulus*), *stone-break* (lat. *Saxifraga*), *rockfoil*, *spearlily*, etc.

Таким образом, анализ структуры народных фитонимов в двух языках выявил их неоднородность и многообразие, что объясняется возникновением народной номенклатуры вследствие естественной номинации, при которой выбор словообразовательной модели /как и мотивировочного признака/ происходит нецеленаправленно, стихийно. Вместе с тем отмечаются как сходства в структурных моделях английских и русских фитонимов, так и отличия, обусловленные структурно-типологическими особенностями сопоставляемых языков.

Е.В. Москалёва
Мичуринск

Сопоставительный анализ английских и русских трансоминантных новообразований на материале художественного текста

Исследование нового слова в сопоставительном аспекте с неизбежностью предполагает обращения к тексту. Особый интерес в рамках сопоставительного анализа функционирования неологизмов в тексте вызывают трансоминантные новообразования, сочетающие новизну формы слова со значением, уже передававшимся ранее другой формой: *sudser* (мыльная опера); *big C* (мед. рак); *Af*, *houiti* (негр); *интердевичка*, *тилинг* и другие. Трансоминации появляются в языке с целью дать новое имя и отражают тенденцию к употреблению более экспрессивных форм. Как известно, не всегда и не обязательно новое слово возникает в языке в результате появления нового понятия или предмета. Уже имеющееся понятие, предмет могут быть названы новым словом, которое или более чётко, более глубоко и более правильно выражает их суть, или – большей частью – возникает из стилистических потребностей для сообщения разного рода

экспрессивно-эмоционально-оценочных оттенков. В лингвистической литературе их иногда называют стилистическими неологизмами (Гальперин, с. 77). По нашему мнению, определение «трансноминации» полнее отражает природу этих неологизмов, так как они одновременно выполняют назывную и стилистическую функции.

Трансноминация наблюдается при образовании неологизмов, как в английских (40%), так и в русских (24%) художественных произведениях второй половины двадцатого столетия. Рассмотрим основные словообразовательные модели, по которым они создаются. В английских оригинальных художественных текстах трансноминантами в основном являются имена существительные, причём, зачастую это знакомые читателю понятия, употребляемые в новом значении. Встречаются и случаи словосложения, когда два знакомых читателю слова объединяются в одно, имеющее новую форму (*escalladder*).

В русских оригинальных художественных текстах, в отличие от английских, трансноминантные новообразования чаще сопровождаются изменением формы слова, причём, как правило, эта форма впервые предлагается читателю (*медиколог*).

В английских художественных текстах неологизм-трансноминант вводится в структуру повествования с обязательным контекстным окружением, помогающим понять значение появившегося нового слова:

We rode an escalladder into the nose... (Niven)

В данном случае неологизм-трансноминант «*escalladder*» образуется за счёт слияния двух основ *escalate* – «постепенно подниматься» и *ladder* – «лестница» (ср. *escalator* – эскалатор). Слияние известных читателю основ даёт представление о новом денотате, образуется новое слово, обозначающее незнакомый для читателя предмет, но о назначении которого нетрудно догадаться благодаря известным составляющим.

Анализ трансноминантных лексических новообразований позволяет отметить, что в русских художественных текстах неологизм-трансноминант может использоваться автором произведения как эффективное, сильнодействующее стилистическое средство:

Он брёл по городу, ничего не замечая, пока не наткнулся на пузырь кабинки видеотектора. (Павлов)

Как показывает пример, нанизывание неизвестных реалий друг на друга (пузырь, кабинка) заканчивается употреблением неологизма, являющимся кульминационным моментом всего высказывания. Причём из производного слова «видеотектор» читателю понятна лишь первая часть «видео», имеющая древнерусское происхождение (ср.: общеславянское: *vedeti* – ведать; лит.: *veizdėti* – смотреть; др. прусское: *widdai* – видел; готс.: *witan* – ведать, знать; лат.: *video* – вижу, замечаю, нахожу) и сразу настраивающее читателя на знакомое понятие, связанное с восприятием зрения. Вторая составляющая данного сложного новообразования, скорее всего, незнакома и неясна адресату-читателю, и именно элемент «тектор» нацеливает на желание узнать о происходящем из дальнейшего повествования.

Следует отметить, что в обоих сопоставляемых языках в художественных текстах встречается, правда нечасто, тенденция к образованию неологизмов-трансноминантов на основе ассоциаций с общепринятым мнением.

Например, в английском художественном тексте нам встретился такой неологизм-трансноминант, как «*nuts*» (прямое значение «орехи») в значении «чепуха», «ерунда». Следует отметить, что слово «*nuts*» достаточно долгое время встречается в данном значении в разговорной речи и его употребление в художественном тексте демонстрирует закрепление этой лексической единицы в языке:

Nuts! There was nothing to it! Fusionists were merely spoiled!
(Asimov)

Обращает на себя внимание тот факт, что новый предикатный лексико-семантический вариант появляется на основе ассоциативного представления. Образование данного трансноминанта, по всей вероятности, явилось результатом актуализации потенциальной семы «пустяшное дело», заложенной в идиоме «to crack nuts» («щёлкать, как орехи»).

Аналогичное явление мы наблюдаем в русских художественных текстах. В качестве примера возьмём неологизм-трансноминант «*жвачник*» (телевизор):

Помню, смотрел по жвачнику интервью с Эрнстом Неизвестным, который вот так же в одиночестве творил, жил вне тусовок, конференций, съездов. (Никитин).

В этом случае русскоязычному адресату-читателю вполне понятны авторские ассоциации, которые легли в основу образования данного трансноминанта. Это, с одной стороны, бесконечные рекламы (в том числе и жевательных резинок) на отечественном телевидении, а, с другой, однотипность, отсутствие оригинальных телепроектов, транслируемых для населения, когда «пережёвывается» и подаётся одна и та же информация в течение длительного времени.

В русских художественных текстах наблюдается и такая форма неологической трансноминации, которая в английских текстах не встречается. Довольно часто в русских художественных текстах употребляются трансноминанты-неологизмы, представляющие собой заимствования из английского языка. Заимствования можно отнести к сильным неологизмам, так как они отличаются фонетической дистрибуцией, не характерной для русского языка, а также нетипичным морфологическим членением и отсутствием мотивации.

Научить писать хорошие книги можно каждого. Ещё проще – бестселлеры, которые приносят немалые деньги. (Никитин)

С чем связано отсутствие новой заимствованной лексики в английском языке? По всей вероятности, с тем, что английский язык приобрёл статус Lingua franca (язык общения) XX века. Из «принимающего» языка он превращается в «дающий», и вследствие этого продолжает расширяться за счёт заимствований гораздо в меньшей степени, чем это было в средние века и в эпоху Ренессанса.

Русскоязычный писатель, обращаясь к читателю, использует заимствованные неологизмы-трансноминанты скорее всего из стремления к

оригинальности и желания следовать современным традициям употребления неассимилированной английской лексики (варваризмов) в русском языке.

В русских художественных текстах нам встретились случаи использования заимствований-трансноминантов, изменяющих свою форму: **комп**, **компик** (ср. англ. – computer):

*Некая фирма, многократно извинившись, прислала свой прайс-лист на комплектующие к **компам**, цены очень низкие, явно распродаёт остатки и ликвидируется...*

*Мерилин что-то очень быстро отметила на своём **компике**. (Никитин)*

В этих случаях сокращённый вариант неологизма «комп» и появление русского словообразовательного суффикса -ик является в тексте не чем иным, как профессиональной лексикой и используется автором произведения для описания событий из жизни людей, профессиональная карьера которых тесно связана с компьютерной техникой.

Представляется, что в русских художественных текстах можно рассматривать использование заимствованного трансноминанта как одно из эффективных стилистических средств, служащих для акцентирования значимости моментов повествования.

Итак, как в английских, так и в русских художественных текстах можно наблюдать процесс создания неологизмов-трансноминантов по ассоциации, которая, безусловно, может быть авторской, но обязательно с учётом культурологических традиций читательской аудитории. В английском языке, в отличие от русского, имеют место трансноминанты-неологизмы по форме образования, полученные в результате словосложения. В русских текстах отмечается активное использование заимствований из английского, которые при переходе из одного языка в другой, либо совсем не изменяют своей формы и являются варваризмами, либо «подстраиваются» под морфологический строй принимающего языка и функционируют как ассимилированные заимствования. Но в обоих сопоставляемых языках трансноминанты-неологизмы являются важным стилистическим средством создания близкого контакта адресанта-автора с адресатом-читателем.

Литература

1. Гальперин И.Р. Текст и исполнение в связи с дихотомией язык и речь. – М: Наука, 1982.

Л.Ю. Зубова
Воронеж

Аббревиатуры в медицине и их классификация (на материале английского и французского языков)

Феномен аббревиации приобретает особую актуальность в 21 веке, когда давление информации на человечество возросло настолько, что воспринять и обработать хотя бы большую часть новых сведений не представляется возможным без использования в языке такой насыщенной единицы, как аббревиатура. Очевидным представляется факт, что наибольшей

продуктивностью и распространенностью аббревиатур характеризуются подязыки науки и техники (Балишин). В частности, что касается медицины, то невозможно представить себе любую ее отрасль без специальных аббревиатур. Особую востребованность на текущий момент приобретают билингвистические и полилингвистические словари медицинских аббревиатур, что легко объяснимо расширением поля международных контактов, близостью медицинских терминологий и интернационализацией процесса аббревиации (Еремкина), а также таким, в прямом смысле, фактором риска, как омонимия сокращений.

Предметом настоящей статьи послужили особенности процесса аббревиации медицинской лексики в таких схожих и одновременно различных языках, как английский и французский (будучи оба аналитическими, они различаются по фонетическому и синтаксическому строю). Как известно, аналитические языки более предрасположены к образованию аббревиатур, чем, к примеру, синтетические, что объясняется, прежде всего, условностью связей между компонентами сложного слова, словосочетания. В английском языке в результате усечения или эллипса аббревиатура не получает ни родового признака, ни парадигмы склонения. Во французском языке аббревиатура получает свою родовую принадлежность по определяющему существительному в терминологической единице, а значит, и свой артикль. Это вызывает некоторые трудности при образовании новых аббревиатурных единиц: определяющее существительное часто смещается, а вместе с ним и род, и артикль аббревиатуры.

Материалом для данной статьи послужили моно- и билингвистические словари и справочники медицинских терминов.

В обоих языках образование новых медицинских аббревиатур и «жизнедеятельность» уже образовавшихся, т.е. их перемещение в разные сферы общения и стили речи, участие в различных структурных и семантических трансформациях идут достаточно интенсивно, хотя английский язык стоит на первом месте по их количеству и востребованности. Являясь важнейшим языком международного общения, широко используемым, в частности, врачами многих стран, он легко заимствует иностранные слова, часто готовые аббревиатуры, легко усекает слова, терминологические сочетания, вследствие чего именно на базе английского языка уже накоплен богатейший опыт создания специальных словарей сокращений. Такие словари являются большим подспорьем и необходимым атрибутом как для ученого, так и для практического врача, повышающего свою квалификацию. Иноязычные статьи, отражающие опыт врачей других стран, буквально пестрят медицинскими аббревиатурами, которые часто не расшифровываются в тексте.

Вопрос о составлении специализированных словарей медицинских сокращений во французском языке, как моно-, так и би-, и полилингвистических остается открытым.

Сложность восприятия аббревиатур в тексте заключается в том, что, к сожалению, нет единообразия в системе аббревиатур. С одной стороны, одно и то же понятие, феномен может быть выражен равно и термином, и

терминологическим сочетанием, и аббревиатурой. С другой стороны, одна и та же аббревиатура может выражать понятия, никак не связанные между собой. Наконец, один и тот же термин может выражаться разными аббревиатурами. Все эти недочеты в системе аббревиации могут привести к неадекватному переводу, непониманию и, наконец, стоить пациенту жизни.

Существует множество классификаций аббревиатур по различным параметрам. Для того чтобы сложилось целостное впечатление, рассмотрим медицинские аббревиатуры обоих языков параллельно по нескольким классификациям. Традиционно выделяются аббревиатуры графические и лексические.

Графические сокращения (ГС), являясь атрибутом письменной речи, существуют только для экономии пространства, не являясь самостоятельными лексическими единицами, неразрывно связаны с прототипом, не употребляются сами по себе и не могут стать прототипом для других аббревиатур. Вследствие этого, некоторые лингвисты не считают ГС собственно аббревиатурами, элементами лексического состава языка: «...ГС лишь выполняют функцию заместителей (символов), существуют лишь для зрительного восприятия» (Алексеев Д.И, с. 104).

Тем не менее, признавая, что такая группа существует и нередко вызывает значительные трудности при прочтении без расшифровки, остановимся на ней поподробнее. По своему графическому оформлению выделяют:

- точечные ГС, которые наиболее распространены во французской медицинской терминологии (44,04 % по Еремкиной): англ. *bil.* (bilateral), фр. *enc.* (enceinte)
- косолинейные ГС, которые употребляются при сокращении словосочетаний и сложных слов. Косая линия выполняет различные функции: указывает на границу между компонентами сложного слова или двух слов: фр. *s/o* (sans objet) маркирует опущение предлога или союза, англ. *R/L* (from right to left)
- дефисные ГС характеризуются постановкой дефиса вместо опущенной средней части слова и целесообразны там, где необходимо сохранить грамматическую информацию. Однако в некоторых случаях дефисные сокращения совпадают по использованию с косолинейными: англ. *Gn-RH* (gonadotropin-releasing hormone) - дефис сохранился в аббревиатуре от сложного слова-прототипа, как разделитель между его частями
- комбинированные ГС появляются в результате применения нескольких графических приемов сокращения, например, комбинирования прописных и строчных букв, надстрочных и подстрочных элементов и т.д.: англ. *HBcAg* (hepatitis B core antigen), фр. *IgR* (immunoglobuline antirabique)

Если анализировать монолексемные графические аббревиатуры, то различают:

- инициальные (предельно сокращенные) ГС, представленные инициальной буквой термина: англ. *S* (soluble, son, stem [cells]), фр. *S* (sérum, soluble)

Эта модель чрезвычайно популярна в обоих языках по причине своей краткости, хотя, в силу графической омонимии, она проигрывает нижеперечисленным.

- рамочные ГС обрисовывают контуры слова, поэтому они являются более эксплицитными и случаи графической омонимии практически исключены. Данная модель присутствует в обоих языках, хотя является менее многочисленной: англ. *tbsp* (tablespoon)
- усечения представляют довольно распространенную модель, т.к. легко узнаваемы в контексте и одновременно кратки: англ. *comp.* (complication), фр. *césar.* (césarienne)

Рассматривая многолексемные термины-аббревиатуры, оговоримся, что, в независимости от количества компонентов, входящих в состав аббревиатуры, при ее образовании действуют общие структурные закономерности (Еремкина). В соответствии с этим, выделяются следующие модели:

собственно-инициальные, т.е. каждый знаменательный компонент выражен собственным инициалом: англ. *RRR* (regular rhythm and rate)

инициально-комбинированные – модель, где инициалами представлены не только знаменательные, но и служебные части речи: англ. *ROM* (range of motion), фр. *RSS* (régime sans sel)

инициально-словные – модель, где один из компонентов сложного термина не усекается, а остается в полной форме: англ. *Rh-factor* (Rhesus factor), фр. *facteur Rh*

Отметим, что графический тип сокращения находит широкое применение в подязыке медицины как в официально-письменной речи, так и в неофициально-устной. Как отмечает П. Хакилл, несколько сотен двух-, трех-, или четырехбуквенных сокращений известно каждому врачу (Hukill, с. 145).

Другим интересным объектом изучения является группа лексических сокращений (ЛС). Как уже было сказано ранее, ЛС считаются полноценными единицами коммуникации, имеющими все основные признаки слова: собственное произношение, орфографию, семантическую структуру, стилистическую функцию, набор грамматических признаков, позволяющий адаптироваться к системе данного языка и т.д. ЛС, с точки зрения их структуры, логично разделить на инициальные, слоговые, усеченные, частичносокращенные, слова-слитки, телескопные, стяжения и корневые аббревиатуры.

Инициальные сокращения, по результатам многих исследований, представляют собой наиболее перспективную группу в обоих языках. Краткие по форме и емкие по содержанию, инициальные сокращения могут стать прекрасным прототипом для новых аббревиатур.

По способу произнесения инициальные аббревиатуры делят на алфавитизмы, акронимы и звуко-буквенные аббревиатуры:

- в алфавитизмах каждый компонент произносится по правилам алфавита того или иного языка. Наиболее распространены трехзначные алфавитизмы, т.к. двузначные в своем большинстве не выходят за рамки ГС: англ. *ABG* (arterial blood gases), фр. *PTDVG* (pression télédiastolique du ventricule gauche).

- акронимы, в отличие от алфавитизмов, произносятся как слова. Для достижения эффекта благозвучия и удобства произнесения на данном языке прорабатываются две основные схемы образования акронимов. Первая – это удачный «перевод» сложного терминологического сочетания в акроним. Иногда звуки произвольно добавляются из прототипа, иногда происходит опущение звуков, мешающих благозвучию: англ. *ELISA* (enzyme-linked immunosorbent assay), фр. *AGE* (acide gras essentiel). Вторая – это «расшифровка» составленного акронима, чаще всего, инициального типа. Этот прием используется для лучшего запоминания названия феномена, учреждения и т.д. или в целях рекламы, обычно лекарственных средств.
- звуко-буквенный вариант – это смешанная форма прочтения аббревиатуры. Он представлен довольно немногочисленной группой в обоих языках: англ. *SIJ* (sacro-iliac joint), фр. *SSE* (souffle systolique d'éjection).

Слоговые сокращения названы так условно, ибо слог в его фонетическом и грамматическом понимании не всегда совпадает с той частью слова, которая берется за основу для создания данного типа ЛС. Здесь важна та часть слова, чаще всего, начальная, по которой нетрудно будет восстановить полную форму прототипа: англ. *MEDEVAC* (Medical Evacuation System), фр. *ASPROM* (Association pour la promotion de la Micro-informatique).

Усечения встречаются чаще всего в неформальном профессиональном общении на уровне профессиональных жаргонизмов. Часто данный тип используется для названия фармакологических средств в целях более быстрого запоминания: фр. *omni* (omnipraticien).

Наиболее распространенными в группе частичносокращенных слов являются производные от инициальных аббревиатур, т.е. сочетание инициальной аббревиатуры и словосложения. Происходит соединение уже устоявшегося инициального сокращения (ИС) с полнозначным термином (ПТ): англ. *HIV-resistant*, фр. *LUF-syndrome*. Так как выбор пары «ИС+ПТ» неограничен, то обычно этот тип не фиксируется в словарях аббревиатур, однако очень употребителен в силу своей емкости и в английском, и во французском языках. Причем в обоих языках варианты второго компонента пары достаточно разнообразны (и существительные, и прилагательные, и причастия). Достаточно быстро развивается тенденция к т.н. цепочечным соединениям: 2-3 инициальных аббревиатуры+ ПТ.

В образовании слов-слитков всегда участвуют несколько компонентов, по меньшей мере, два. В результате комбинации 1-й части 1-го компонента и 2-й части 2-го компонента получается слово-слиток: фр. *Néxamilone* (Néxamidine+triamcinolone).

Обратный процесс (слияние 1-й части 2-го компонента и 2-й части 1-го компонента) называется телескопией.

Стяжения по принципу сходны со словами-слитками. Разница лишь в том, что здесь участвуют многокомпонентные сложные, но однословные ЛЕ. По сфере функционирования слова-слитки также схожи со стяжениями, ибо используются в обоих языках для номинации лекарственных средств:

фр. *Hydrozide* (hydrochlorothiazide). Отметим, что в связи с такой узкой специализацией количество этих терминов немногочисленно.

В заключение отметим, что сокращения в подъязыке медицины английского и французского языков, наряду со специфическими особенностями, имеют много общего. Являясь неоднородным пластом по структуре и сфере функционирования, феномен аббревиации в медицине подлежит дальнейшему изучению. Актуальность такого исследования обусловлена практическими целями как лексикографии, так и пользователей полилингвистическими словарями медицинских аббревиатур.

Литература

1. Балишин С.И. О сокращениях в подъязыке медицины // Разновидности и жанры научной прозы. Лингвостилистические особенности. - М. 1989.
2. Еремкина Г.Г. О некоторых интралингвистических причинах появления сокращений во французской медицинской терминологии // Эффективные формы работы по языку и литературе в учебной аудитории. - Одесса, 1991.
3. Алексеев Д.И. Сокращенные слова в русском языке. - Саратов, 1979.
4. Hukill P.B. The Spoken Language of Medicine: Argot, Slang, Cant // American Speech. -1961. - Vol. 36, N 2.

Э.Е. Щербатюк
Тамбов

Модальное значение долженствования и средства его выражения в русском и немецком языках

Модальное значение долженствования в современном языкознании преимущественно относят к нереальным модальным значениям, так как то, о чём сообщается в предложении, не имеет места в реальной действительности, оно должно иметь место в будущем, то есть потенциально может стать реальным.

Значение долженствования очень близко к значению необходимости. Бывает так, что между ними довольно трудно провести границу. Но, несмотря на это, эти значения все же различаются. Существенное различие заключается в том, что данные значения отражают различные понятия действительности: необходимость и долг. Долг – это обязанности субъекта по отношению к обществу, государству, это правила или нормы морали, этики, этикета, поведения человека, это традиции или обычаи – одним словом, это предписания чего-либо кому-либо: законы, инструкции, команды, приказы; правила игры, математические, логические, технические правила.

В высказываниях с модальным значением долженствования приписываемый предмету признак соотносится всегда с каким-либо лицом, и реализация этого признака зависит только от этого лица.

Долженствование – это моральное значение, несущее в себе вынужденность действия, которая и обусловлена законами, обычаями, традициями, правилами поведения, личным опытом говорящего.

Таким образом, значение долженствования обуславливается наличием принудительной причины или вынуждающими обстоятельствами. Модальность этих предложений определяется такими факторами, которые устанавливают, что должно, а что не должно быть сделано для достижения определенного результата.

Средства выражения данной семантики в русском и немецком языках довольно разнообразны, о чем свидетельствует изученный нами практический материал. Для лингвистического анализа мы обратились к творчеству классиков русской и немецкой литературы: Льва Николаевича Толстого и Иоганна Вольфганга Гете.

Рассмотрим, какие средства выражения данного модального значения использует Л.Н. Толстой. Предложения, содержащие рассматриваемую модальность, строятся по следующим моделям, которые активно писатель использует в своем творчестве:

1 модель – подлежащее + модальный + инфинитив
компонент любого глагола
должен

- *Наши отношения должны измениться. Смерть должен доктор освидетельствовать. Наша жизнь должна идти, как она шла прежде. Народ стоит на такой низкой степени и материального и нравственного развития, что он должен противодействовать всему, что ему чуждо. Я чувствую, что я перед богом должен сделать это.*

Данная модель предложения фиксировалась в произведениях Л.Н. Толстого наиболее часто.

2 модель – подлежащее + модальный + инфинитив
компонент глаголов быть,
должен стать, делаться,
казаться, называться

- *...улики должны быть добыты прямым путем. Уважение выдумали для того, чтобы скрыть пустое место, где должна быть любовь. Мужчина должен быть независим. Мы должны казаться счастливыми, чтобы все так думали.*

Эта модель используется писателем довольно часто.

3 модель – отрицательная + глагол- + отрицательная + инфинитив
частица не связка частица не любого глагола
может

Двойное отрицание снимает отрицание и перерастает в значение долженствования: *Все не могли не знать это, но никто не хотел говорить об этом.* (Ср.: – *Все должны знать это, но никто не хотел говорить об этом.*) *Он не мог не видиться с братом, который понимает его.* (Ср.: – *Он должен видиться с братом, который понимает его.*) *Я не мог не спросить у вас одной вещи...* (Ср.: – *Я должен спросить у вас одну вещь...*)

Третья модель была обнаружена в произведениях Л.Н. Толстого, но писатель использует ее крайне редко для выражения значения долженствования, что показывают статистические данные – всего несколько предложений из всего практического материала.

4 модель – в данной модели несколько меняется структура наполняемости предложения. Модальное значение долженствования присутствует у таких глагольных форм, как обязан, призван, вынужден. Предложения в этих случаях будут выглядеть таким образом:

обязан, призван, вынужден + глагольный инфинитив.

- Суд вынужден дать ему строгое наказание. (Ср.: – Суд должен дать ему строгое наказание.) Здесь понимали, что человек обязан жить для себя. (Ср.: – Здесь понимали, что человек должен жить для себя.) Он призван дать ясный отчет по тем делам, которые накопились. (Ср.: – Он должен дать ясный отчет по тем делам, которые накопились.)

Данная модель также была зарегистрирована в практическом материале.

5 модель – функцию модального значения долженствования несут некоторые глагольно-именные обороты: считать долгом, считать обязанностью. В данных предложениях модальный компонент должен трансформироваться в отдельное словосочетание: Нехлюдов считал своим долгом сказать обо всем Катюше.

Подчеркнем, что предложения с такой семантикой имеют отличительную особенность – сказуемое всегда составное. Статистическая обработка практического материала показывает, что писатель редко прибегает к данной модели предложения для передачи значения долженствования.

6 модель – значение долженствования реализуется в безличных предложениях с глагольными формами следует, не годится, приходится. Данные глагольные формы показывают, что в силу личного жизненного опыта говорящего действие осознаётся им как должное.

- Следует встряхнуться и прямо взглянуть на жизнь. Чтобы выйти из этого положения, ему следует попросить у матери денег. Приходится поступать так, потому что совесть велит ему. Не годится вам так говорить, – краснея сказала Кити, понимая сложившуюся ситуацию.

Отметим, что данная модель фиксировалась в произведениях классика крайне редко.

Статистический анализ показал, что главное средство реализации значения долженствования у Л.Н. Толстого – глагольная форма должен. Писатель очень часто использует данную форму потому, что она наиболее ярко и ёмко передает значение долженствования. В произведениях классика регистрировались другие, самые разнообразные средства выражения модальности долженствования, но значительно реже.

Значение долженствования в произведениях И.В. Гёте проявляется также различными способами. Наиболее распространенным средством выражения данного значения, как показывает анализ лингвистического материала, является модальный глагол sollen.

Многие немецкие лингвисты Х. Пауль, Г. Вариг, Йох Буша, Г. Хельбиг, как и русские германисты О.И. Москальская, Е.А. Крашенинникова, Е.И.

Шендельс отмечают, что модальный глагол *sollen* реализуется, прежде всего, в собственном значении, то есть для обозначения долженствования. Во всех случаях употребления данного модального глагола отмечается, что действие должно состояться под влиянием воздействия извне, но оно может быть и не выполнено из-за отсутствия внутреннего убеждения. Предложения, содержащие данный модальный глагол, как правило, исходят от 1 и 2 лица единственного числа и реже от 3 лица единственного числа и 1 лица множественного числа. Такие предложения немецкий писатель использует наиболее часто: *Ich weiß nicht, wie ich mich ausdrücken soll.* (Я не знаю, как я должен выглядеть.) *Jeder soll hier treu erzählen.* (Здесь должен каждый рассказывать честно.) *Du sollst leben.* (Ты должен жить.)

Практический материал показал, что, наряду с модальным глаголом *sollen*, значение долженствования присуще и модальному глаголу *müssen*. Значение долженствования у глагола *müssen* выделяется многими лингвистами. Данный глагол фиксировался у И.В. Гёте довольно часто: *Ich muß mit meinen Augen sehen.* (Я должен увидеть своими глазами.) *Der Soldat muß Friede rufen!* (Солдат должен призывать к миру.) *Sie müssen sich trennen am Ende.* (Они должны наконец расстаться.)

Повествовательные предложения, благодаря включению в их структуру модального глагола *müssen* приобретают статус побудительных. Большая распространенность этих высказываний в разговорной речи определяет вопрос: почему же говорящий использует именно эти формы, предпочитая их императивным; каким же преимуществом они обладают по сравнению с императивом.

Выбор данной языковой формы зависит от сложившейся ситуации в целом. Предложение с глаголом *müssen* (а не категоричный императив) подчеркивает мягкость говорящего, его тактичность. Часто предложения с глаголом *müssen* встречаются в ситуациях, отмеченных неравным положением партнеров, где форма императива воспринимается как слишком прямолинейная, даже в некоторых ситуациях неуместная: – *Sie müssen nicht hinsehen.* (Вы не должны туда смотреть.)

Так как модальные глаголы немецкого языка обладают большой семантической ёмкостью, их содержание на русский язык может передаваться предикативными словами должен, должна, должно, должны; синтаксическими конструкциями с модальной семантикой; глаголами модального содержания.

Значение долженствования содержится в предложениях, содержащих в своей структуре частицип I (partizip I) переходных глаголов с частицей zu: *Der zu erfüllende Plan* (план, который должен быть выполнен.), *der zu überwindende Fluß* (река, которая должна быть преодолена.), *das zu erkundende Gelände* (местность, которая должна быть разведана.), *die anzugreifende Stellung* (позиция, которая должна быть захвачена). Однако, изучая практический материал, мы не встретили предложений данного типа у исследуемого автора.

Лингвисты О.И. Москальская, Е.А. Крашенинникова выделяют у модального глагола dürfen как дополнительное значение, значение долженствования (запрещения). На основе структурно-семантического анализа

практического материала мы можем подтвердить, что глагол dürfen в сочетании с отрицательными частицами nicht (не), nie (никогда) приобретает значение «быть должным что-то не делать, не разрешить, запретить». И.В. Гёте несколько раз прибегал к использованию данного модального глагола: *Aber er darf ja nicht hören.* (Но он же не должен слышать.) *Du darfst sie nicht kränken.* (Ты не должен её обижать.) *Du darfst so etwas nie wieder sagen.* (Ты никогда не должен что-нибудь сказать.)

В приведенных примерах сочетание глагол dürfen + nicht / nie + инфинитив в соответствующем контекстуальном окружении позволяет говорить о сходстве с глаголом *sollen* + отрицание: *Sie dürfen nicht.* - *Sie sollen nicht* (Они не должны). Эти предложения имеют смысл общего запрета, однако в первом случае отсутствует приказание с чьей-либо стороны. Вместо отрицательных частиц nicht, nie может употребляться отрицательное местоимение kein: – *Wir dürfen keine Zeit mehr verlieren.* (Мы не должны более терять время.)

Анализ конкретных предложений с модальным глаголом dürfen в значении долженствования показывает, что характерным является не только степень категоричности высказывания, но и преимущественное положение говорящего над собеседником. Такое положение зачастую не связано с возрастом или социальным статусом собеседника, оно ощущается говорящим в данный момент. Практический материал показал, что это распространяется только на предложения, в которых нет отрицания.

Таким образом, значение долженствования выражается в произведениях И.В. Гёте следующими средствами: при помощи модального глагола *sollen*; при помощи модального глагола *müssen*; при помощи модального глагола *dürfen* с отрицательными частицами nicht, nie и отрицательным местоимением kein.

Проведенное исследование дало возможность сделать следующие выводы:

- Модальное значение долженствования фиксируется в произведениях Л.Н.Толстого довольно часто. Л.Н.Толстой оперирует разнообразными средствами для передачи этого значения, наиболее распространенным при этом является модальный компонент должен (-а, -о, -ы). У немецкого классика мы находим то же средство выражения семантики долженствования (модальные глаголы sollen, müssen). Так как семантическая наполняемость предложений, содержащих данные средства, одинакова, мы утверждаем, что оба писателя используют одинаковое средство выражения значения долженствования.
- В произведениях русского классика мы встречаем и другие языковые единицы, передающие долженствование. Л.Н. Толстой, в частности, прибегает в предложениях к двойному отрицанию (отрицательная частица не с глаголом-связкой может). Писатель также часто использует в текстах глагольные формы обязан, призван, вынужден, отражающие модальность долженствования. В произведениях Л.Н. Толстого обнаруживаются также дополнительные средства реализации данного значения: глагольно-именные обороты считать

долгом, считать обязанностью и глагольные формы следует, не годится, приходится. Хотя автор редко прибегает к данным языковым единицам, они, тем не менее, имеются в его текстах.

Анализируя подобранный лингвистический материал, мы можем утверждать, что отечественный классик, по сравнению с немецким, намного разнообразнее передает значение долженствования, имея в своем арсенале различные средства выражения данной модальности.

Практический материал, приведенный из произведений классика немецкой литературы И.В. Гёте, привлечен с той целью, чтобы не только подчеркнуть идиостиль писателя Л.Н.Толстого, но и проиллюстрировать, что одно и то же понятие в разных языках у писателей-классиков выражается разными лексическими средствами.

И.Е. Брыксина
Тамбов

Глагольные наклонения и их роль в осуществлении взаимодействия модальных значений трех аспектов во французском и русском языках

Возможность одновременного использования нескольких средств выражения модальности (наклонения, модальные глаголы, модальные слова) свидетельствует о различном характере значений, выражаемых разными средствами. На этом основании в общем содержании категории модальности выделяются три относительно самостоятельных аспекта модальных отношений: отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего; отношение говорящего к содержанию высказывания; отношения между предметом и предиктируемым ему признаком. Каждому аспекту отношений соответствуют определенные средства выражения. Однако наблюдаются случаи использования языковой единицы в несобственной функции, в результате одно и то же модальное значение может быть выражено несколькими средствами.

Рассмотренные ниже примеры являются иллюстрацией высказывания известного французского лингвиста Ш.Балли: «Замкнутые в своих категориях знаки служили бы весьма ограниченным источником средств для удовлетворения многочисленных потребностей речи. Но благодаря межкатегориальным заменам мысль освобождается, а выражение обогащается и получает различные оттенки» (Bally, с. 143).

Основным способом выражения первого типа модальных отношений является глагольное наклонение (ср. *Он пришел* и *Он пришел бы*). В предложении глагольная форма выражает реальное или нереальное действие. В констативных высказываниях для сообщения о событиях конкретного временного плана используется определенный набор глагольных форм, каждая из которых обладает собственными, присущими только ей возможностями представления события. Общая коммуникативная установка высказывания

реализуется благодаря категории категоричности/некатегоричности, возникающей вследствие применения соответствующей формы наклонения. Различие в использовании нескольких морфологических средств при передаче эквивалентной семантической информации лежит в области прагматики. Выбор конкретной глагольной формы мотивирован степенью осведомленности автора, его уверенностью/неуверенностью в истинности подаваемой информации, а также намерением не только сделать определенное сообщение, но и продемонстрировать или скрыть всю полноту своей информированности, собственное отношение к данному событию.

Но глагольные формы наклонений во французском и русском языках могут использоваться и для выражения второго аспекта модальности: отношения говорящего к содержанию высказывания. Эксплицируя значения возможности, сожаления, удовлетворения, уверенности, предположения и т.п., они выступают синонимами модальных слов и модальных глаголов. Такие значения характерны, в частности, для будущего времени и кондиционала. Поскольку плану будущего свойственна гипотетичность, оно полно тайн, допускает ожидание, боязнь, желание, надежду, *futur simple* и *futur antérieur* легко приспосабливаются для выражения разнообразных модальных оттенков.

Действие в будущем может рассматриваться как неопределенное, поэтому формы будущего времени передают оттенки вероятности, возможности, неуверенности, аналогом в русском языке является либо сочетание «модальное слово + изъявительное наклонение», либо это значение передается лексически.

Dans quelques instants, quand je sortirai, il sera encore temps de me tirer une balle dans le dos. (Simenon)

Но через несколько минут, когда я отсюда выйду, тебе еще представится возможность выстрелить мне в спину. (Сименон)

Futur antérieur (синоним-модальное слово) нередко показывает предположительность действия, относящегося к прошлому, в русском языке его эквивалентом является изъявительное наклонение (чаще прошедшее время) + модальное слово.

- *Elle, sera partie sans que je l'aperçoive ... me suis-je di.* (Simenon)

«*Наверное, она ушла, а я и не заметил*», - решил я. (Сименон)

В русском языке будущее совершенное время + модальное слово используется для обозначения предположения возможности или невозможности действия, во французском языке это значение выражается кондиционалом или индикативом. Синонимами глагольных форм выступают модальные слова и глаголы.

Кузьма подумал о снеге: наверное, к утру соберется и пойдет, пойдет, пойдет - как *благодарь*. (Распутин)

Kouzma pensa à la neige: sans doute allait-elle se préparer au matin et tomber, tomber, tomber, comme le don du ciel.

Употребление сослагательного наклонения в русском условном периоде создает видимость абсолютной эквивалентности, однако происходит замена объективной закономерности субъективно гипотетической. Несмотря на возможность выразить простую гипотетичность специализированной

морфологической формой глагола, можно отметить явную склонность русского языка ограничиваться глаголом в изъявительном наклонении (немаркированная форма) + модальное слово. К тому же, русский язык использует часто форму повелительного наклонения, в котором свойственная гипотетичности эмоциональность выявляется интенсивнее. Например:

S'il avait rencontré des gens capables de le comprendre, il serait devenu sûrement un personnage très célèbre. (Duhamel)

Повстречай он людей, которые оценили бы его, папа, наверняка, стал бы знаменитостью. (Дюамель)

Гипотетическое значение *conditionnel passé* часто окрашено экспрессивными оттенками. При переводе на русский язык возникают определенные трудности, так как введение модальных слов сделало бы предложение более тяжелым и привело бы к появлению новых семантических оттенков. Поэтому во многих случаях переводчики стремятся сохранить понятийное содержание предложения, иногда при некоторой утрате его эмоциональности. Аналогами *conditionnel passé* становятся различные времена изъявительного наклонения - настоящее, прошедшее, будущее. Например:

Laquelle de ces deux appellations serait retenue la détermination internationale? (Bazin)

Какое из этих двух названий войдет в международную классификацию? (Базен)

Условно-гипотетическое значение, выражающее предположение, допущение возможности действия, основанного на реальных предпосылках и в связи с другими действиями, эксплицируется в следующем предложении глагольными формами различных наклонений:

Même si la guerre s'arrêtait ce soir et que les soldats foutent le camp, ils n'empporteraient pas la famine et la peste avec eux aussi facilement... (Clavel)

И прекратись сегодня вечером война и уйди все солдаты, мы не избавимся ни от голода, ни от чумы... (Кламель)

Эквивалентом субжонктива «... que les soldats foutent» служит в русском языке форма повелительного наклонения, близкого по значению к изъявительному. Подобное употребление этой глагольной формы лишь обнаруживает то значение непроизвольного, неожиданного действия, которое выражается формой повелительного наклонения.

Глагольные наклонения во французском и русском языках могут выражать третий аспект модальности: отношение субъекта действия к действию (возможность, желаемость, необходимость). В таком значении во французском языке широко используются кондиционал и индикатив. Например:

La profession d'architecte, dont le caractère artistique ne compromet pas la dignité, plairait à Renée. (Aymé)

Профессия архитектора творческая и в то же время вполне солидная, не могла не понравиться Рене. (Эме)

Однако основным способом выражения этого значения являются модальные глаголы (*Он должен (хочет, может) прийти*). Важно подчеркнуть, что выявление и разграничение значений в модальном глаголе представляет определенные трудности, так как постоянно действующих

формальных критериев нет. Имеется много промежуточных синкретичных случаев употребления модальных глаголов, так как переход от одного значения к другому четко не отграничен. К тому же, во французском тексте модальные глаголы часто десемантизированы и выполняют строевую функцию, последним положением в какой-то степени объясняется больший удельный вес модальных глаголов во французском тексте.

Renée, mon coeur éclate je souffre comme un damné, ah! Bon Dieu, Renée, je ne peux plus attendre de savoir ce que vous pensez, quand je devrais en mourir là (Аймé).

Рене, сердце мое разрывается, я невыносимо страдаю, ах Боже мой, Рене, я не в силах ждать вашего решения, от которого зависит моя жизнь или смерть (Эме).

При анализе русских текстов легко проследить, как последовательно замещаются модальные глаголы, а вместе с ними сложное сказуемое простым с дополнительными словами модальной окраски. Во французском языке в таком значении встречаются кондиционал и индикатив, особенно при неопределенно-личном субъекте.

Dans la pénombre, on distinguait un fauteuil, le rotin où un chat roux était roulé en boule sur un coussin rouge (Simenon).

В полумраке виднелось плетеное кресло с красной подушкой, на котором, свернувшись клубком, лежала кошка...

Иногда значение сочетания devoir + инфинитив приближается к значению «будущего в прошедшем», однако в отличие от последнего, первое является стилистически окрашенным.

Sa cousine devait repartir pour Blois dans l'après - midi du lendemain jeudi et nous avons déjà convenu d'un rendez-vous pour l'après - dîner qui suivrait .(Аймé)

Стилистическая окраска предложений с глаголом devoir заключается в том, что модальный глагол вносит добавочный смысл: выражаемая им необходимость получает осмысление как бы судьбы, предопределения.

Специфическое значение приобретают модальные слова и глаголы при употреблении их в некоторых типах сложных предложений. Например, глагол «pouvoir» в следующем сложносочиненном предложении:

De tels soucis peuvent sembler mesquins, ridicules et même odieux à des gens tels que Garnier et Joubert, le sculpteur, mais encore aujourd'hui, je ne suis pas loin de croire qu'ils ont tort. (Аймé)

Таким людям как Гарнье и скульптор Жубер, подобные соображения могут показаться смехотворными, мелочными и даже заслуживающими презрения, но я и по сей день склонен думать, что тут они не правы. (Эме).

Первую часть этого предложения можно преобразовать в синонимичное ему уступительное придаточное: *quoi que de tels soucis semblent mesquins ...* В этом случае на значение уступки наслаивается значение возможности.

В предложениях с условным значением модальные слова, выражающие предположительную модальность, не способны видоизменить смысл предложения, они лишь усиливают предположительную семантику. К тому же значения условия, допущения, противопоставления, содержащиеся в

сложноподчиненном предложении, способствуют появлению в модальных словах и глаголах оттенков уступки, усиления.

Et, s'ils s'insinuent qu'elle a peut-être voulu se suicider, vous leur répondrez qu'ils ont menti. (Simenon)

А если они будут твердить, что она быть может хотела покончить с собой, скажите им, что они лгут. (Сименон)

В следующем придаточном уступительном предложении при переводе с русского языка на французский кондиционал выражает неуверенность говорящего в возможности совершить действие, которое усиливается модальным глаголом *pouvoir* в отрицательной форме и модальным словом.

Хотя этих двух литовцев, братьев Гедрайтисов, и Рапопорта с ЗИЛа я бы все-таки, пожалуй, не оставил. (Вайнеры)

Bien que je n'aurais sûrement jamais pu dépasser les frères Hedraitis, des Lituanieus, ni Rappoport de l'usine ZIL.

В следующем сложносочиненном предложении глагол *devoir* выражает вынужденную необходимость для говорящего совершить действие. В этой последовательности предложений второе имплицитно притивопоставлено первому, эксплицирующему нежелание совершить действие. Значение вынужденной необходимости передается глаголом прошедшего времени совершенного вида «пришлось», т.е. модальный глагол втягивается в значение значимого русского глагола.

Je ne voulais pas, mais j'ai dû finir par céder. (Simenon)

Я не хотела ехать, но в конце концов мне пришлось уступить. (Сименон)

В целом, из трех типов средств выражения модальности во французском языке относительно широко используются наклонения и модальные глаголы. В русском языке относительно чаще встречаются вводные слова.

Более широкий круг переносных значений во французском языке имеют индикатив и кондиционал, а в русском - повелительное наклонение. По мнению В.Г. Гака «последнее объясняется, возможно, тем, что из всех глагольных форм в русском языке императив ближе всего к неосложненной глагольной основе и представляет собой самую общую, немаркированную форму глагола" (Гак, с.158). Во французском языке немаркированной формой является индикатив, императив же ограничен в своем употреблении, так как он не образует двусоставных предложений - основного структурного типа французского предложения.

Литература

1. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков: Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.» - 3-е изд., дораб. - М.: Просвещение, 1989.
2. Bally Ch. Linguistique générale et linguistique française. - P., 1970.

О залоговых особенностях функционирования предложений с глаголами лексико-семантической группы касания в русском и немецком языках

В настоящее время особое внимание уделяется изучению системности словарного запаса языка. Наиболее полное и убедительное выражение системные отношения в лексике находят в лексико-семантических группах (ЛСГ) и лексико-семантических подгруппах (ЛСПГ). ЛСГ глаголов физического воздействия представляет, на наш взгляд, интересную и не до конца изученную группу. В составе данной ЛСГ возможно выделение определенного количества подгрупп (см. об этом Копров, Волова). Основное значение ЛСГ глаголов физического воздействия заключается в общей архисеме "касания", так как любое воздействие на объект начинается, прежде всего, с прикосновения к нему. Поэтому в качестве предмета нашего изучения выбрана ЛСПГ глаголов касания.

В русском языке ядро данной подгруппы составляют 39 глаголов: *братъ, впитаться, встречать, выстукивать, гладить, держать, доставать, трогать, жесчаться, задевать, лизать, запинаться, касаться, льнуть, толкать, шарить, щупать, облакачиваться, обнимать, опираться, хватать, прижимать, прикладывать, приникать, припадать, прислонять, тереть, чесать, скрести, теребить, тормошить, трепать, тыкать, целовать, цепляться, чиркать, чокаться, цекотать*.

На периферии данной ЛСПГ находятся глаголы с приставками на- и об-: *(набегать, наплывать, наскикивать, наезжать, обвеять, обдывать)*.

В немецком языке ядро ЛСПГ касания составляют 40 глаголов: *beruhren, ruhren, streifen, betasten tasten palpieren, kratzen, rasieren, scheren, schaben, reiben, streichen, streicheln, kussen, bugeln, lecken, kammen, pressen, halten, anstossen, wehen, schmieren, sich beschmieren, sich anklammern nehmen, brennen, stolpern, zupfen, umarmen, zutrinken, fassen, ergreifen, umreißen, sich auf den Ellbogen stützen, stecken, yukkeln, klettern, ranken, schnappen*.

Нами была предпринята попытка изучить залоговые особенности функционирования предложений, содержащих глаголы ЛСПГ касания в русском и немецком языках.

Существование оппозиции действительный/страдательный залог в значительной степени обусловлено номинативным строем предложения. Разделяемая нами трактовка категории залога восходит к известному высказыванию В.А. Богородицкого (Богородицкий) о том, что если действительный залог обозначает действие, которое производится субъектом над чем-либо или над кем-либо, то это же самое действие может быть представлено и со стороны испытывающего его объекта; глагольное выражение такого обратного действия носит название страдательного залога. С данным определением залога связаны три важнейшие характеристики категории залога.

1. Залог – это синтактико-морфологическая категория, поэтому ее анализ сопряжен с изучением структурно-семантического устройства предложения. При этом синтаксическая составляющая залога для языков номинативного строя является универсалией, а морфологическая составляющая варьирует от языка к языку в довольно широких пределах.

2. Синтаксическая сущность категории залога заключается в возможности изменять соответствии между двумя рядами компонентов: компонентами семантической структуры предложения – именными актантами – и компонентами синтаксической структуры предложения – подлежащим и дополнением. Таким образом, действительный и страдательный залоги позволяют по-разному представить в синтаксической структуре предложения одни и те же взаимосвязанные семантические актанты – субъект и объект.

3. Категорией залога выражается разная направленность признака по отношению к его грамматическому носителю – подлежащему предложения и второму обязательному компоненту – дополнению. А.В. Бондарко определил залог как грамматическую категорию, образуемую оппозицией таких рядов грамматических форм, значения которых отличаются друг от друга разной семантической интерпретацией понятийного соотношения "субъект – понятие действия – объект", что обуславливается различиями в соответствии между понятийными категориями субъекта и объекта, с одной стороны, и синтаксическим содержанием членов предложения, репрезентирующих эти категории, с другой стороны. При активе субъект интерпретируется как независимая субстанция – носитель предикативного признака, объект – как субстанция, зависимая от предикативного признака, а понятие действия – как предикативный признак с центробежной направленностью. При пассиве как независимая субстанция – носитель предикативного признака – интерпретируется не субъект, а объект; субъект представлен косвенным дополнением как зависимая субстанция, занимающая периферийное положение в содержательно-синтаксической структуре предложения. Понятие действия при этом интерпретируется как предикативный признак с центростремительной направленностью (Бондарко, с. 59-60).

В русском языке формы страдательного залога образуются от глаголов действительного залога, но это образование имеет лексико-грамматические, лексические, контекстуальные и грамматические ограничения. Лексико-грамматические и лексические ограничения связаны с разрядом переходных/непереходных глаголов. Непереходные глаголы употребляются только в форме действительного залога и являются однозалоговыми. Также не все переходные глаголы образуют формы страдательного залога. Так, глаголы ЛСПГ касания используются только в составе активных конструкций. Рассмотрим это на примерах:

касаться

Он коснулся края цилиндра, чтобы надвинуть его немного набекрень.
(Толстой)

трогать

(Минометчик) ласково трогал большими узловатыми пальцами ствол своего миномета. (Казакевич)

щупать

Материю (Варенька) щупала, смотрела на свет и нюхала, примеряла, завернувшись в нее перед зеркалом. (Сергеев-Ценский)

В немецком языке категорией залога обладают только переходные глаголы, но поскольку пассивный залог в немецком языке распространен шире, чем в русском, практически с любым переходным глаголом можно образовать пассивную конструкцию. Рассмотрим это на примерах.

betasten (трогать, щупать)

Der Arzt betastete die Leber (Aktiv) - Die Leber wurde von dem Arzt betastet (Passiv).

abtasten (тщательно ощупывать большую по размеру поверхность)

Auf der Suche nach Geld tastete er das Kleid ab (Aktiv). - Er wurde von ihm auf der Suche nach Geld abgetastet (Passiv).

beruhren ((нп)касаться)

Er berührte mich an der Schulter (Aktiv). - Ich wurde von ihm an der Schulter berührt (Passiv).

Нами были найдены серьезные расхождения в сферах функционирования предложений с глаголами ЛСПГ касания в русском и немецком языках. Примеры показывают, как легко можно образовать пассивные конструкции с глаголами касания в немецком языке, а в русском языке в данных примерах такое преобразование невозможно.

Литература

1. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. - М., 1935.
2. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. - Л., 1978. – с. 59 – 60.
3. Волова А.Л. О структуре лексико-семантического поля глаголов физического воздействия в русском языке // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка: Сб.науч.тр. - Елец:ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004. – с.300-304.
4. Копров В.Ю. К проблеме сопоставительного исследования некоторых типов простого предложения с глаголами физического действия в русском и английском языках //Семантические категории сопоставительного изучения русского языка. – Воронеж, 1981. – с.171-175.

А.Б. Зотова

Воронеж

К вопросу об особенностях междометного предложения как подтипа восклицательного в английском и русском языках

Традиционно считается, что междометное предложение – это предложение, состоящее лишь из одного, абсолютно изолированного междометия. Как

известно, междометия – это неизменяемые слова, не являющиеся ни знаменательной, ни служебной частью речи, а служащие лишь для выражения эмоций, чувств, переживаний говорящего, поэтому при их толковании в словарях, в отличие от других частей речи, фактически регистрируется коммуникативное намерение, то есть та цель, которую может преследовать говорящий, произнося то или иное междометие (выражение радости – *Ha!*, *Ax!*; страха – *O God!*, *О Боже мой!*; восторга – *Magic!*, *Ух-ты!*; разочарования – *Boo!*, *Ox!*). Большинство междометий многозначны, поэтому, по мнению многих лингвистов, занимающихся изучением как английских, так и русских междометий и междометных предложений (М. Ю. Шведова, Д. Э. Розенталь, В. В. Виноградов; Б. Е. Зернов, М. Я. Блох, Н. А. Кобрин), их значение определяется из контекста, в процессе речевой деятельности, а также с помощью паралингвизмов.

Однако, несмотря на то, что междометия являются основным средством выражения эмоций при спонтанной реакции на окружающую действительность, эта часть речи и в английском, и в русском языках недостаточно изучена. Ни об одной другой грамматической категории не было высказано столько противоречивых мнений. Недаром академик Л. В. Щерба назвал междометие «неясной и туманной категорией», «досадным недоразумением» (Щерба, с.187). В связи с этим представляется целесообразным выявить, описать и систематизировать основные характеристики английских и русских междометий и междометных предложений, а также провести их сопоставительный анализ, тем самым установив черты, являющиеся типичными для английского и русского междометного предложения.

Материалом исследования явились междометия и междометные предложения, полученные методом сплошной выборки из двух англо-английских словарей (Collins Cobuild English Language Dictionary; A. S. Hornby. Oxford Student's Dictionary of Current English), Словаря русского языка под редакцией С. И. Ожегова, четырех американских кинофильмов (“ What Dreams May Come”, Notting Hill”, My Best Friend’s Wedding”, “ Meet the Parents”) и трех русских («Надежда уходит последней», «На Дерибасовской хорошая погода, на Брайтон-Бич опять идут дожди», «Орел и решка»). Выборка из словарей проводилась на основе таких помет, как *int* (interjection), *exclam* (exclamation), *межд* (междометие). Критериями отбора междометий и междометных предложений из американских и русских кинофильмов были паралингвистические средства: громкость, тембр голоса, быстрый темп речи, а также жесты, мимика, интонация говорящих.

Следует отметить, что в английском и русском языкознании выделяют три лексико-грамматических разряда междометий:

1. эмоциональные, которые выражают непосредственно чувства и эмоции говорящего: *Gosh!*, *Wow!*, *Ah!*, *Bah!*, *Dear!*, *Shit!*, *Ax!*, *Aü!*, *Aü-й-й!*, *O!*, *Ogo!* и др.
2. императивные – близкие к повелительному наклонению и обнаруживающие ряд общих с ним признаков; они выражают приказ

или команду адресату: *No!, Scat!, Help!, Encore!, No way!; Айда!, Алло!, Марш!* и др.

3. этикетные – междометия, выражающие благодарность, приветствие, прощание, извинение, пожелание: *Здравствуйте! Спасибо! Пока! Thank you! Hello! Good morning! Bye!* и др.

Исследование словарей показало, что большинство как английских, так и русских междометий относится к эмоциональному типу (60% и 55% соответственно), гораздо меньше к этикетному (21% и 23% соответственно) и императивному (19% и 22% соответственно). Однако при исследовании живой речи такой анализ трудно провести, потому что в коммуникации междометие употребляется с целым комплексом значений и нередко эмоциональные междометия одновременно выполняют функции фатических или императивных. Например, когда мама говорит своей маленькой дочери, которая плачет: *Tut!*, то она выражает не только свое недовольство поведением дочери, но и побуждает ее к прекращению данного действия.

По происхождению английские и русские междометия подразделяются на первичные (первообразные) и производные. Первичные междометия обычно лишены денотативного значения. Они состоят из одного или двух-трех звуков (иногда двукратно или трехкратно повторяясь): *Ux!, Ba! Ха-ха-ха! Bah! Pooh!*. Производные междометия образованы из полнозначных слов, которые утрачивают свое основное значение и произносятся с сильной эмоционально-экспрессивной окраской: *Heavens!, Good Gracious!, Dear me!* В рамках анализируемого материала установлено, что первичные междометия: *Гм!, Ого!, Ау!* встречаются чаще в русском языке, чем в английском (62% и 30% соответственно). Что касается производных междометий, то они встречаются чаще в английском языке: *Come on!, God knows!* (70% и 38% соответственно).

В аспекте структурных и этимологических особенностей следует отметить, что большая часть междометий английского языка (74%) соотносима со знаменательными словами – односоставные междометия (*Boy!, Great! Help!, Brill!*). Английские междометия могут также соотноситься со словосочетаниями (*Great Heavens! Christ Almighty!*), целыми предложениями (*I'll be damned!, God bless you!*). И лишь 25% английских междометий не имеют соотносительности ни с какими знаменательными словами (*Eh! Ahem! Ta! Lo!*). Что касается русских междометий, то большая их часть (62%) не соотносится ни с какими знаменательными словами (*Ага! Ну!, Фу!*). Также как и английские, они могут соотноситься со словосочетаниями (*Боже мой!, С ума сойти!*), предложениями (*Вот это да!*), но только 20% междометий имеют соотносительность со знаменательными словами (*Бедда! Крышка! Прощайте!*). Важно отметить, что значение как русских, так и английских междометий только отчасти соотносимо со значением слов, из которых оно состоит, и в коммуникации может привести к трудностям понимания коммуникативной цели, которую преследует говорящий.

Как упоминалось ранее, междометным предложением можно считать предложение, состоящее лишь из одного междометия, то есть употребляемое без вербального контекста. Однако даже при наличии вербального контекста в

устной речи часто трудно определить, выступает ли междометие в качестве самостоятельного предложения или является его структурной частью. Взяв за основу наличие или отсутствие вербального контекста, можно выделить следующие типичные случаи употребления междометий:

1. употребление междометий без вербального контекста;
2. употребление междометий после вербального контекста;
3. употребление междометий перед вербальным контекстом.

Данные случаи употребления междометий позволяют выделить соответствующие группы междометных предложений:

1. изолированные междометные предложения. Например, когда девушка видит в магазине красивое платье, то, выражая восторг, восхищение, восклицает: *Wow!*
2. относительно изолированные междометные предложения. Когда кинозвезда пригласила молодого человека на чашечку чая: *You may come for tea*, то он, выражая восторг, радость, восклицает: *Classnic!*
3. неизолированные междометные предложения, которые можно трактовать по-разному. В ряде случаев их можно считать междометиями в составе предложений – при отсутствии пауз, изменения тона и даже ударения: например, *Oh Peter!*. В других случаях между междометием и следующим за ним предложением имеется довольно длительная пауза. При подобном употреблении междометий их можно рассматривать как относительно изолированные междометные предложения. Например, когда отец подарил своей дочери свадебное путешествие в Таиланд, то довольный зять сказал: *Wow! (пауза) Thailand, thank you, Jack.*

В рамках данного исследования рассматривались как изолированные, так и относительно изолированные междометные предложения. В результате определения закономерностей употребления изолированных междометных предложений было обнаружено, что как в русской, так и в английской коммуникации они встречаются довольно редко. Чаще всего говорящие употребляют их в экстренных ситуациях, например, когда они находятся в паническом состоянии и выражают сильные эмоции. - Загорелся дом, члены семьи охвачены паникой и поэтому восклицают: *O God!*

Относительно изолированные английские и русские междометные предложения, как правило, употребляются говорящими в неофициальной обстановке, в спокойной беседе. Например, на вечеринке парень приглашает девушку на танец: *Let's dance.*, а она отвечает: *Wow! (пауза) I'd love to.*

Следует отметить, что русские и английские междометия в коммуникации обычно выражают комплекс эмоций, причем эмоциональные междометия выполняют одновременно функции фатических и императивных, т.е. существует неразделимость значения.

Собственно междометные предложения и в русской, и в английской коммуникации встречаются редко; употребляясь лишь в экстренных ситуациях, они носят эмоциональный характер и выполняют чисто эмотивную функцию.

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что русские и английские междометия и междометные предложения имеют много сходных параметров, отличия касаются, прежде всего, структурных особенностей. Сходства можно объяснить тем, что они выражают эмоции, которые являются неотъемлемой частью психологии человека европейской культуры.

Литература

1. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Введение в языковедение: Хрестоматия. – М.: Аспект Пресс, 2001. – С. 187-188.

Н.М. Леонова

Мичуринск

Специфика содержательного и структурного оформления несобственно-прямой речи в немецком и русском художественном тексте

Несобственно-прямая речь является самостоятельным видом передачи чужой речи. Дефиниция несобственно-прямой речи трактуется в современном языкознании не однозначно. В лингвистической литературе, по замечанию Н. А. Николиной, под несобственно-прямой речью понимается:

- модификация прямой речи;
- смешение прямой и косвенной речи;
- особый способ изложения содержания речи;
- “пережитая речь”, предполагающая сопереживание читателя;
- модификация косвенной речи (Николина, с. 98).

Ш. Балли (Балли), О. И. Москальская (Москальская), Е. А. Гончарова (Гончаров) рассматривают несобственно-прямую речь в виде «пережитой речи» (erlebte Rede), что предусматривает момент присутствия сопереживания читателя.

В лингвистике довольно часто можно встретить теоретическое обоснование несобственно-прямой речи как модификации косвенной речи.

На материале немецкого языка В.В. Козловский, исследуя свободную косвенную речь, высказывается о моментах сходства её и отличия от несобственно-прямой речи. Несобственно-прямая речь отличается в немецком языке от свободной косвенной речи тем, что:

- она часто вводится глаголами чувств;
- обладает контаминацией;
- в своей содержательной части имеет глагольные формы в индикативе. (Козловский)

Германист Ю.Я. Никулихин видит в несобственно-прямой речи немецкого языка своеобразное отступление в рамках косвенной речи в сторону авторской речи. Особое значение, по его мнению, имеют вводящие элементы. Наряду с этим в несобственно-прямой речи наблюдается удаление от меры чёткости

границ. В зависимости от границ несобственно-прямая речь может быть ближе соотнесена к позиции автора или же к позиции персонажа.

Если несобственно-прямая речь легко обнаруживается, то она будет ближе к косвенной речи и будет в основном принадлежать к речи персонажа.

Отсутствие чётких границ несобственно-прямой речи с речью автора свидетельствует о том, что мы имеем дело с возможностью их соотнесения.

Такая особенность оформления несобственно-прямой речи в немецких текстах позволяет Ю.Я. Никулихину прийти к выводу о том, что несобственно-прямая речь занимает промежуточное положение между прямой речью и косвенной. При сближении с прямой речью несобственно-прямая речь немецкого языка не содержит таких элементов, как сдвиг в лице, отсутствие вводящей части типа:

Frueher. Ist das ein gueltiger Massstab? Die Engel von Buchholz oder sonst andere Engel. Sind das die Massstaebe? Er ging aber dem Gedanken nicht nach und tobt weiter, bis er endlich einschlief. (Otto)

При сближении несобственно-прямой речи немецкого языка с косвенной часто может использоваться кондиционалис I, что выражает реальность, будущность действия относительно прошлого временного плана, полукосвенность высказывания, например:

Vielleicht viel weniger: Ich musste Onkel Georgfragen, ueber ihm konnte ich alles zum Einkaufspreis bekommen. Der grosste Posten waere der Teppichboden, falls ich mich fuer Teppichboden entscheiden wuerde. Aber wie lange wuerde es dauern, den alten Lack von den Dielen zu schleifen, neu zu lackieren? (Heller)

Ю.Я. Никулихин в своём исследовании довольно убедительно доказывает промежуточное положение несобственно-прямой речи немецкого языка между прямой и косвенной речью (Никулихин, с. 5-12).

Русист Н.А. Николина в своих исследованиях также рассматривает отличие несобственно-прямой речи от косвенной и от прямой. Специфическими чертами несобственно-прямой речи является большая степень концентрации в ней средств, создающих иллюзию эмоциональной спонтанности и неконтролируемости (Николина, с. 100).

В русском языке к средствам иллюзии, эмоциональной спонтанности и неконтролируемости можно отнести обрыв фразы, использование сослагательного наклонения, например:

Сын вышел бы в полковники и женился бы на образованной барышне, и однажды Яков Лукич подкатил бы за ним к станции не на бричке, а на собственном автомобиле, таком, как у помещика Новопавлова... Эх, да мало ли что снилось наяву Якову Лукичу в незабываемые времена, когда жизнь сияла и хрустела у него в руках, как радужная екатериновка! (Шолохов)

Таким образом, как в русистике, так и в германистике языковеды уделяют особое внимание отграничению несобственно-прямой речи от прямой и косвенной. Германисты и русисты придерживаются мнения, что несобственно-прямая речь – это самостоятельный вид выражения чужой речи, который занимает промежуточное положение между прямой речью и косвенной.

Целесообразно более подробно остановиться на характере высказывания, который представляет несобственно-прямую речь в немецком и русском языках.

Несобственно-прямая речь в сопоставляемых языках может быть представлена в двух видах: или в виде внутреннего монолога автора или персонажа, или в виде полифонии внутренней речи автора и персонажей текста.

В первом случае несобственно-прямая речь в обоих языках располагается ближе к прямой речи. В немецком языке это чаще всего высказывания в виде вопросов, которые ставятся адресантом самому себе:

Die Welt ist wie vorher. Aber wohin? Warum gehst du nicht in die Fensprechzelle, um Barbara anzurufen? Du musst ihr ja nichts erzählen, und ob sie Fragen stellt, hängt von dir ab. Bourbel tröstet. Sie behandelt auch Kummer, denn sie nicht kennt. Was hält dich ab hinzugehen. Dein Kummer, den anders ist als jeder frühere. Die geringe Hoffnung, die sie hegt, hat dich nie abgehalten. Aber du bist nicht wie vorher. (Otto)

В основном это риторические вопросы, которые в дальнейшей цепочке повествования ответа не получают. Но в немецком языке несобственно-прямая речь, являясь внутренним монологом персонажа, как впрочем, и в русском языке, может выражать высокую степень эмоционального состояния адресанта. В обоих сопоставляемых языках это чаще всего побудительные предложения, например:

Als ich nach mal auf die schönen Zimmer zu sprechen kam, sagte sie, es sei alles sehr modisch, und deshalb sei es morgen bereits wieder altmodisch! Das was unmöglich – wenn etwas wirklich originell und kreativ ist, veraltet es kaum! Aber wie kann man das jemand erklären, der zwischen Eichenmöbeln und Handkneipfeppichen lebt? Aussichtslos. (Heller)

Их разговор, вероятно, подслушивала хозяйка. Давыдов сидел как на горячих углях. Совершенно нелепо, прямо-таки нетерпимо было его положение! (Шолохов)

Но в русском языке для выражения эмоционального состояния адресанта внутреннего монолога может использоваться обрыв фразы:

Куда? Алёша не знал. Хорош начальник штаба! ... (Пермитин)

При воспроизведении внутреннего монолога автора и персонажа, как для русского, так и для немецкого языков характерным является использование вопросительных и восклицательных предложений.

Однако в художественных текстах в сопоставляемых языках чаще всего можно встретить полифонию голосов автора и персонажа в рамках несобственно-прямой речи. В немецком и в русском языках несобственно-прямая речь такой разновидности может быть оформлена вопросительными, восклицательными и повествовательными предложениями.

Вопросительные риторические конструкции при полифонии речи автора и персонажа в немецком языке могут иметь глагольное сказуемое как в претеритальном конъюнктиве, так и в индикативе.

Und bis vor zwei Wochen hatte alles gut und dauerhaft ausgesehen. War ihr Anspruch zu niedrig gewesen oder hatte sie Zweifel, die ihr gelegentlich gekommen

waren, nicht Ernst genug betrachtet? Waere dasselbe geschehen, wenn sie Christian ein Jahr spaeter getroffen haette, als Ehefrau, womoeglich schon als junge Mutter? Wie genau muss man pruefen? Wie sicher darf man sein? Wen machst du verantwortlich, wenn die Massstaebe, die dir fuer die Partnerwahl dienen, sich spaeter als untauglich erweisen? Und wieviel haengt ab von disser Wahl, die kein anderer fuer dich treffen kann? Wer antwortet dir, und welche Antwort ist brauchbar fuer dich?

Die Mutter wuerde wohl sagen: der Wolfgang hat einen guten Charakter, das hab ich schon am ersten Tag gesehen. Liebe. (Otto)

... Разве можно было кому-нибудь доверить подноску гранат?! А патронов?! Кто лучше Никодима мог связать бороны проволокой одна к одной? (Пермитин)

Полифоническая внутренняя речь, представленная в виде несобственно-прямой речи, часто имеет обобщающий характер в виде рассуждений и может быть представлена повествовательными предложениями. Например:

So sind die Menschen: Sobald ein Ereignis unerwuenscht in ihre Interessen greift, wandelt sich ihre Meinung augenblicklich. (Graf).

Последней пришла Татьяна Шубина, молодая совсем баба, год как замужем. Форсила она в девах ужас. Вот и сейчас ... казалось бы, перед кем красоваться – по лесу идёт, ан нет. (Афонин)

Побудительные предложения в обоих языках при полифонии речи автора и персонажей показывают разнообразную гамму чувств:

“Dummheit, ein Kind!” dachte sie ueberlegen: “Zu was denn? Warum denn?” Und ueberhaupt jetzt – mit fuenfund dreissig Jahren! (Graf)

Будто листья на тополе, отроптали ласковые Тимофеевны слова – видно, не слышать уж больше их Лушке. Как же бабочке не сохнуть от тоски – немочи, как не убиваться! Кто теперь скажет ей, с любовью засматривая в глаза: «Вам эта зелёная юбка до того под стать, Луша ... !» (Шолохов)

В заключение отметим, что в структурном плане полифоническая внутренняя речь в рамках несобственно-прямой речи может быть одинаково оформлена в обоих сопоставляемых языках. Она может быть представлена в форме повествовательных предложений, причём в русском языке отмечается обрыв фразы; эмоции могут быть переданы в виде восклицательных или вопросительных предложений.

Как в русском языке, так и в немецком языке прямая речь, оформленная в виде несобственно-прямой, может быть представлена повествовательными, вопросительными и восклицательными предложениями, при этом в русском языке для выражения эмоций адресанта может использоваться обрыв фразы

В русистике при рассмотрении статуса несобственно-прямой речи сосредотачиваются на вопросе её отграничения от прямой речи, а в германистике - от косвенной.

Литература

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. - М., 1955.

2. Гончарова Е. А. Несобственно-прямая речь в современной немецкой художественной прозе: Автореф. дис... канд. филол. наук. - Л., 1969.
3. Козловский В. В. Свободная косвенная речь в современном немецком языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. - К., 1977.
4. Москальская О. И. Грамматика текста. - М., 1981.
5. Николина Н. А. О способах передачи чужой речи в автобиографических произведениях. - М., 1987.
6. Никулихин Ю.Я. Функции и синонимы кондиционализма в современном немецком языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. - М., 1965.

Содержание

Раздел 1. Теоретические проблемы сопоставительных исследований

Стернин И.А. Сопоставление языков и обучение языку	с. 3
Бабушкин А.П. К вопросу о сопоставительной семиотике	с. 7
Хараева Л.Х. Этимологические и семантические параметры межъязыковых исследований	с.11
Махонина А.А., Стернина М.А. К проблеме выделения и типизации межъязыковых лагун	с. 14

Раздел 2. Сопоставительные исследования в области лексики и фразеологии

Черепкова Н.М. Через контрастивное описание слов к новому варианту двуязычного словаря	с. 22
Грицышина С.В. Лексико-семантическая группа «Отдых» в русском и английском языках	с. 26
Мерзлякова А. Х. Семантическое поле «Вкус» (на материале английского, французского и русского языков)	с. 30
Шепилова Т.А. Лексико-семантическая группа «зоонимы» в русском и французском языках	с. 37
Чернова Н.И. Наименования зданий и помещений для определенных целей в русском и английском языках	с. 42
Лисицына И.В. Сопоставительный анализ лексических единиц со значением «звук/звучание» (на материале русского и французского языков)	с. 44
Кликушина Т.Г. Выбор точки отсчета как принцип систематизации наименований холодного оружия (на материале русского и английского языков)	с. 47
Димитренко Л.Ю., Курасова Е.В. Метафорический перенос как продуктивная модель при образовании семантических неологизмов на современном этапе развития языка (на материале ЛСГ «Компьютерные технологии» в русском и французском языке)	с. 53
Чечина О. А. Слова «дыра» и «hole» в русском и английском языках	с. 56
Шишкина Н.М. Глаголы, обозначающие запрос информации, в русском и английском языках	с. 59
Димитренко Л.Ю. Особенности семантики глаголов ЛСГ «Эмоциональная деятельность» в русском и французском языках	с. 62
Королева Е.Н. О некоторых особенностях дистрибуции лексемы «играть» (на материале русского и английского языка)	с. 65

Корнева В.В. О некоторых особенностях семантического варьирования русского предлога <i>в</i> на фоне испанского языка	с. 69
Семенова Д. В. Сопоставительный аспект гендерного анализа фразеологии английского, русского и кабардинского языков	с. 74
Поталуи В.В. Лакунарность и безэквивалентность как проявление национальной специфики семантики ЛФП «Наименования руководителей» в русском и английском языках	с. 77
Подвигина С.М. Лексемы «ветер» в русской и немецкой фразеологии	с. 80

Раздел 3. Сопоставительные исследования концептосфер

Железнова Ю. В. Сопоставление национальных концептосфер: к постановке проблемы	с. 85
Топорова В.М. Семиотика пространства: общность и специфика языковой репрезентации	с. 88
Глушкова И.С. Языковая репрезентация пространственного кода (на материале русских и немецких искусствоведческих текстов о русской иконописи XI –XV веков)	с. 92
Фомина И.В. Сопоставительное исследование супермногочленной синонимической номинации в русском и английском языках	с. 95
Костенко Н.В., Калугина И.А. Национальная специфика способов выражения концепта «полнота охвата»	с. 99
Попова Л.Г. Сопоставительная характеристика лексической репрезентации концепта « дети» в отдельных индоевропейских языках	с. 104
Воеводская О.М., Пустовалова Н.И. Концепт «деньги» в художественных и публицистических текстах (на материале русского и английского языков)	с. 107
Науменко Н.Л. Особенности языковой репрезентации концепта «долг» (на материале русского и немецкого языков)	с. 115
Калугина В.А. Концепт «тепло» в семантическом пространстве русского и английского языков	с. 119
Орехова Н.Н. Письмо в диахронии и когнитивные процессы	с. 122

Раздел 4. Сопоставительная лингвокультурология

Домбровская И.В., Молчанова Л.В. Одинаково ли созерцают американцы и немцы?	с. 127
Милосердова Е.В. О некоторых типологических расхождениях в немецком и русском языках на прагматическом уровне	с. 132
Шарданова М.А. Категория красоты в разнотипных языках (на материале английского и кабардинского языков)	с. 136

Ткаченко А.А. Сравнительное описание речи пользователей русскоязычного и немецкоязычного чата	с. 139
Аленькова Н.В. Поэтические образы и художественные параллели как способы передачи горестного чувства в английской и русской лирике	с. 145
Палагина О.И. Вещественные коннотации понятий ум, разум /esprit, intelligence, raison в русском и французском языках	с. 148
Детинкина В. В. Рекламные тексты как источник контрастивного исследования	с. 152
Костин А.М. Гендерная идентичность и выбор никнейма	с. 155
Алексеева Е.В. Выявление сходств и различий национальных культур через сопоставление ценностей в журнальной публицистике Англии и России	с. 164

Раздел 5. Сопоставительные исследования и перевод

Козельская Н.А., Сун Яньян К проблеме сохранения / утраты национальной специфики лексики при переводе	с. 173
Мартынова Ю.А. Некоторые особенности лексико-стилистических трансформаций при переводе на английский язык образных средств в поэтическом тексте	с. 175
Зубкова Л.И. Особенности перевода русских имен собственных на английский язык	с. 181

Раздел 6. Сопоставительные исследования в области словообразования и грамматики

Ульянова Н.П., Гибало Е.Н. Сопоставительный анализ структурных моделей народных фитонимов в современном английском и русском языках	с. 185
Москалёва Е.В. Сопоставительный анализ английских и русских трансомиантных новообразований на материале художественного текста	с. 188
Зубова Л.Ю. Аббревиатуры в медицине и их классификация (на материале английского и французского языков)	с. 191
Щербатюк Э.Е. Модальное значение долженствования и средства его выражения в русском и немецком языках	с. 196
Брыксина И.Е. Глагольные наклонения и их роль в осуществлении взаимодействия модальных значений трех аспектов во французском и русском языках	с. 201
Волова А.Л. О залоговых особенностях функционирования предложений с глаголами лексико-семантической группы касания в русском и немецком языках	с. 206

Зотова А.Б. К вопросу об особенностях междометного предложения как подтипа восклицательного в английском и русском языках	с. 208
Леонова Н.М. Специфика содержательного и структурного оформления несобственно-прямой речи в немецком и русском художественном тексте	с. 212
Содержание	с. 217